ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 44-й

№ 37 (4375)

13 сентября 1972 г. СРЕДА

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

ГЛАВНЫЙ ХЛЕБ

Леонид ИВАНОВ

ВЗОРЫ всей страны обращены сейчас на восток, где развернулась грандиозная битва за хлеб. На просторах сибирских и казахстанских полей ни днем, ни ночью не утихает шум десятков тысяч моторов. Вместе с механизаторами других республик сибирские хлеборобы держат серьезный экзамен.

Первые намолоты показывают, что стопудовый урожай — это уровень типично средних хозяйств. Труженики Саргатского района Омской области, Минусинского района Красноярского края намолачивают более 20 центнеров с гектара, а на Алтае в ряде хозяйств получают свыше 30.

Хороший урожай радует всех! И радость эта пришла сюда не сегодня. Мне запомнились Дни советской литературы на Алтае. Там нас познакомили со знатным комбайнером из Родинского района Петром Кошкиным. По итогам прошлой страды он стал чемпионом страны, собрав более 23 тысяч центнеров зерна. Петр Кошкин говорил нам:

— И нынче будет добрый урожай! — Шутил: — Наверно, писатели привезли к нам хорошие дожди.

Действительно, в те дни в засушливой Кулунде пошли дожди, а сибиряки хорошо знают: июньские дожди — бальзам для хлебной нивы. И вот теперь отрадно слышать, что Петр Кошкин взял обязательство намолотить не менее 24 тысяч центнеров зерна.

Не отстает от него и Герой Социалистического Труда Иван Недобитков из Красноярского края. Между этими виртуозами жатвы развернулось соревнование, которое подхвачено тысячами других механизаторов.

В государственные закрома поступили первые десятки миллионов пудов сибирского и казахстанского хлеба — главного хлеба страны.

Весом вклад восточных районов в общегосударственный хлебный амбар.

Но нелегок сибирский хлеб. Не случайно во всех сообщениях упоминается об особых трудностях нынешней уборки: холодное лето вызвало позднее созревание хлебов. А дожди положили на землю лучшие массивы пшеницы, природа не балует сибиряков погожими днями и в дни страды. Однако хорошо известно, что богатый урожай убирается дружней.

Справедливости ради надо сказать, что у сибиряков вообще-то не было легкой страды. Я сам 40 лет живу в Сибири и, пожалуй, только прошлогоднюю страду могу назвать более или менее нормальной.

Известный хлебороб и ученый Т. С. Мальцев не раз обращался к селекционерам: дайте нам такой сорт яровой пшеницы, который не полегал бы при урожае в 40—50 центнеров.

Но, к сожалению, селекционеры все еще остаются в большом долгу перед хлеборобами.

Создать для Сибири такие сорта высокоурожайной яровой пшеницы, которые не полегали бы и созревали раньше возделываемых теперь дней на 10—15, — это значит в полтора-два раза повысить урожайность сибирских полей и раза в два облегчить труд хлеборобов.

Это разговор о заботах завтрашнего дня огромного хлебного края. А сегодня на степных просторах идет борьба за большой хлеб Сибири и Казахстана. Идет напряженная работа больше чем на 30 миллионах гектаров. Успеха вам, бойцы сражения за большой хлеб страны!

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

РОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ

П. ЛЕОНОВ, первый секретарь Сахалинского обкома КПСС

В ЭТИ ДНИ трудящиеся Сахалина с огромнейшим интересом принимают у себя большую группу писателей, прибывших для участия в Днях советской литературы, посвященных пятидесятилетию образования СССР и пятидесятилетию освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев.

Такая многочисленная делегация прозаиков, поэтов, очеркистов, представляющих многонациональную советскую литературу, прибыла к нам впервые. Сахалинцы и курильчане сердечно благодарят правление Союза писателей СССР за организацию праздника литературы на сахалинской земле.

Многочисленные встречи писателей с тружениками области на буровых, стройплощадках, рыболовных судах, в цехах, в клубах и домах культуры имеют обоюдоважное значение: трудящиеся области знакомятся с творческими планами литераторов, с их новыми произведениями. Писатели в свою очередь получают возможность глубже изучить жизнь и дела сахалинцев.

Обком партии, советские, профсоюзные, комсомольские и хозяйственные организации делают все, чтобы как можно шире ознакомить писателей с огромными изменениями, которые волей партии, трудом народа превратили наш островной край в область с высокоразвитой промышленностью и сельским хозяйством, наукой и культурой.

Наши гости могли убедиться, что Сахалинская область — одна из самых «читающих» в республике. У нас ежегодно продается книг на сумму около двух с половиной миллионов рублей. Личные библиотеки в несколько сот томов можно встретить во многих сахалинских семьях.

Хотелось бы высказать пожелание: надо, чтобы Дни советской литературы на Дальнем Востоке стали традиционными. Это своеобразный наказ жителей нашей области писателям.

Пользуясь случаем, хочу горячо и сердечно поблагодарить через «Литературную газету» всех участников Дней советской литературы за их яркие и содержательные выступления, за тот вклад, который они внесли в дело коммунистического воспитания трудящихся.

стр. 3

Торжественное открытие памятника Л. Н. Толстому

Фото Я. НИСНЕВИЧА

АВТОРУ «ВОЙНЫ И МИРА» — С ЛЮБОВЬЮ...

РЕПОРТАЖ «ЛГ»

ДВА МЕСТА в России были особенно любимы Львом Николаевичем Толстым — Ясная Поляна и Москва.

Девичье поле; сквер, еще не тронутый осенней желтизной. Когда-то Толстой бывал здесь, дышал этим воздухом, и места эти хранят память о нем.

Неподалеку от сквера — старый двухэтажный особняк, в котором были созданы многие бессмертные творения... Один из современников Льва Николаевича — Н. Иванов, бывавший у писателя в Хамовнической усадьбе почти 100 лет назад — в 1886 году, — писал: «Наружность его была оригинальна и внушительна. В приветливом и добродушном взгляде его серых глаз, под энергично сдвигавшимися порой «дедовскими» бровями, чувствовалась непреклонная, даже упрямая воля... Скромная, серая, подпоясанная узким ремнем блуза, очень широкая и длинная, со множеством складок, идущих каскадом из-под русой, в то время еще только с проседью, бороды, очень шла к его мощной фигуре...»

Таким его запомнили старые Хамовники — в серой подпоясанной блузе. Таким он изображен и на памятнике, открытом 8 сентября в сквере Девичьего поля, — сидящий в задумчивой позе, с нахмуренными бровями — будто только что закончил писать...

На трибуне появляются член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев, министр культуры СССР Е. А. Фурцева, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, партийные и советские работники, деятели литературы и искусства, представители общественности столицы.

Митинг открывает заместитель председателя исполкома Моссовета А. К. Мельниченко. В кратком вступительном слове он говорит о влиянии гения русской литературы на развитие мировой культуры, о его привязанности к Москве, о всенародной любви к автору «Войны и мира».

Затем первый секретарь правления Союза писателей СССР Георгий Марков разрезает красную ленту, стягивающую покрывало. Перед собравшимися предстает гранитная фигура Л. Н. Толстого. Семнадцать лет напряженного труда отдали скульптор А. М. Портянко, архитекторы В. В. Богданов и В. П. Соколов, чтобы создать этот памятник...

Звучит Гимн Советского Союза.

К микрофону подходит Георгий Марков.

— Сегодня к этой площади Москвы, — говорит он, — к этому замечательному сооружению, воссоздающему облик нашего прославленного соотечественника, обращены взоры всех советских людей, всех писателей страны, чье восхищение перед гением Льва Толстого и благодарность за его творческий подвиг не имеют пределов.

Открытие памятника Льву Николаевичу Толстому в Москве — событие большого культурного значения. Лев Толстой — гордость русской нации, гениальный художник, который, как отмечал Ленин, «...сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе». Его неувядаемые творения «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Севастопольские рассказы», «Детство. Отрочество. Юность» стали шедеврами мировой литературы, с максимальной полнотой выразив национальные особенности русского народа. Полноводной рекой течет на страницах этих произведений жизнь необъятной страны, со всеми ее сложностями и противоречиями, радостями и бедами. Писателя восхищают трудолюбие народа, его доброта, скромность, дружелюбие, мужество и героизм в суровую годину защиты Отечества от иноземных захватчиков.

Лев Толстой оказал и продолжает оказывать огромное влияние на развитие русской и всех литератур мира. Это влияние выражалось не только в воздействии могучего толстовского таланта на художественную манеру того или иного писателя, но, что гораздо важнее, на направление литературы, на развитие в ней народно-демократических, общественных тенденций.

— Советская литература, — продолжает оратор, — детище народа и революции, она по праву является наследницей и продолжательницей классической литературы. Богатейший опыт, несравненные уроки творчества гениального писателя — бесценное достояние всей многонациональной советской литературы, которая создается сегодня на 75 языках наций и народностей Советского Союза. В социалистическом обществе она стала частью общенародного дела, превратилась в могучее средство

● ОКОНЧАНИЕ НА 3-Й СТР.

ВОЛЯ К ПОБЕДЕ

ПРИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» — ВАЛЕРИЮ БОРЗОВУ

Трагические события в Олимпийской деревне вытеснили с первых полос газет все другие сообщения. Журналистов созывали на срочную пресс-конференцию в 3 и 4 часа ночи. Поступали известия, опровергавшие одно другое. Циркулировали слухи о том, что некие молодчики, прибывшие на Олимпиаду из-за океана, готовятся похитить членов советской олимпийской команды, чтобы предъявить свои ультиматумы. И Олимпийская деревня, и пресс-городок были заполнены полицейскими и солдатами.

Нервная, напряженная обстановка воцарилась на Олимпиаде. Но соревнования продолжались. Я провел последние дни с советскими олимпийцами и видел, как собраны, подтянуты они. А и чему это привело, лучше всяких слов поведали вам цифры судейских протоколов...

Был волейбольный матч женских команд СССР — Япония. После того как японки выиграли четвертый сет и раскрепощенно начали пятый, многие уверовали в их победу.

Вот тогда-то и показали наши девушки, что таков истинный спортивный класс, настоящая воля к победе, как надо бороться, когда кажется, все против тебя. Это была победа, достойная приза «ЛГ».

Но разве не достойна его наша бегунья Людмила Брагина, включенная в команду после того, как все олимпийские справочники были уже подписаны к печати? Три раза стартовала Людмила и во всех трех забегах улучшила мировые рекорды!

Или десятиборец Николай Авилов, заявивший о себе новым мировым рекордом?

А баскетболисты?

И все-таки большинством голосов приз «ЛГ» присужден Валерию Борзову, заслуженному мастеру спорта, аспиранту Киевского института физической культуры. Это решение приняла группа писателей, находившихся на Олимпиаде. Борзов превзошел не только соперников — американских спринтеров. Он превзошел самого себя, показав лучшие свои результаты.

Диплом «ЛГ» был вручен Валерию Борзову в торжественной обстановке на митинге олимпийской команды.

Олимпиада не только возвысила советских спортсменов в глазах ценителей спорта. Она помогла хозяевам и гостям соревнований ознакомиться с характером советского человека — настойчивым и в то же время дружелюбным.

А. КИКНАДЗЕ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

МЮНХЕН. (По телефону)

стр. 13

СОФИЯ
СОЮЗ БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие товарищи!

Сердечно приветствуем вас в день большого праздника болгарского народа — 28-й годовщины социалистической революции в Болгарии.

Верные заветам Георгия Димитрова, вы неустанно помогаете своим творчеством Коммунистической партии в строительстве социалистического общества, воспитании нового человека, преданного высоким идеалам коммунизма.

Желаем вам дальнейших успехов в вашем благородном труде по созданию высокоидейных, талантливых произведений, ярко отражающих социалистическую действительность.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

●

ПХЕНЬЯН
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КНДР

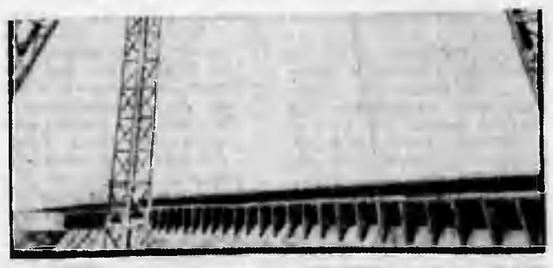
Дорогие друзья!

Советские писатели сердечно поздравляют вас с национальным праздником — 24-й годовщиной образования Корейской Народно-Демократической Республики.

Желаем вам, нашим коллегам, больших творческих успехов в создании произведений, отображающих достижения корейского народа на пути социалистического строительства, служащих делу мира и братства между народами.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЭКСПЕДИЦИЯ «КОМПЛЕКС»



БРАТСК, о котором мы хотим рассказать, — это не только прославленная ГЭС, не только новый город в тайге, но и огромный лесопромышленный комплекс, где из ангарской сосны делают два десятка продуктов — от целлюлозы до канифоли, но и алюминиевый завод, крупнейший в мире. Горно-обогатительный комбинат в Коршунихе и город Железногорск, Усть-Илимскую гидроэлектростанцию и город Усть-Илимск и еще многое другое, включая таежные автотрассы и пригородные совхозы, построил, строит и будет строить Братск.

Короче говоря, наш разговор — о Братско-Усть-Илимском территориально-производственном комплексе [ТПК], одном из важнейших среди тех, что были названы на XXIV съезде КПСС.

Братско-Усть-Илимский ТПК дает предметные уроки для нынешних и будущих комплексов. Отдавая Братску заслуженную им славу, следует признать, что не все здесь складывалось безоблачно. Тем поучительнее опыт Братска.

В основу отчета экспедиции «Комплекс» положены наблюдения наших специальных корреспондентов, а также факты и суждения, которыми поделились с отделом экономики «Литературной газеты» многие партийные, советские и хозяйственные руководители, ученые, проектировщики, работники ведомств и плановых органов, участники освоения таежного Приангарья.

Был проведен также «круглый стол» «ЛГ» в Институте географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР, беседы в отделе региональной экономики и размещения производительных сил Восточной Сибири Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, встречи в Совете по изучению производительных сил при Госплане СССР.

Касаясь сложных проблем ТПК, специалисты не одинаково оценивали факты и события, высказывали спорные мнения и предложения. Экспедиция «Комплекс» стремилась отразить в своем отчете как документально установленные факты, так и дискуссионные точки зрения.

Мышление масштабами ТПК — новый шаг советского планирования, особенно четко обозначившийся в девятой пятилетке. Как всякое новшество, ТПК дает много пищи для размышлений, ставит свои проблемы перед наукой и практикой, выдвигает непростые задачи перед управлением.

стр. 10

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

ДРУЗЬЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. ФЕДОРЕНКО, секретарь правления Союза писателей СССР

По просьбе редакции «Литературной газеты» секретарь правления СП СССР, главный редактор журнала «Иностранная литература» Н. Т. Федоренко рассказывает о Третьей международной встрече переводчиков советской литературы, которая открывается в Москве 19 сентября.

МЕЖДУНАРОДНАЯ встреча мастеров художественного перевода советской литературы, открывающаяся 19 сентября в Москве, посвящена исторической дате — 50-летию образования СССР. Нынешняя конференция, являющаяся третьей по счету, проводится в соответствии с программой международных литературных связей Союза писателей СССР как одно из наиболее важных мероприятий года. Ставшие уже традиционными московские встречи оказывают существенную помощь участникам в деле взаимного знакомства с теорией и практикой художественного перевода, в сопоставлении взглядов и опыта, поисков и творческих находок, а также в обмене информацией относительно положения дел с переводом произведений советских писателей в различных странах мира. С каждым годом накапливается огромный, во многом новаторский опыт переводческой практики, который, безусловно, заслуживает основательного теоретического обобщения в целях дальнейшего расширения мирового литературного обмена. В процессе работы над переводами прозы и поэзии советских авторов исторически сложились свои особенности и свои требования, в равной степени существенные для переводчиков на западные, восточные и африканские языки.

В нынешней встрече примут участие более восьмидесяти литераторов, ученых и издателей, занимающихся переводом, изданием и популяризацией современных советских писателей и классиков дореволюционной литературы. Среди участников — известные мастера этого высокого искусства из стран социалистического содружества, развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки и капиталистических государств. Здесь и выдающийся болгарский художник слова, академик Людмил Стоянов, болгарские литераторы Андрей Германов и Николай Антонов, крупные венгерские художественные переводчики Имре Макан, Жужа Раб, ведущие немецкие мастера перевода Гюнтер Иенихе, Гюнтер Штейн, Лизелотта Ремане, польские литераторы Анна Каменская, Генрика Бронятовская, Ежи Енджеевич, известные румынские специалисты Татьяна Николеску, Валерия Садовяну, Екатерина Танасова, аргентинская переводчица

● ОКОНЧАНИЕ НА 2-Й СТР.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС

СМОТР БОЛГАРСКОЙ КНИГИ

Открытием большой книжной выставки во Всесоюзной Государственной библиотеке иностранной литературы в Москве, на которой представлено свыше 600 изданий, началась Декада книги Народной Республики Болгарии. Она посвящена национальному празднику братского народа — Дню свободы и проводится одновременно в Ленинграде, Киеве, Кишиневе, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Могилеве, Андижане, Харькове и Одессе.

С 1946 по 1972 год в нашей стране было переведено и издано 667 названий книг 136 писателей Болгарии общим тиражом около 30 миллионов экземпляров на 30 языках народов нашей страны.

ЕДИНСТВО ЦЕЛЕЙ

50 ЛЕТ СССР

Первый секретарь ЦК КП Эстонии И. Г. КЭБИН отвечает на вопросы главного редактора «Литературной газеты»

ВОПРОС. С победой социализма в Эстонии восторжествовала марксистско-ленинская идеология, коренным образом изменилось общественное сознание. Как, на ваш взгляд, за годы, прошедшие после добровольного вступления Эстонии в состав СССР, обогатился духовный мир эстонского народа?

ОТВЕТ. Безусловно, изменения, происшедшие после победы социализма в общественном сознании, в духовном мире эстонского народа, велики. Добровольно вступив в августе 1940 года в Советский Союз, Эстония приобщилась к новому типу экономических отношений, заняла свое место в социалистическом разделении труда между советскими республиками. Тем самым республика получила возможность наиболее рационально, с наибольшей эффективностью для себя и для всего Советского Союза использовать свои ресурсы, свои производительные силы.

В результате социалистической взаимопомощи братских народов СССР объем промышленного производства республики за годы Советской власти был увеличен почти в 30 раз, а валовая продукция сельскохозяйственного производства в 1971 году превысила уровень 1940 года в 142 раза. Эстонский народ гордится своими успехами, но в то же время вполне сознает, что это результат крепкой дружбы, объединяющей все советские республики в единую семью, результат их тесного сотрудничества и братской взаимопомощи.

Интенсивное приобщение Эстонии к материальным ценностям, к опыту хозяйственного строительства братских республик в процессе взаимного сотрудничества сопровождалось активным обменом духовными ценностями. Эстонская национальная социалистическая культура, развивая свои прогрессивные традиции, получила возможность впитывать в себя все лучшее, что есть в культуре братских народов. Практика строительства новой культуры в нашей республике является наглядным подтверждением вывода, сделанного в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», о том, что «закономерными в духовной жизни стали расцвет, сближение и взаимообогащение культур социалистических наций и народностей». Эстонский народ, как и весь советский народ, формировался, подчеркивается в постановлении, «на базе общественной собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии, интересов и коммунистических идеалов рабочего класса».

Самым ценным моральным приобретением эстонского народа за годы Советской власти является, на наш взгляд, преданность коммунистическим идеалам, чувство личной причастности каждого к всенародному труду на благо Родины, стремление принести наибольшую пользу социалистическому обществу. Мы видим, как неизмеримо возросла в современных условиях нравственная ценность труда — одного из главных компонентов духовного облика советских людей.

Наиболее глубоко смысл этого бесценного приобретения постигается, если взглянуть на некоторые цифры. Лишь в минувшей пятилетке (1966—1970 гг.) объем промышленного производства в Эстонии увеличился на 45 процентов, в том числе производство электроэнергии — на 56 процентов, минеральных удобрений — на 85 процентов. Сфера промышленности, транспорта и связи дала почти 80 процентов создаваемого в республике общественного продукта. Не менее значительны достижения эстонского народа в области сельскохозяйственного производства. Несмотря на то, что в сельском хозяйстве республики сейчас работает всего лишь 14 процентов от всего занятого в народном хозяйстве трудоспособного населения, то есть в несколько раз меньше, чем до 1940 года, производимая валовая продукция в 1,5 раза больше, а в общественном секторе только за последние пять лет она увеличилась на 31 процент. Казалось бы, сухой перечень цифр, но он звучит утверждающим гимном сознательному, творческому труду, труду эстонского народа, уверенно идущего к коммунизму в общем строю всех народов Советского Союза.

Сама практика коммунистического строительства, современная научно-техническая революция обусловливают качественные сдвиги в духовном росте людей. «Великое дело — строительство коммунизма невозможно двигать вперед без всестороннего развития самого человека, — отмечалось на XXIV съезде КПСС. — Без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы».

Это требование реализуется в Эстонии в ускоренном росте числа специалистов, людей творческого труда, занятых в народном хозяйстве республики. Ныне в республике в 8,4 раза больше специалистов с высшим образованием и в 6,2 раза больше специалистов со средним специальным образованием, чем до войны, с 1945 по 1965 год высшую школу окончили в пять с лишним раз больше людей, чем в буржуазной Эстонии за такой же отрезок времени. В 1968/69 учебном году у нас на каждые 10 тысяч населения приходилось 173 студента.

В росте численности лиц, занятых умственным трудом, и прежде всего специалистов, находит свое проявление общая прогрессивная тенденция повышения доли умственного труда в производстве и во всех сферах деятельности нашего общества на современном этапе. Но развитие творческих способностей человека не сводится только к овладению специальными знаниями, а всегда связано с приобщением ко всему богатству духовной культуры советского народа, всего человечества.

В сегодняшней Эстонии как само собой разумеющееся воспринимается и бесплатное обучение в школах, и доступные всем высшее и среднее образование, и книга, и широкая сеть клубных учреждений, и научно-исследовательские институты по различным отраслям науки. Все это — результат победы советского строя в Эстонии, результат культурной революции, осуществленной в республике в послевоенные годы.

Важное место в системе работы по повышению культурно-технического уровня трудящихся занимает широкая сеть общественных учреждений, и в частности народные университеты, активно приобщающие слушателей к современным научным знаниям в области политики, экономики, техники, культуры, искусства. В республике работают 196 народных университетов, на базе которых организовано около 2 тысяч филиалов и учебных групп с 90 тысячами слушателей. Народные университеты получили широкое признание в нашей республике как средство коммунистического воспитания и повышения социальной активности трудящихся.

Ярким свидетельством духовного роста культуры эстонского народа является интенсивное развитие науки, неуклонное увеличение числа научных кадров, располагающих современной исследовательской базой. За последние четверть века число научных учреждений республики возросло почти в три с половиной раза. Ныне у нас имеется 69 научных учреждений, количество научных работников увеличилось в республике по сравнению с 1940 годом в 7,7 раза. Наряду со старшим поколением ученых плодотворно работают молодые исследователи. Только за прошедшую пятилетку количество научных работников республики увеличилось на 700 человек. В научных учреждениях республики работают ныне свыше 100 докторов наук и 1375 кандидатов наук.

Успехи эстонских ученых в некоторых областях науки получили признание не только в нашей стране, но и за рубежом. В частности, широкую известность приобрели исследования наших ученых в области химии горючих сланцев, физики твердого тела, физики атмосферы, тонких методов физико-химического анализа, а также исследования по истории крестьянского движения и в области финно-угорских языков. Большую роль в развитии науки в республике играет сотрудничество с Академией наук СССР и другими ведущими научно-исследовательскими центрами нашей страны. Сегодняшняя наука нашей республики, вступившей в девятую пятилетку, обладает большими возможностями для дальнейшего воспитания научных кадров, повышения знания и квалификации специалистов, для усиления связи между наукой и производством именно потому, что она активно влияет на повышение общего интеллектуального уровня жизни нашей республики, входит неотъемлемой составной частью в духовную культуру эстонского народа.

Все вышесказанное создало, естественно, благоприятную почву для формирования человека новой, социалистической формации, патриота Страны Советов.

Отсюда ясно, что для эстонца понятие Родины расширилось не только географически, чувство единства и братства обогатилось новым, интернациональным содержанием. Постоянное общение и контакты как на производственной, так и на культурной почве сближают и роднят людей разных национальностей. Так, например, почти все крупные, да и не только крупные, предприятия находятся в постоянных дружественных связях с заводами и фабриками в других республиках. Наряду с обменом опытом, информацией возникают и личные знакомства. А отсюда — лучшее знание друг друга, взаимное расширение кругозора. Или взять хотя бы такую, казалось бы, отвлеченную область, как экскурсии в братские республики. Специальный опрос среди людей показал, что около 90 процентов рабочих и инженерно-технических работников побывали в братских республиках и что больше всего посещаемы места, связанные с революционными событиями. Небезынтересно отметить также, что у каждого третьего из опрошенных имеется личный друг иной национальности.

Дружбу народов нашей страны укрепляют в немалой степени и другие формы общения. Сюда относятся всесоюзные соревнования по специальностям: пахарей, трактористов, мелиораторов, маляров и многих других, спортивные соревнования и популярные в Эстонии народные походы «Знай свою Родину», всесоюзные стройки, студенческие дружины — их плодотворное действие в деле интернационального воспитания более чем очевидно.

ВОПРОС. В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» говорится, что в нашей стране «выращены национальные кадры, достигла расцвета социалистическая по содержанию, национальная по форме культура народов. В невиданных ранее масштабах создаются и публикуются на языках народов СССР произведения литературы и искусства, научные труды, выпускаются газеты и журналы». Не могли бы вы рассказать, как пример Эстонии подтверждает эти слова из постановления ЦК?

ОТВЕТ. Наиболее убедительным языком говорят здесь факты и цифры. Так, например, в Советской Эстонии значительно увеличилось издание книг, их тиражи выросли в семь раз по сравнению с буржуазным периодом. В республике издается сейчас более 13 миллионов экземпляров книг в год. На прилавках магазинов книги не залеживаются, их раскупают очень быстро. Некоторых изданий не хватает и при 60-тысячном тираже, как это произошло недавно во время подписки на серию произведений художественной литературы «Кладезь». Надо учесть, что трудящиеся республики получили широкий доступ к книжным фондам, хранящимся в библиотеках, сеть которых значительно возросла. Всего библиотек в республике 814, их фонд составляет 9,2 миллиона экземпляров, число читателей — 485 тысяч. О степени распространения книги среди трудящихся нашей республики говорит и такой факт. В настоящее время каждый житель нашей республики покупает в год книг в среднем более, чем на 5 рублей, то есть примерно 10 книг. Подобных показателей не знает ни одна капиталистическая страна.

И еще одно примечательное явление. В прошедшем году в нашей республике издано вдвое больше справочной литературы, чем издавалось раньше, что говорит о все более возрастающей тяге к знаниям. Здесь уместно сказать об издании 8-томной Эстонской Советской Энциклопедии, из которых три тома уже вышли в свет.

Художественная литература нашей республики приобрела известность во всем Советском государстве и за рубежом в первую очередь благодаря переводам на русский язык. Если за два десятилетия буржуазной власти на другие языки было издано всего 199 произведений эстонской литературы общим тиражом около 600 тысяч экземпляров, то при Советской власти за такой же период издано на языках других народов, по неполным данным, 435 произведений общим тиражом около 11 миллионов экземпляров.

Эстонский народ теперь на своем родном языке знакомится с лучшими произведениями национальных литератур СССР. Это одно из ярких проявлений исторического процесса сближения и взаимного обогащения культур всех советских народов.

Эстония занимает одно из первых мест в СССР по распространению периодической печати. Достаточно сказать, что в республике выходит 59 газет и журналов, разовый тираж достигает 1,8 миллиона экземпляров.

О культурном росте трудящихся Эстонии свидетельствует и возрастающая из года в год посещаемость театров, концертных залов, кино. Достаточно сказать, что в театры сейчас зрителей ходит в два раза больше, чем в последние годы буржуазной власти.

В настоящее время в республике — девять профессиональных театров, три симфонических оркестра, два крупных профессиональных хоровых коллектива, в их числе особенно известен Государственный Академический мужской хор Эстонской ССР. Также работают двенадцать народных театров, тридцать восемь самодеятельных коллективов художественного творчества получили звания народных и заслуженных коллективов.

Замечательной народной традицией, зародившейся еще в прошлом веке, являются певческие праздники. Но только в советские годы эти праздники стали подлинно массовыми и своим содержанием по-настоящему полно выражают думы и чувства народа. Грандиозный праздник состоялся летом 1969 года в честь сотой годовщины этой традиции и в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Нынешним летом успешно прошел праздник песни и танца школьников Эстонии, посвященный 50-летию пионерской организации имени В. И. Ленина и полувековому юбилею образования Союза Советских Социалистических Республик.

Большим событием в культурной жизни явился Первый всесоюзный фестиваль хоров, проведенный в июне месяце в Таллине. В нем приняли участие хоры из всех союзных республик, а также из социалистических стран — Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, ГДР и Польши. Это мероприятие было посвящено 50-летию образования СССР и вылилось в большой праздник дружбы и единства народов Советского Союза.

Большой популярностью в республике и за ее пределами пользуется творчество лауреата Ленинской премии писателя Юхана Смуула, значительные произведения создали прозаики Ааду Хинт, Пауль Куусберг, драматург Эгон Раннет и многие другие, в жанре поэзии активно работают Дебора Ваарандн, Ральф Парве, Владимир Беэкман. Подрастает замечательная плеяда молодых литераторов.

На подъеме находится эстонское музыкальное творчество. Наряду с известными мастерами, такими, как Эуген Капп, Густав Эрнесакс, Борис Кырвер, создали яркие произведения, отмеченные талантом, своеобразием творческого почерка, композиторы молодого поколения Эйно Тамберг, Яан Рянтс и другие. Замечательным искусством радуют мастера сцены народные артисты СССР Тийт Куузик, Георг Отс, Антс Лаутер, Айно Тальви, Антс Эскола, режиссер Каарел Ирд.

Широкую известность приобрели талантливые художники Эвальд Окас, Гюнтер Рейндорф, Эдуард Эйнманн, Эльмар Китс, Виве Толли и другие. Творческие победы имеются также в активе работников киноискусства республики.

Эстонская советская национальная культура является органической составной частью великой многонациональной советской социалистической культуры, она — национальная по форме, социалистическая по содержанию — проникнута подлинным интернационализмом. Взаимное общение и взаимное влияние отнюдь не сдерживают развития культуры любой из наций СССР, наоборот, именно в таком общении заложены неисчерпаемые возможности неограниченного расцвета культуры каждой социалистической нации.

Процессу сближения культур, укрепления их интернациональной основы содействуют межнациональные связи. С этой целью проводятся взаимные выставки произведений искусства, кинофестивали, гастроли театров и выступления мастеров искусств Эстонии и братских республик.

В Эстонии проведены декады литературы и искусства Молдавии, Армении, Узбекистана и РСФСР. В свою очередь эти республики принимали у себя представителей эстонского искусства. Творческие встречи состоялись в Ульяновске и в сибирском городе Иркутске.

В школах Эстонии с обучением на эстонском языке родители, как правило, изъявляют желание, чтобы их дети изучали также русский язык. Это стремление понятно: русский язык в нашей стране стал языком межнационального общения, он помогает овладевать великими богатствами духовной культуры и науки других народов СССР.

Партия, указывается в Программе КПСС, будет «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков».

Советская школа дает возможность каждому гражданину учиться и обучать своих детей на родном языке. Это одно из замечательных завоеваний ленинской национальной политики.

Коммунистическая партия Эстонии накопила определенный опыт руководства строительством национальной социалистической культуры. Опираясь на этот опыт, мы стремимся привлечь к управлению процессами духовной жизни нашего народа также современную науку, и прежде всего социологию. С этой целью при Общественном институте социологических исследований, созданном при ЦК КП Эстонии, организован специальный сектор по проблемам культуры. За последние годы сектором в сотрудничестве с учеными, работниками культуры проведен ряд серьезных исследований, таких, как «Ты и культура» (1967 г.), «Клуб и современность» (1970 г.), «Народная библиотека и читатель» (1969 г.), «Театр и рабочий» (1970 г.), «О развитии традиционных форм художественной самодеятельности» (1971—1972 гг.), и ряд других. К этим исследованиям примыкают те, которые продолжительное время ведутся сектором массовых коммуникаций нашего Общественного института социологии. Этот сектор изучает проблемы эффективного использования радиопередач в целях интернационального воспитания аудитории.

Мы придаем исключительно важное значение этим и подобным им исследованиям еще и потому, что они являются ценным исходным материалом для совершенствования нашей работы по организации досуга трудящихся, позволяют с научных позиций подойти к проблеме его организации в плане повышения его моральной ценности для человека. Вот почему мы сочли необходимым передать комплексное исследование проблемы свободного времени штатному исследовательскому центру — сектору социологии Института истории АН ЭССР.

ВОПРОС. Какую роль в становлении и укреплении социалистического строя в Эстонии сыграла многонациональная советская литература? Как сейчас, в период коммунистического строительства, эстонские писатели помогают партии формировать мировоззрение советского человека, его идейные убеждения, духовную культуру?

ОТВЕТ. Во время буржуазной диктатуры (особенно после фашистского переворота, в условиях так называемого молчаливого периода) борьба за ознакомление с достижениями советской литературы была не просто одним из факторов культурной жизни, а предметом столкновения борющихся политических сил. Тот факт, что демократическим силам удалось издать на эстонском языке отдельные произведения М. Горького (в частности роман «Мать»), М. Шолохова и других советских авторов, что на эстонской сцене ставились пьесы Н. Погодина, А. Луначарского, М. Горького, играл немаловажную роль в борьбе против реакции, в борьбе за восстановление Советской власти в Эстонии.

Знакомство с советской литературой оказывало особенно большое влияние на общественно-политическую позицию эстонской интеллигенции, в том числе писателей. Именно в этом кроется одна из причин, почему в 1940 году многие эстонские писатели, такие, как Н. Варес-Барбарус, А. Якобсон, Н. Семпер, А. Алле, Я. Кярнер, Ю. Сютисте и другие, оказывались в первых рядах строителей новой жизни. Поэтому и овладение методом социалистического реализма у нас, как правило, шло сравнительно быстро и успешно.

В дальнейшем литература продолжает активно влиять на важные переломные социальные процессы в ходе строительства социализма в нашей республике. Можно смело сказать, что произведения писателей братских республик, например «Поднятая целина» и другие, и ряда эстонских авторов (А. Якобсон, Г. Леберехт, А. Хинт, Н. Семпер и др.) во многом помогли партии в подготовке и осуществлении исторического перелома в деревне.

Наш опыт красноречиво подтверждает, что литература, правдиво и глубоко отражающая действительность, способна стать значительным фактором общественного развития, она содействует росту новых качеств в характере человека, способствует росту новых взаимоотношений между людьми.

Годы социалистического строительства в Советской Эстонии мы рассматриваем как единый, целостный процесс, охватывающий и материальную, и духовную сферы народной жизни. На становление нового человека оказывали прямое влияние классическая и современная русская литература и литература других советских народов. Произведения М. Горького, М. Шолохова, Н. Островского, А. Фадеева, А. Толстого, К. Федина, А. Корнейчука, О. Гончара, В. Лациса и других стали органической составной частью эстонской советской культуры. Этот факт говорит о правильности и жизненной силе ленинской культурной политики, проводимой Коммунистической партией.

Благодаря неизменной дружбе советских народов и все крепнущему единству усиливаются и приобретают качественно новый характер сближение и взаимное обогащение советских социалистических национальных культур. И сегодня в Советской Эстонии мы говорим уже не об ознакомлении с литературой того или другого братского народа, а об интенсивном росте интереса к каждой братской литературе как органической составной части многонациональной советской литературы, которую пронизывают и скрепляют партийность, народность, боевой революционный гуманизм.

Мы рассматриваем ныне идейное влияние литератур братских народов как важнейший политический фактор. Хочу отметить, что за советские годы на эстонском языке издано свыше 1000 переводов русской классической и современной литературы и около 250 книг писателей других братских республик. Эта большая библиотека — мощное средство коммунистического воспитания!

Ведущие эстонские писатели Ф. Туглас, Н. Семпер, А. Санг, Д. Ваарандн, Я. Кросс и другие стали активными переводчиками, пропагандистами братских литератур.

О несомненном идейно-художественном росте литературы, благодаря чему она способна активно содействовать формированию коммунистических убеждений, а также все больше участвовать в общем литературном процессе, свидетельствуют цифры: с 1940 по 1971 год на русский язык переведено и издано 456 произведений эстонских писателей тиражом около 20 миллионов экземпляров, в других республиках — 249 книг тиражом 3,5 миллиона. Причем особенно много переводов приходится на последние годы, что, несомненно, свидетельствует о росте нашей литературы.

Если раньше в эстонской художественной литературе поднимались преимущественно исторические проблемы, то сейчас господствующая тема — современность, думы, стремления и чаяния советского человека, пристальное внимание к явлениям его внутреннего мира, глубокое проникновение в психологию человека. Одна из важных, насущных проблем, которой уделяется особое внимание, — это рост молодых литературных кадров.

Современный писатель — активный борец за внедрение в жизнь политики партии. В качестве примера можно привести Ю. Смуула. Именно благодаря ярко выраженной партийности и народности, глубокому интернационализму его творчество завоевало огромную популярность как в Эстонии, так и в братских республиках.

Конечно, в литературном «цехе» имеются и свои недочеты и трудности: порой выходят в свет серые книги, иногда важные проблемы современности трактуются поверхностно или вовсе обходятся, бывают случаи подражания недостойным советского писателя образцам и т. д.

Перед нами стоит задача усилить роль писателей в борьбе за претворение в жизнь постановлений XXIV съезда КПСС. Ибо, как сказано в Программе КПСС, «советская литература и искусство, проникнутые оптимизмом и жизнеутверждающими коммунистическими идеями, играют большую идейно-воспитательную роль, развивают в советском человеке качества строителя нового мира».

Стремясь помогать литераторам в их труде, партийные органы республики улучшают политическую работу среди писателей, содействуют дальнейшему укреплению их связей с коллективами фабрик, заводов, колхозов и совхозов и т. д.

Ведется большая работа по активизации внутрисоюзной творческой деятельности, по повышению уровня критики в соответствии с постановлением ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

Все это будет способствовать дальнейшему успешному развитию нашей литературы, активизации ее влияния на формирование нового поколения строителей коммунизма.

ДРУЗЬЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

Лия Рут Скляр, бразильский поэт Арнольдо де Кампос, индийские издатели Картарс Сингх Дуггал, Шейла Сандху, ливанский прозаик Никола Тавиль, сенегальский публицист Алиун Диоп, сингапурский поэт Го-Бо-Сен, малайзийский новеллист Усман Аванг, известные японские мастера перевода Масанобу Того, Норикадзу Инда, Канако Танака, Иосико Ивакаки, крупнейший австрийский переводчик Гуго Гупперт, западногерманские литераторы Карл Дедециус, Отфрид Пройслер, Агата Йанс, выдающиеся французские мастера Лили Дени, Мадлен Брон, Лидия Дельт, Антуан Витез, итальянские литераторы Уго Мурсия, Эридано Бецарелли, американские переводчики Мэриам Мортон, Люба Сопов, английские литераторы Х. С. Стивенс, Миша Кудян, испанский издатель Альфредо Эррера Ромеро и другие. Гостем встречи будет и президент Международной федерации переводчиков Пьер Франсуа Кайе. Им и многим другим участникам встречи — перечислить всех невозможно — принадлежит огромный вклад в сокровищницу художественного перевода лучших произведений современной советской многонациональной литературы и классического наследия нашей страны.

Труд зарубежных мастеров переводческого искусства, самым выразительным образом представляющий все возрастающую роль произведений социалистического реализма в мировом литературном процессе, свидетельствует о динамике роста духовного обмена между народами нашего государства и огромной аудиторией читателей в других странах мира. В свете такой масштабности работы над переводами понятными становятся стоящие перед московской встречей задачи и значение проблем практического опыта и теоретических обобщений художественного перевода, издания и популяризации произведений литератур народов СССР.

Всем известно, что у каждого народа сложились свои особые отношения и взаимосвязи с человечеством, с литературами прошлого и настоящего, с соседями далекими и близкими. Можно сказать, что у любого народа свой опыт и история художественного перевода, хотя значение его в движении национальной культуры, взаимосвязи переводов с оригинальным творчеством и языковым материалом подчинены определенным закономерностям. Никогда, однако, искусство художественного перевода в нашей стране не достигало такого размаха и развития, которые мы наблюдаем теперь. В условиях советского строя художественный перевод стал делом государственного значения, в котором жизненно заинтересованы миллионы людей: русские и украинцы, белорусы и грузины, армяне и узбеки, киргизы и азербайджанцы, многие другие народы, впервые после Октября получившие возможность обмениваться своими литературными ценностями.

Участникам конференции предстоит заслушать доклад о наиболее примечательных новых произведениях советской прозы. Докладчик — главный редактор журнала «Литературное обозрение» Ю. И. Суровцев охарактеризует в основном последний период, если говорить конкретнее—три года, минувшие с времени Второй международной встречи переводчиков советской литературы.

Вниманию наших зарубежных гостей будет предложен также доклад о советской поэзии наших дней, о самых интересных произведениях современных поэтов нашего государства. С докладом на эту тему выступит критик А. А. Михайлов. Основное внимание в этом докладе также будет привлечено к последнему, трехлетнему периоду развития поэтического творчества. На эту тему выступит и секретарь правления Союза писателей СССР поэт Роберт Рождественский.

Докладчики имеют в виду обратиться к опыту всей многонациональной и многоязычной советской прозы и поэзии. Сверх того, более детальное ознакомление с национальными литературами предполагается в дни пребывания зарубежных гостей в республиках, которые они посетят по специальной программе. Предусмотрены соответствующие сообщения о литературах национальных республик, которые приглашают зарубежных литераторов, а также встречи с крупнейшими писателями, четырехдневные ознакомительные поездки по республикам и т. д.

Естественно, проблемы, связанные с искусством перевода советской литературы, не могут не волновать также литературоведов и критиков, которые призваны активно вторгаться в переводческие вопросы, анализировать и обобщать накопленный нами опыт.

По возвращении в Москву для участников встречи будут организованы «круглые столы» мастеров художественного перевода. Здесь предстоит профессиональный разговор о проблемах искусства интерпретации, о творческом труде переводчика, который Гете назвал одним «из важнейших и достойнейших дел». Речь пойдет о мастерстве переводчика, который призван воссоздать объективную реальность, отображенную в оригинале, воссоздать ее во всем смысловом и образном богатстве, авторской самобытности, стилевой индивидуальности слога, ритма, музыки. Среди сокровенных вопросов художественного перевода внимание неизменно привлекала проблема сущности творческого процесса перевода: каким образом совершается перевоплощение прекрасного из одной языковой стихии в другую? Здесь и философский вопрос взаимосвязи языка и мышления, и эстетический аспект в художественном контексте, и лингвистический элемент, и т. п.

Во время встреч за «круглым столом» с докладом «Перевод и национальная культура» выступит доктор филологических наук Л. М. Мкртчян, который намерен осветить такие вопросы, как значение перевода в условиях широкого взаимовлияния национальных культур народов СССР, воссоздание национальной формы, реалий и т. д. В творческой дискуссии, которая продлится две дня, примут участие советские и зарубежные мастера художественного перевода.

В день окончания московской встречи будут подведены ее итоги, заслушаны впечатления и пожелания гостей.

Предстоит вручение наград лучшим зарубежным переводчикам советской литературы — пяти премий имени А. М. Горького и одной премии Советского фонда мира. В целях рассмотрения кандидатур на предмет присуждения премий создано представительное жюри во главе с М. П. Бажаном.

В заключение состоится большой литературный вечер под девизом «Советская литература в современном мире». С чтением своих стихов и переводов выступят зарубежные и советские поэты.

Без сомнения, Третья международная встреча мастеров художественного перевода советской литературы будет способствовать более широкому распространению в мире лучших произведений советских авторов.

Группа писателей на борту корабля

Анвер Бикчентаев (справа) беседует с бригадиром бригады коммунистического труда завода «Дальдизель» А. В. Архипюком

Римма Казакова в школе села Некрасовка

Фото специального корреспондента «Литературной газеты» В. КРОХИНА

...УТРО ОТСЮДА НА ЗАПАД ИДЕТ

Специальные корреспонденты «ЛГ» рассказывают о Днях советской литературы на Дальнем Востоке

САХАЛИН

НЕТ, НЕЛЬЗЯ заигрывать с дальневосточной погодой. Достаточно было сказать в ее адрес несколько комплиментов, как зашумел ветер, гладкие воды бухты Золотой Рог покрылись барашками, небо затянуло черными тучами, грянул гром и застучал ливень. Писательский «десант» задержался во Владивостоке и высадился на остров Сахалин лишь глубокой ночью. Но и здесь погода оказалась неласковой. А я-то, признаться, заранее приготовил из А. П. Чехова цитату, с помощью которой хотел сообщить читателю о доброй сахалинской осени. Поэтому воспользуюсь другой, более стабильной по своему смыслу чеховской цитатой: «Сахалин лежит в Охотском море, загораживая собою от океана почти тысячу верст восточного берега Сибири и вход в устье Амура. Он имеет форму удлиненную с севера на юг, и фигурою, по мнению одного из авторов, напоминает стерлядь».

В те годы этот остров, угрюмый и молчаливый, находился в запустении.

Сегодня это край нефтяников и рыболовов, шахтеров и моряков, лесорубов и геологов, строителей и ученых, где живут 620 тысяч человек — представителей многих народов и народностей, — таков нынешний советский Сахалин, единственная островная область в нашей стране, один из важных плацдармов девятой пятилетки.

Об этом увлеченно рассказывал в беседе с писателями первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П. Леонов.

...Торжественное открытие Дней советской литературы на Сахалине состоялось в областном драматическом театре имени А. П. Чехова. Вступительное слово произнес секретарь обкома КПСС Т. Селявский. Руководитель писательской делегации лауреат Ленинской премии С. С. Смирнов сказал:

— Мы приехали на Сахалин с особым чувством еще и потому, что эта земля связана с дорогим для нас именем Антона Павловича Чехова...

Выступают Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Михаил Стельмах, лауреат Государственной премии СССР Павел Нилин, Римма Казакова, народный поэт Дагестана Юсуп Хаппалаев, Вадим Шефнер, Нодар Гурешидзе, Лидия Либединская, Марк Лисянский, Лариса Васильева, Пауль-Эрик Руммо, Григорий Горин, сахалинский поэт Иван Белоусов.

А на второй день, разбившись на три группы, писатели выехали в города и районы области — в Корсаков, Холмск, Невельск, Поронайск, Макаров, Углегорск, Оху, где их ждали гостеприимные читатели.

Оха — город сахалинских нефтяников. Он быстро растет. Его широкие улицы отстраиваются белыми домами.

Отсюда, с «верхней» части Сахалина, шагают на юг нефтяные вышки. Они поднимаются в новых месторождениях Восточной Эхабн, Паромае, Сабо, Тунгоре, Колендо... Отсюда же, из города Охи, через непроходимую тайгу и топи по дну пролива Невельского в годы войны люди проложили на континент, в Комсомольск-на-Амуре, нефтепровод. Об этом подвиге — роман В. Ажаева «Далеко от Москвы».

Вечером в Доме культуры писатели встретились с тружениками Охи.

— Я хорошо знаю берега Дальнего Востока и в свое время прошла пешком от Ульи до Ини, — говорит Римма Казакова. — Примите как дань любви к вам стихи о тех, кто живет на суровых берегах Охотского моря.

Я знаю это побережье...
...Там человек был
весь как есть,
Пусть груб, но прям,
Суров и нежен...
Я знаю это побережье,
Мне выпала такая честь.

Знаменательно, что на Сахалине в славный юбилейный год нашего многонационального государства звучали стихи на языках разных народов нашей страны — русском, украинском, грузинском, эстонском, лакском...

На Сахалине, как и в Хабаровске и Владивостоке, продолжаются неожиданные «открытия» «исторических нитей», связывающих участников дней с дальневосточной землей. Сто лет назад команда клипера «Всадник», о котором упоминал Чехов, высадилась на Сахалин. В команде клипера был служивый матрос из Кронштадта Шведов Трофим Иванович. Во время зимовки на острове он вместе с другими моряками строил церковь святого Петра.

Душевные чувства
в порыве просты,
К обломкам камней
исполинских,
Как сердце свое,
возлагаю цветы
В честь всех мореходцев
российских,

— напишет сто лет спустя внук Трофима Шведова — советский поэт Яков Шведов, автор знаменитого «Орленка».

Еще одна неожиданная нить: отец Михаила Стельмаха Афанасий Демьянович Стельмах, матрос крейсера «Жемчуг», был участником Цусимского сражения...

Из Охи едем к побережью Сахалинского залива. В дороге просматриваю весьма своевременно подаренный сувенир — книгу о Сахалине. Читаю донесение одного царского чиновника: «На острове нет даже климата, а имеется только дурная погода».

Но... (какое чудо!) светлеет темная тайга, уходят тучи, голубеет небо, выглядывает теплое солнце, и все становится веселее — и земля, и воздух, и море. Счастье, что могу наконец процитировать Чехова: «Дни стояли хорошие, с ясным небом и с прозрачным воздухом, похожие на наши осенние дни».

...Село Некрасовка. Здесь живут нивхи — представители древней народности, в годы царизма обреченной на вымирание: их осталось всего несколько тысяч. У входа в большое белое здание на медной дощечке выгравировано: «Школа-интернат для детей народов Севера, открыта 1 сентября 1972 года, в год пятидесятилетия образования СССР». Такое здание с таким первоклассным современным оборудованием может украсить любой столичный город! Несколько дней назад здесь начали учиться 320 детей. Более 200 из них нивхи — дети, что живут в Охинском районе. Учатся тут и орочи, и эвенки, и русские.

В 1933 году А. М. Горький, находясь в Сорренто, получил письмо с острова Сахалин от учащихся Ногликской туземной школы (Ноглик — южнее Некрасовки, на противоположном берегу Сахалина. Там тоже теперь большая школа-интернат). Ребята писали: «Раньше учиться мы не хотели, боялись и родители нас не пускали. Сейчас каждым летом мы не дождемся, когда начнем учиться...». «Ваше письмо, — отвечал им Горький, — подарок, которым я буду гордиться, как орденом».

Теперь есть среди нивхов и свои преподаватели, обучающие нынешнее поколение детей, и ученые, и литераторы. Первый нивхский писатель Владимир Санги выехал с одной из писательских бригад в свои родные места.

Неподалеку от школы-интерната — Новая Некрасовка. Среди тайги на берегу залива Помры стоят в ряд превосходные двухквартирные особняки, недавно выстроенные колхозом. В каждой квартире — три комнаты, застекленная веранда, большая кладовая, центральное отопление, ванная, горячая вода, на кухне — газ, на крышах — телеантенны (некрасовцы смотрят московское телевидение через приемную станцию «Орбита»).

Наталья Хурюн, мать двух сыновей — девятнадцатилетнего Олега, уже окончившего школу, и Юры, ученика шестого класса. Муж ее Сергей Тимофеевич — колхозник-рыбак. Хозяйка накрывает стол.

— Ну, — спрашиваю, — довольны новым домом?

— Очень, очень довольны, — отвечает она.

— А живете как?

— Очень, очень хорошо живем. Счастливо живем.

Восемьдесят два года назад, побывав на Сахалине, А. П. Чехов писал: «...быть может, в будущем здесь — на этом берегу, будут жить люди и кто знает? — счастливее, чем мы...».

На Сахалине заканчиваются Дни советской литературы. Предстоят еще встречи на Курильских островах.

К. СЕРЕБРЯКОВ

ПРИМОРЬЕ

«ЭТО — ОСОБАЯ земля, не похожая на наши места: мир, к которому надо привыкнуть», — писал в своих «Картинах Дальнего Востока» Николай Заболоцкий. И далее: «Лето здесь дождливое, но осенние месяцы — сентябрь и октябрь — прекрасны всегда».

И точно — прекрасны!

В самой верхней точке перевала через хребет Сихотэ-Алинь возле обелиска останавливаются наши машины. Надписи на обелиске гласят, что через этот перевал проходили некогда экспедиции Пржевальского, известного исследователя Дальнего Востока Венюкова, И. конечно, Арсеньева.

С празднованием Дней советской литературы на Дальнем Востоке совпало столетие со дня рождения Владимира Клавдиевича Арсеньева. Писатели побывали на могиле автора «Дерсу Узала» во Владивостоке и возложили цветы. Короткую взволнованную речь о большом ученом, отважном исследователе и прекрасном писателе произнес Павел Нилин.

А сейчас мы едем по «арсеньевским» местам.

В нашу небольшую бригаду, возглавляемую ленинградским поэтом Владимиром Торопыгиным, входят Маргарита Агашина (Волгоград), Ростислав Братунь (Украина), Эркин Вахидов (Узбекистан), приморские литераторы Иван Басаргин и Лев Князев. Путь лежит в горняцкие поселки Тетюхе и Тетюхе-Пристань.

Первая остановка была в Спасске-Дальнем.

После выступления в городском Доме пионеров едем на цементный завод, один из крупнейших в стране (сейчас здесь строится второй такой же). Знакомимся с производством. Выступаем в красном уголке между сменами. Кое-кто недолюбливает выступления такого рода. И действительно, далеко не всегда они бывают удачны. Невольно думаешь, что после работы люди спешат домой, да и поэзия заслуживает того, чтобы у нее были слушатели, специально пришедшие к ней, как на праздник, а не застигнутые врасплох. Но на этот раз все было удивительно естественно и тепло. Слушатели интересовались историей создания песен Маргариты Агашиной, увлеченно принимали изящные восточные газели Эркина Вахидова, публицистическую лирику Ростислава Братуня...

С очередного перевала мы увидели большой белокаменный поселок Тетюхе. Два комбината — Дальневосточный горно-металлургический имени Ленина и горно-химический — разрабатывают недра местных сопок. При слове «недра» обычно представляется шахта, устремленная вниз, в толщу земной коры. Здесь же за полезными ископаемыми приходится лезть ввысь. Склон одной из гор весь выработан уступами.

Встречи писателей с читателями прошли на обоих комбинатах. Большой литературный вечер (а наутро — и литературный утренник для старших школьников) состоялся в зале Дворца культуры горняков...

Еще сорок километров — и поселок Тетюхе-Пристань. Высятся над морем знаменитые скалы «Два брата». Ракушками, галькой, темно-зелеными лентами морской капусты усеян берег Тихого океана.

Мы знаем, что в это время продолжают выступать во Владивостоке Леонид Ленч, Давид Самойлов, Илья Френкель, Петр Гуцало (Украина), Владимир Успенский, Яков Шведов, Лоик Шералиев (Таджикистан), Витаутас Римкявичюс (Литва) и другие. Радио сообщило нам в дороге, что очень интересно прошел вечер встречи со студентами Дальневосточного государственного университета. И мы уверены, что и там писателям говорят так, как говорили нам буквально в каждой точке нашего маршрута: «Приезжайте снова! «Застолбите» себе тему, круг интересов и приезжайте! Поживите с нами подольше, вникните в нашу жизнь поглубже, напишите о том, что волнует нас!».

И. ФОНЯКОВ

***

Рассказ о других маршрутах, по которым отправились из Хабаровска в края и области Дальнего Востока писательские десанты, будет продолжен в следующем номере «ЛГ».

Теодор Эдуардович ЗАЛЬКАЛН

Тяжелую утрату понесло советское изобразительное искусство — на 96-м году жизни скончался выдающийся советский скульптор, Герой Социалистического Труда, действительный член Академии художеств СССР, народный художник СССР, профессор Теодор Эдуардович Залькалн.

Творчество Т. Э. Залькална — одна из вершин многонационального искусства социалистического реализма. Более семидесяти лет он отдал самоотверженному служению искусству. В первые годы Советской власти Т. Э. Залькалн активно включился в осуществление ленинского плана монументальной пропаганды. Он создал памятники Н. Г. Чернышевскому и Огюсту Бланки, работал над памятниками лейтенанту П. П. Шмидту, композиторам М. П. Мусоргскому, А. Н. Скрябину.

Т. Э. Залькалн — один из основоположников советской латышской скульптуры. Его искусство проникнуто высокой идейностью, народностью и жизненной правдой. В творчестве художника ярко проявились любовь к людям труда, глубокое уважение к самоотверженным борцам за свободу трудящихся, выдающимся деятелям культуры своего народа. Им созданы многочисленные памятники, скульптурные портреты славных сынов и дочерей Советской Латвии.

Много лет Т. Э. Залькалн отдал педагогической деятельности. Он преподавал на Урале и в Латвии, воспитав плеяду советских художников, в числе которых был выдающийся скульптор И. Д. Шадр.

За большие заслуги в области изобразительного искусства Т. Э. Залькалн награжден двумя орденами Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени. Он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Латвийской ССР.

Т. Э. Залькалн был скромным, отзывчивым человеком, художником глубокого и щедрого таланта. Его произведения, прославившие красоту и величие строителей нового общества, согреты теплом большого сердца, они одухотворены чувством веры в светлое будущее народа.

Имя Теодора Эдуардовича Залькална навсегда останется в благодарной памяти советских людей.

М. А. Суслов, А. Я. Пельше, П. Н. Демичев, А. Э. Восс, В. П. Рубен, Ю. Я. Рубэн, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, З. И. Азгур, М. К. Аникушин, В. З. Бородай, А. Я. Бриедис, К. В. Воронков, Е. В. Вучетич, А. М. Грицай, А. А. Дрнзул, Э. К. Илткер, Г. А. Иокубонис, В. И. Каупуж, В. С. Кеменов, Л. Е. Кербель, А. П. Кибальников, Е. А. Кибрик, Г. М. Коржев, И. М. Кузминсиис, К. М. Мерабишвили, Г. М. Орлов, Н. А. Пономарев, Ф. П. Решетников, В. Ф. Рындин, Л. С. Свемп, П. М. Сысоев, Т. Садынов, Н. В. Томский, И. А. Торн, З. П. Туманова, Д. А. Шмаринов

Секретариат правления Союза писателей РСФСР, Горьковская писательская организация с глубоким прискорбием извещают о безвременной кончине известного русского поэта, члена правления Союза писателей РСФСР, ответственного секретаря Горьковской писательской организации

АВТОНОМОВА Владимира Михайловича,

последовавшей 6 сентября с. г., и выражают искреннее соболезнование близким и родным покойного.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА» — газета ЦК КПСС

С 1 сентября 1972 года началась подписка на 1973 год на новую газету ЦК КПСС — «Советская культура».

Газета будет выходить три раза в неделю объемом восемь полос формата «Правды». Подписная плата на газету на год — 7 руб. 80 коп., цена за экземпляр — 5 коп.

Газета «Советская культура» будет освещать основные проблемы развития социалистической культуры — театра, кино, изобразительного, музыкального и хореографического искусств, телевидения и радио, книгопечатания, культуры быта, деятельности творческих союзов и культурно-просветительных учреждений, книгообслуживания, содействовать развитию художественной самодеятельности, народных художественных промыслов и ремесел.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА *на 1973 год*

НА НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

(ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР, издательство «Правда»)

Это массовый литературно-критический и библиографический журнал. В нем освещаются актуальные проблемы развития современной литературы, систематически рецензируются новые произведения советских и зарубежных писателей. Среди авторов журнала — известные писатели, критики, ученые. «Литературное обозрение» широко представляет на своих страницах суждения читателей.

Цена номера журнала «Литературное обозрение» — 50 копеек; объем — около 12 печ. листов, то есть около 100 страниц увеличенного журнального формата.

Подписка на «Литературное обозрение» принимается без ограничений.

Подписная цена:
на год — шесть рублей;
на 6 месяцев — три рубля;
на 3 месяца — один рубль пятьдесят копеек.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПЕЧАТИ «СОЮЗПЕЧАТЬ»

АВТОРУ «ВОЙНЫ И МИРА» — С ЛЮБОВЬЮ...

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

воспитания трудящихся в духе идей коммунизма.

Спросите сегодня любого советского писателя, на каком бы он языке ни писал, к какому бы поколению ни принадлежал, кто из старых мастеров оказал на современных литераторов наибольшее влияние, каждый из писателей, без сомнения, назовет Льва Толстого...

Огромным смыслом наполнен тот факт, что открытие памятника Льву Николаевичу Толстому в Москве происходит в знаменательный год 50-летия образования СССР, в канун праздника народов нашей многонациональной Родины.

На протяжении всей своей долгой и славной жизни Лев Толстой пламенно мечтал о счастье людей. Чутьем художника писатель угадывал, какими поистине неисчислимыми силами располагает народ, какую великую душу и мудрость таит он в себе. Эти силы пришли в движение, разбуженные социалистической революцией. Под руководством ленинской партии коммунистов наш народ создал общество, в котором воплощены самые смелые представления о человеческом счастье. Лев Толстой своим титаническим трудом художника слова содействовал этим завоеваниям народа, двигал их вперед...

Затем слово предоставляется рабочему завода «Каучук», Герою Социалистического Труда А. В. Пономареву, который говорит о волшебной притягательной силе творчества автора «Войны и мира», о его влиянии на умы человеческие, о высокой гуманистической направленности его произведений, о выражении всенародной любви к великому таланту «земли российской», одним из проявлений которой стало открытие памятника в Москве...

Выступившая следом студентка Педагогического института имени В. И. Ленина А. С. Аношина рассказывает о значении произведений Л. Н. Толстого в русской и многонациональной советской литературе, о вечной славе гениального писателя, о бессмертных образах, созданных им...

В заключение к микрофону подходит заместитель министра культуры СССР К. В. Воронков.

— Уже в первые месяцы жизни Советского государства Владимир Ильич Ленин назвал лучших людей России, которым должны быть воздвигнуты памятники на их родине, — говорит К. В. Воронков. — Среди них был Толстой, рядом с которым, по утверждению Ленина, в Европе поставить некого.

Сегодня мы открываем памятник в том самом районе Москвы, где долго жил великий писатель нашей земли. Здесь он был в последний раз всего лишь за год до своей смерти.

Лев Николаевич Толстой оставил человечеству неоценимые сокровища тонкого и глубокого проникновения в духовный мир человека, показал его красоту и величие, противоречивость и силу его сознания. Талант и художественное мастерство Толстого неизменно покоряют людей искренностью и правдой. Так было на протяжении последнего столетия, так будет и в грядущие времена. В этом проявляется непреоборимая сила реалистического метода в искусстве, великим мастером которого был Толстой.

Митинг заканчивается.

Но сквер остается попрежнему многолюдным — это почитатели таланта Льва Толстого идут на поклон к гениальному писателю, несут цветы, венки. И кажется, потоку этому не будет конца...

В. ПОВОЛЯЕВ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ПОСЛАНЦЫ КИРГИЗИИ!

11 сентября в Казани начались Дни киргизской литературы в Российской Федерации. Они посвящены полувековому юбилею образования нашего государства. Дни продлятся вплоть до 26 сентября и закончатся в Москве.

Корреспондент «ЛГ» Дм. Розанов попросил секретаря правления Союза писателей РСФСР Людмилу ТАТЬЯНИЧЕВУ рассказать о программе праздника братской литературы.

— Дни киргизской литературы — большое событие в жизни писательской организации нашей республики. Мы ждали его, готовились к нему.

Нам, литераторам, да и многочисленным читателям будет интересно и полезно встретиться с авторами, произведения которых стали известными и популярными среди самой широкой аудитории, узнать о новых работах и творческих замыслах поэтов и прозаиков братской республики.

Жители Казани и писательская организация Татарии, крупнейшая после московской и ленинградской, тепло приветствовали гостей — первого секретаря правления Союза писателей Киргизии Т. Аскарова, поэтов, прозаиков и драматургов Т. Алышеву, С. Абдыкадырову, Ч. Айтматова, Т. Абдумомунова, Н. Байтемирова, Ш. Бейшеналиева, Т. Кожомбердиева, К. Маликова, А. Стамова, Т. Уметалиева и А. Жиркова.

Программа Дней киргизской литературы достаточно обширна. Гости, кроме Казани, побывают в ряде сельских районов, на нефтяных промыслах Татарии, посетят молодые промышленные города Набережные Челны и Нижнекамск. Конечно, будет встреча в Союзе писателей, а также планируется творческая дискуссия на тему «Современный рассказ».

Затем в течение трех дней посланцы Киргизии станут гостями писательской организации Пензы. Их ожидают рабочие промышленных предприятий города и совхоза имени Лермонтова, на территории которого находится музей-усадьба великого поэта — Тарханы.

Закончатся дни в Москве. Здесь киргизских литераторов ждут встречи с рабочими в цехах автозавода имени Лихачева, с тружениками подмосковного Люберецкого района, с московскими речниками. Главным событием дней будет вечер киргизской литературы, посвященный 50-летию образования СССР, в Колонном зале Дома союзов.

Этот год — особый, год юбилейный. Он богат литературными праздниками. И все они — своеобразный творческий обмен, цель которого — всемерное обогащение нашей многонациональной литературы.

ТЕПЛО БРАТСКИХ СЕРДЕЦ

Как желанных, дорогих гостей встретила Алма-Ата участников Декады узбекской литературы и искусства в Казахстане, явившейся еще одним ярким свидетельством братства, дружбы, единства народов СССР.

Торжественное открытие декады состоялось в Алма-Ате, в Государственном театре оперы и балета имени Абая.

В президиуме собрания — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев, председатель Совета Министров Казахской ССР Б. А. Ашимов, секретарь ЦК КП Узбекистана А. У. Салимов, заместитель председателя Совета Министров Узбекской ССР Р. Х. Абдуллаева, секретарь ЦК КП Казахстана С. Н. Имашев, первый секретарь Алма-Атинского обкома партии А. А. Аскаров, заместитель председателя Совета Министров Казахской ССР К. Б. Билялов, министры, руководители творческих союзов, видные писатели, композиторы, артисты, кинематографисты, художники, представители общественности.

— Знаменательно, что Декада узбекской литературы и искусства будет проходить в дни, когда все народы нашей страны готовятся торжественно отметить 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик, — сказал, открывая торжественное собрание, председатель Совета Министров Казахской ССР Б. А. Ашимов.

На трибуне — глава делегации, секретарь ЦК КП Узбекистана А. У. Салимов.

— Мы, посланцы Узбекистана, — говорит он, — до глубины души тронуты и взволнованы радушием и сердечностью, с которыми нас встретили на прекрасной, овеянной революционной и трудовой славой земле братского Советского Казахстана.

В тот же день участники декады были приняты членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаевым.

Десять дней будет продолжаться праздник узбекской культуры на казахской земле.

Председатель правления Союза писателей Узбекистана Камиль Яшен и первый секретарь правления Союза писателей Казахстана Ануар Алимжанов сообщили корреспонденту «Литературной газеты» по телефону:

— В сентябре — октябре прошлого года мы принимали у себя в республике казахских друзей, — сказал Камиль Яшен. — Декада казахской литературы и искусства в Узбекистане вылилась в многокрасочный праздник братских сердец. И теперь, снова собравшись вместе, мы продолжаем начатый тогда интересный творческий разговор о больших явлениях жизни, о событиях, которые происходят в литературном процессе. За всем этим — наш социалистический день.

Мы благодарны братскому казахскому народу за теплый прием, за предоставленную нам возможность ознакомиться с жизнью и трудом прославленных хлеборобов, металлургов, шахтеров республики.

Нет сомнения, новые встречи на казахской земле вдохновят мастеров литературы и искусства обеих республик на создание новых произведений, утверждающих высокие идеалы коммунизма, воспевающих трудовые подвиги нашего современника.

— В Алма-Ате, Петропавловске, Целинограде, Караганде, Павлодаре, Кокчетаве, Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Джамбуле, Чимкенте, в рабочих поселках, на полевых станах, на строительных площадках, в клубах, библиотеках — повсюду звучат сейчас песня и доброе слово узбекских братьев, — сказал Ануар Алимжанов. — Казахстанцы знакомятся с творчеством таких прославленных коллективов, как ансамбль «Бахор», ансамбль песни и танца «Лазги», Каракалпакский ансамбль песни и танца и др. Читатели встречаются с известными узбекскими писателями — участниками декады. Мы рады видеть нашего старого хорошего друга Камиля Яшена. К нам приехали Уйгун, Зульфия, Назир Сафаров, Ибрагим Юсупов, Аскад Мухтар, Ибрагим Рахим, Жолмурза Аймурзаев, Хамид Гулям, Миртемир, Мирмухсин, Лазиз Каюмов, Абдулла Арипов. К открытию декады издательство «Жазушы» выпустило на казахском языке двухтомник поэзии и прозы «Край белого золота» и антологию узбекской поэзии «Мушоира».

Праздник узбекского искусства и литературы на казахской земле, посвященный золотому юбилею СССР, в разгаре.

ХРОНИКА

8 сентября в Улан-Баторе состоялись похороны монгольского писателя П. Лувсанцэрэна.

Для участия в похоронах в Монгольскую Народную Республику вылетела делегация Союза писателей СССР в составе заместителя главного редактора «Литературной газеты» Е. Кривицкого и ответственного секретаря Иностранной комиссии СП СССР В. Котинна.

Г. ЛОМИДЗЕ

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

АВТОР СТАТЬИ АНАЛИЗИРУЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР КАЗАХСТАНА, КИРГИЗИИ, ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ.

Глубинное историческое самопознание пути, пройденного той или иной национальной литературой, древней или сравнительно молодой,— необходимое условие ее успешного движения вперед. Потому что история — это не только то, что было и осталось в прошлом, но и то, что живет и продолжает существовать в настоящем, служа ему духовной опорой. Мы являемся свидетелями необычайного расцвета национальных литератур Советского Союза, их эстетической зрелости и многообразия. Социализм заново открыл неоценимые художественные богатства, накопленные народами в прошлом, включив эти богатства в наш опыт как действенную, животворную силу. И потому естественно желание соединить звенья исторической и литературной памяти, окинуть взором недавнее былое.

За последние годы почти во всех союзных и автономных республиках появились фундаментальные исследования по истории литератур — с древнейших времен до наших дней. В содружестве с Институтом мировой литературы имени А. М. Горького ученые республик издали на русском языке свыше пятнадцати книг, посвященных советскому периоду литератур народов СССР. В течение двух минувших лет таких книг появилось четыре. Две из них — «История киргизской советской литературы» и «Очерк истории эстонской советской литературы» — вышли в Москве, двухтомная «История латышской литературы» издана в Риге, а третий том «Истории казахской литературы» выпущен в Алма-Ате. Эти издания, заметно отличающиеся друг от друга структурными особенностями, сходны в одном: в них отчетливо стремление авторов представить научно разработанную историю родной литературы, крупно очертить наиболее важные, существенные вехи ее развития в широком контексте общественной жизни.

Известна истина: ни одна литература не может развиваться интенсивно, опираясь только на собственный опыт, не общаясь с другими литературами. Во всех четырех названных трудах на основе большого количества фактов убедительно подтверждается мысль о том, сколь плодотворны взаимообогащающие связи литератур нашей страны в развитии национального художественного сознания каждого народа, завоевании нелегких высот эстетической зрелости.

В «Историях» справедливо подчеркивается неоценимая роль русской классической и советской литературы в этом важном процессе. В «Очерке истории эстонской советской литературы», например, приводятся слова И. Барбаруса, сказанные им еще в годы войны: «До 1940 года мы недостаточно знали Советский Союз и его достижения в области литературы в целом, и по воле судьбы мы не могли быть тесно связаны с творческим развитием советской культуры и искусства великого русского народа, не говоря уже о культурных достижениях многочисленных советских республик... Когда мы, эвакуировавшиеся писатели самой молодой советской литературы самой молодой советской республики, собрались в гостеприимной Москве, то нас охватило чувство, что мы здесь вовсе не гости, а свои люди. Хотя и говорят и пишут, что «человек без родины, как соловей без песни», мы все же продолжаем петь, бороться; и мы победим, потому что мы не одни; и мы также не без родины, потому что ею стал для нас и останется навсегда великий многонациональный Советский Союз».

Созвучно этому и высказывание Ч. Айтматова, которое находим на страницах «Истории киргизской советской литературы». «В том, что принес русский народ человечеству в 1917 году, — пишет он, — были и плоды передовой русской литературы. Потенциальные силы, заложенные в ее недрах, оказались настолько велики, что в первые же годы Советской власти вокруг русской литературы появились обильные побеги молодых, впервые начавших свою жизнь национальных литератур. Эти литературы родились под непосредственным воздействием русского искусства и культуры... Для самостоятельного развития и достижения настоящего уровня в прежних общественных условиях этим литературам потребовалась бы, пожалуй, не одна сотня лет».

Утверждая интернациональное единство советской литературы, авторы всех четырех работ резко и непримиримо критикуют националистические взгляды на развитие культур, развевают миф о якобы единой надклассовой национальной психике и едином национальном художественном сознании. В рассматриваемых трудах запечатлена картина бурного роста национальных литератур в советское время, изучены те факты общественно-социального и эстетического характера, которые высвободили из заточения громадные резервы духовной энергии народов. Отрадно, что это не идиллические повествования, здесь нет даже намека на сглаживание тех противоречий, той «сшибки» взаимоисключающих взглядов, социальных устремлений, которые кипели в литературах предреволюционного периода и в первые годы после победы Октября.

Методологические принципы рецензируемых работ надежны, прочны, хотя, конечно, конкретное воплощение этих принципов в каждой из них неодинаково. Скажем, ученые Латвии воссоздают путь развития родной литературы начиная с ее первоистоков: в «Истории киргизской советской литературы» и «Очерке истории эстонской советской литературы» о предшествующем, дореволюционном художественном опыте рассказано в обстоятельных предисловиях. В третьем томе «Истории казахской литературы», посвященном советскому периоду, вступительная часть занимает сравнительно небольшое место, ибо разговор о традициях и наследии уже шел в двух томах, вышедших несколько лет назад.

Не сходны пути латышской и эстонской, казахской и киргизской литератур. Истоки первых двух восходят к XVI веку, а начало их формирования как литератур национальных относится к XIX столетию — к моменту, когда завершилось образование эстонской и латышской наций. Уже в 70-х годах прошлого века в латышской литературе сформировались литературные направления реализма и романтизма, представленные именами братьев Каудзите, Екаба, Пумпура, Аусеклиса и других. Эстонская литература XIX века представлена мощными фигурами Крейцвальда, Койдулы, Лийва, Китцберга. В казахской и киргизской литературах на рубеже XIX—XX вв. также выделяются поэты-гиганты — Абай Кунанбаев и Токтогул, но традиции письменной литературы в них были развиты еще крайне слабо. Исторический, социальный и философский опыт народа находил свое воплощение преимущественно в фольклоре, монументальных произведениях эпоса. Естественно, что если в «Историях» латышской и эстонской литератур большое внимание уделено классическому наследию, то казахские и киргизские ученые исследуют первоистоки национального художественного самосознания, роль и значение устного народного творчества.

История каждой из литератур предстает в своих неповторимых красках и одновременно в общих закономерностях, с особой силой проявившихся в условиях социалистического общества. Авторы не модернизируют историю, не приписывают ей того, чего не было и не могло быть в ней. Читатель ощущает здесь преемственную связь времен, историческую необратимость, внутреннюю обусловленность развития национальных культур по социалистическому пути. Все лучшее, умное, честное, талантливое тянулось в них к новому, отвергая эксплуататорский строй, его мораль, его жизненные устои. История советских национальных литератур есть нравственное оправдание и утверждение свершившихся перемен, радостное утверждение высокого смысла социалистической общности людей.

Авторы всех четырех книг справедливо говорят о нерасторжимой связи литературы с судьбами родного народа, о чуткости художников слова, запечатлевших на страницах своих произведений наиболее существенные вехи и события его жизни. Советскую литературу иногда называют барометром действительности, и это в определенном смысле правильно. Но литература социалистического реализма не только воспроизводит сущее, она нередко опережает время, предвидит грядущее. Жаль, что об этой преобразующей ее функции авторы «Историй» говорят недостаточно широко и смело: литература в иных случаях представлена лишь в роли иллюстратора, а не деятельного стимулятора общественного развития.

Можно предъявить претензии и к так называемым монографическим очеркам об отдельных писателях. Спору нет, с немалым интересом знакомишься с творчеством выдающихся писателей республик, приобщаешься к своеобразному художественному миру Сейфуллина, Майлина, Джансугурова, Ауэзова, Муканова, Мусрепова, Алунана, братьев Каудзите, Блауманиса, Райниса, Упита, Судрабкална, Лациса, Токтогула, Токомбаева, Сыдыкбекова, Осмонова, Айтматова, Якобсона, Сирге, Семпера, Хинта, Смуула, Вааранди и других. Но пока, как мне кажется, не найдена наиболее емкая, эффективная форма монографического исследования, поэтому портреты писателей, к сожалению, не отличаются многообразием, динамикой, выразительностью. Они строятся по одному принципу: факты биографии, слабо сопряженные с основными вехами творчества, краткая характеристика стиля и поэтики писателя, робкие критические замечания, очерченный блеклыми красками литературный фон. По-видимому, следует искать более действенные пути соединения обзорных, аналитических глав с монографическими, они должны дополнять и обогащать друг друга, прочнее «стыковаться». Пока же монографические главки оставляют впечатление своего рода приложений, не «вписываясь» в общую композицию книги. В отдельных случаях они занимают господствующее место, оттесняя на задний план анализ общих закономерностей литературного процесса. Во втором томе «Истории латышской литературы», например, монографические главки занимают почти две трети книги. Обзорная же глава, рассматривающая путь латышской литературы за полвека (1917—1967 гг.), слишком суммарна, излишне лаконична.

Методологическая основа, научная обоснованность историко - литературных концепций «Историй» вряд ли вызовут у кого-либо возражения: в книгах много ценного, содержательного, поучительного. Путь казахской, киргизской, латышской и эстонской литератур изучен основательно, вдумчиво, привлечен поистине громадный историко-литературный материал, который осмыслен с правильных, марксистско-ленинских позиций. Правда, некоторые литературоведческие понятия и категории, пожалуй, следовало бы изложить точнее, аргументированнее. Так, скажем, в «Истории латышской литературы», где речь идет о народном романтизме произведений Меркеля, «Лачплесис» Пумпура квалифицируется как высшее достижение поэзии «народного романтизма». А что такое «народный романтизм», каковы его социальные и эстетические признаки, претерпевают они какие-либо изменения или же нормативны, неизменны — ответов на эти вопросы нет. В «Казахской советской литературе» высказана такая мысль: «В отличие от представителей братских литератур (русской, украинской, грузинской) казахские поэты и писатели, за редким исключением, не смогли сразу после Октября определить свои классовые позиции. Отсюда — обострение идейно-творческой борьбы в Казахстане в первые годы Советской власти». Но почему «за редким исключением»? В Казахстане, как и в других национальных литературах, тех, кто принял Октябрь безоговорочно, было не так уж мало. Да, некоторые писатели в мучительных раздумьях определяли свой путь, но вскоре решительно встали под знамена революции, иные отнеслись к ней с самого начала враждебно. Но основные силы литературы, как и везде, сознательно выбрали путь служения революции и народу. И так было не только в Казахстане. Аналогичная картина («обострение идейно - творческой борьбы») наблюдалась всюду, и русская, украинская, грузинская литературы отнюдь не составляли исключения.

Нельзя не отметить и того досадного факта, когда сложные проблемы художественного творчества получают порой упрощенное, схематичное толкование. Так, скажем, в «Истории киргизской советской литературы» стихотворение А. Осмонова «Молодой паренек», как мне показалось, истолковано несколько примитивно и наивно, что приводит к обедненному представлению о красоте внутреннего мира человека.

В «Очерке истории эстонской советской литературы» замечено, что к концу 40-х — началу 50-х годов «социалистический реализм становится методологической основой литературы». На другой странице (200-й) речь идет об «освоении» эстонской советской литературой метода социалистического реализма.

Право, от таких утверждений создается впечатление, будто метод социалистического реализма — это какой-то свод канонов, предписаний, рекомендаций, который находится вне самой литературы и который надо сначала «выучить», познать, а потом уже вступить на путь художественного творчества...

Словом, при взыскательном чтении во всех четырех исследованиях нетрудно обнаружить известные промахи и недостатки. И все же мне еще раз хочется подчеркнуть, как много и добросовестно потрудились ученые республик, чтобы создать научно достоверную историю своих литератур в их движении, борьбе, взаимосвязях и взаимном обогащении.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Ф. Ю. МАКИВЧУКУ — 60 лет

Украинскому писателю Федору Юрьевичу Макивчуку исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Горячо поздравляем Вас, известного писателя, заслуженного работника культуры УССР, лауреата премии имени Ярослава Галана, с 60-летием со дня рождения.

За 40 лет творческой деятельности Вы создали целый ряд талантливых боевых книг, фельетонов и памфлетов, в которых беспощадно бичуются пережитки прошлого в сознании людей, утверждаются высокие принципы советской морали. Большой страстностью и партийной убежденностью проникнуты Ваши острые произведения, направленные против наших идейных врагов — империалистических поджигателей войны и их презренных прислужников, националистов разных мастей. Особенно обстоятельно и ярко эта боевая тема раскрывается в сатирическом «Репортаже с того света», возникшем в результате поездки в США и завоевавшем популярность у читателей. На Украине и за ее пределами успешно выступаете Вы и как критик, широко известны, в частности, Ваши работы о творчестве Остапа Вишни и Ярослава Галана, и как детский писатель.

Теснейшим образом с творческой деятельностью связана Ваша многолетняя плодотворная работа в комсомольской и партийной печати, в особенности в популярнейшем в республике журнале «Перец», который Вы возглавляете более четверти века.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов, личного счастья».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

ДОН

М. Котов, В. Лясковский. «На Южном фронте». Героическая повесть. №№ 3, 4, 5. 1972.

НЕВА

М. Глинка. «Декабрь». Повесть. № 6. 1972.

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

Ульмас Умарбеков. «Зеленая звезда». Роман. №№ 1, 2. 1972.

ЮНОСТЬ

В. Краковский. «Какая у вас улыбка!» Повесть. № 6. 1972.

АВРОРА

Л. Петрушевская. Два рассказа. № 7. 1972.

РЕПЛИКА ЧИТАТЕЛЯ

ЗЛАТОКУДРАЯ КЛАРИССА И САТИНОВЫЕ ТРУСЫ

Опубликованные в июльском номере «Авроры» за этот год рассказы Людмилы Петрушевской «История Клариссы» и «Рассказчица» я начала читать без какой-либо предвзятости. Но с первых же строк испытала удивление, а затем даже раздражение. С трудом заставила себя дочитать до конца такую, с позволения сказать, «прозу»:

«Это событие говорит о том, что как раз в этот период в душе у Клариссы происходил некий перелом в сторону повышенной чувствительности к своему положению в мире, к положению девушки, которой придется в дальнейшем самой за себя стоять и одиноко идти среди этого мира, принимая на свой счет все его проявления...». Далее: «Что произошло в душе Клариссы за эти полгода, неизвестно, налицо были только внешние проявления внутренних перемен: Кларисса свою прежнюю, едва проклевывающуюся ориентацию на враждебность внешнего мира сменила иной ориентацией, ориентацией девушки глупой, магнотелой... Вместе с тем Кларисса, оставаясь все той же девушкой в очках, превратилась в полную красавицу с золотистыми кудрями и тонко вылепленными пальцами рук». И наконец: «Летчик стеснялся подойти поближе к Клариссе, поскольку он был на пляже не в подобающих купальных плавках, а в обычных сатиновых трусах».

Цитировать остальное, пожалуй, не имеет смысла: пришлось бы цитировать решительно все.

На страницах нашей литературной печати ведется серьезный разговор о борьбе с серостью и безвкусицей, об ответственности писателя перед читателем. Неужели этот разговор не привлек внимания молодого автора!

Е. ВОРОБЬЕВА
ЛЕНИНГРАД

Иллюстрации художника В. Кочкина к дилогии Ивана Мележа «Люди на болоте» и «Дыхание грозы». Издательство «Советский писатель». 1972

ПОВЕСТЬ О СУРОВЫХ ДНЯХ

Журнал «Дон» опубликовал повесть Михаила Котова и Владимира Лясковского «На Южном фронте». Авторы, опираясь на незабываемую летопись трудных дней начала Великой Отечественной войны, воскрешают образы героев, изображают события, которые никогда не забудутся.

В основе повести — исторические факты, имена ее героев известны многим. И в то же время в ней — значительная доля художественного домысла, который дополняет весьма важными штрихами портреты героев.

Кульминацией событий, воссозданных в повести, является битва за Ростов-на-Дону. Огненное кольцо вокруг города не может сломить волю и боевой дух его защитников. Велихан Велиханов, Сергей Оганьян, Василий Пузырев, Маша Скворцова, Зина Островская, генерал Харитонов, многие другие живут одними тревогами и надеждами, окрылены одними стремлениями — выстоять, сдержать фашистскую орду и нанести ей сокрушительный удар.

На общем фоне битвы за Ростов ведется рассказ о героических днях и ночах батареи Сергея Вавилова и Сергея Оганьяна.

Русский и армянин. Братья, товарищи по оружию. Комиссар и командир. А главное, единомышленники. Коммунисты. Они, задымленные, окровавленные, несгибаемые, самоотверженные, не знающие слова «невозможно», не ведают, конечно, что пройдут годы и в бронзе будут отлиты они и их товарищи по оружию. Они не знают, что спустя тридцать лет, в день открытия им монумента, в своем обращении к ростовчанам Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, который в те суровые дни во фронтовой гимнастерке спускался к ним в окопы, скажет и о них: «Хочу выразить вам, всем ростовчанам и всем трудящимся Дона, горячую благодарность за то, что вы так бережно храните память о героях Великой народной войны против фашистских захватчиков...

Бои за Ростов осенью 1941 года были историческими: здесь наша Красная Армия перешла от обороны в наступление. Воздвигнутый вами памятник будет напоминать новым поколениям советских людей о беззаветном героизме их отцов и дедов, посланцев всех братских народов нашей страны, по призыву партии Ленина грудью вставших на защиту Родины от врага».

У батарейцев до начала сурового и горького испытания были разные судьбы... Но вот пробил час тревоги — и судьба, цель у всех одна: настало время на деле доказать свою преданность Родине, партии, которая дала им все лучшее, чем живет человек.

Примечателен в повести образ Зины Островской. Немного места занимает она в книге, но в облике этой замечательной девушки оживают традиции Николая Островского. Зина Островская — племянница писателя. Как эстафету передает она его призыв к стойкости, беспримерному мужеству, самоотверженности.

Немногими неделями ограничены события, показанные в повести. Но времени вполне достаточно, чтобы читатели увидели и почувствовали, чем жили и как сражались герои батареи и их побратимы, солдаты, офицеры, генералы.

Курган Бербер-обе давно переименован в Артиллерийский. Тут принял последний бой батарея Вавилова — Оганьяна. Сергею Вавилову и Сергею Оганьяну посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а все бойцы награждены орденом Красного Знамени. Никто не забыт и ничто не забыто — таков закон советского общества.

Читая повесть М. Котова и В. Лясковского, я невольно вспоминаю годы войны, свои личные впечатления военного корреспондента. Однажды на фронтовом аэродроме на Кубани я познакомился с молодым летчиком-истребителем Александром Покрышкиным, завоевавшим уже славу советского аса.

— Конечно, воля к победе без глубокого понимания долга перед Родиной — это лишь половина дела, — говорил Александр Покрышкин.

Понимание своего долга объединяет героев повести. Это понимание выковала в их сознании наша партия коммунистов, оно и дало право авторам назвать свою повесть героической.

Натан РЫБАК
КИЕВ

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ ОНИ ВЫБИРАЮТ

Мне вспоминается интересный и бурный диспут, состоявшийся не так давно в Ташкентском государственном университете. Обсуждался роман молодого узбекского прозаика Ульмаса Умарбекова «Зеленая звезда». Много высказывалось мнений, порой самых противоречивых, но несомненно было одно: книга никого не оставила равнодушным.

Невелик писательский стаж У. Умарбекова, но за короткий срок из-под его пера вышло немало рассказов, повестей, пьеса. Разные по широте охвата жизненного материала, по художественному уровню, они привлекают читателя современным содержанием, динамичностью повествования. Сам в недавнем прошлом студент, писатель не понаслышке знает жизнь сверстников, ему близки их думы, заботы, стремления. И в своих книгах Умарбеков говорит о том, что волнует вступающих в жизнь, ищет ответы на вопросы, которые ставит перед ними действительность. Роман «Зеленая звезда» также посвящен первым самостоятельным шагам молодых, дорогам, которые они выбирают.

Автор заставляет читателя задуматься над серьезными морально-этическими и нравственными проблемами. Самое важное в жизни — всегда, при любых обстоятельствах оставаться человеком, говорит автор всем ходом повествования.

Какой же смысл вкладывает У. Умарбеков в понятие человечности?

Главный герой романа Абдулла — обаятельный юноша. Он, бесспорно, талантлив и добивается определенных научных успехов уже на студенческой скамье, предан любимой девушке, с которой вместе рос, мечтал о будущем. И читатель поначалу верит в искренность и правдивость его чувств. Но, встретившись в Ленинграде, куда он едет учиться, с однокурсницей Саврой, дочерью профессора, и увлекшись ею, Абдулла однажды встает перед необходимостью решительного выбора.

В момент, когда герой, не задумываясь, одним махом, решил покончить с прежней своей любовью, и проявляется его подлинное лицо: в поступках Абдуллы берут верх практический расчет, забота о будущей карьере. Определяющими в выборе становятся собственные интересы. Отлично понимая непорядочность своего отношения к Гульчехра, ожидающей ребенка, он, однако, всему находит оправдание, полностью снимает с себя ответственность: виноват-де не только он, но и она, легкомысленно уступившая ему однажды, не подумавшая о последствиях. Равнодушие Абдуллы убивает веру в людей и у Гульчехры.

Казалось бы, все ясно: открылось подлинное лицо героя. Дорого заплатила за свою любовь Гульчехра. Но возникает ощущение какой-то недосказанности: каковы же истинные причины, побудившие так поступить героя, что сделало его жестоким и эгоистичным? Ведь родился он в рабочей, трудовой семье, где к человеку всегда относились с уважением, учился в советской школе, у него были добрые, хорошие друзья. К сожалению, роман У. Умарбекова не дает ответов на эти вопросы.

Доверчивость, способность любить беззаветно, преданно и до конца, целеустремленность — вот что определяет линию поведения героини романа Гульчехры. С детства она мечтает стать архитектором, изменить облик родного кишлака Мингбулак. В мечтах своих она видит его прекрасным, новым, современным, утопающим в зелени садов. Но Гульчехра отказывается ехать в ташкентский институт, потому что не хочет оставлять больную мать, младших братьев. Поступив на заочное отделение, она работает с удвоенной энергией. Труд девушки вознагражден: ее проект завоевывает премию на конкурсе молодых архитекторов.

Однако надо заметить следующее: детально раскрывая душевные переживания действующих лиц романа, автор переходит на беглую скороговорку там, где речь идет о духовном становлении Гульчехры. Главы о Гульчехре-архитекторе создают ощущение того, что весь смысл ее жизни сводится лишь к [illegible] неурядиц в личной судьбе. И всем [illegible] ходом повествования автор как бы ищет сочувствия лишь у сентиментального читателя, не дающего себе труда задуматься: что же в конце концов является причиной трагедии героини?

Почему в романе на такую острую тему мы не находим борения страстей, [illegible] столкновения еще живучих предрассудков и [illegible]? Почему Гульчехра никнет при первом же ударе судьбы, не борется за свое место под солнцем, не бросает [illegible] вызова тем, кто [illegible] ее, чего-то [illegible] страшится...

Вероятно, мне могут возразить, что это, мол, может быть, вовсе и не входило в творческие замыслы У. Умарбекова. Но разве роль писателя сводится лишь к констатации каких-то событий? Нет, он должен бороться за новое, [illegible] жизненные явления.

Молод У. Умарбеков, молод его первый роман, молоды его герои. Но важно, что в каждой новой вещи крепнет уверенный почерк писателя, все отчетливее проявляется самостоятельный, острый взгляд на явления жизни, а это залог того, что его открытия еще впереди.

О. ШАРАФУТДИНОВ
ТАШКЕНТ

На соискание Государственных премий СССР

ОБСУЖДАЕМ ПОЭМУ Р. БАБАДЖАНА «ЖИВАЯ ВОДА», КНИГУ СТИХОВ ЕМ. БУКОВА «КРЫЛО ВЕТРА» И ЕГО ПОЭМУ «ПЕСНЯ МОЛОДОСТИ»

СЛУШАЯ ЗЕМЛЮ СВОЮ...

Стихи Рамза Бабаджана, его поэтические сборники «Дважды живет поэт», «Солнце в зрачках» и другие сегодня хорошо известны не только его землякам в Узбекистане, но и многонациональному нашему читателю в переводах на русский и другие братские языки. И снова узбекский поэт нас порадовал: поэма «Живая вода», опубликованная в журнале «Огонек» и вышедшая отдельной книгой в издательстве имени Гафура Гуляма, несомненно, важный этап его творческой биографии, она является весомым вкладом в нашу многонациональную советскую литературу.

Вода! Кто не знает, как веками мечтали о ней, всемогущей, народы иссушенного зноем Востока! О ней, несущей жизнь и радость, сложены легенды, песни, стихи. За нее боролись не на жизнь, а на смерть. От жажды, тысячелетиями изнывали плодородные земли, на которых не родилось и травинки...

Ей, животворной и жизнедарящей, которую «пела поэзия и осмысливала философия», которая испокон веку была синонимом существования, воде — «восточному эпосу и драме» — и посвятил узбекский поэт свою двадцатидвухглавую поэму, мастерски переведенную Николаем Грибачевым.

Обращение Рамза Бабаджана к этой теме нельзя считать случайным — оно подготовлено всем его предыдущим творчеством, тема эта на протяжении многих лет (я не ошибусь, если скажу: всего творческого пути) глубоко волновала поэта. В ранних стихотворениях, таких, как «Вечер на стройке» или «Легенда о Мирзачуле», перед читателем зримо встает дореволюционное прошлое родного края поэта:

От безводья трескались,
бывало,
Наши плодоносные поля.
Жутко выли по ночам
шакалы.
Дети, о глотке воды моля,
Умирали,
Как цветы увянув...

О горьких днях старины рассказывают и строки поэмы, посвященной воде. Но пафос писателя-гражданина и борца обращен к дням сегодняшним, к героям современности: могущество воды, усмиренной человеком, героический труд людей при орошении пустыни, превращение ее в цветущий сад — вот что вызывает восхищение автора. Слова поэмы дышат неподдельным пафосом, они правдивы, искренни, полны острого публицистического накала. И это неудивительно. Автор имеет право именно так говорить с читателем: ведь он рос вместе со своим народом, своей страной, строящей социализм, был активным участником чудесного преображения земли, начавшей, по существу, свою вторую жизнь после Великой Октябрьской революции.

Главный герой поэмы — народ. Р. Бабаджан прослеживает историю родного народа от легендарного Фархада до солнечного сегодня — путь от горя и нищеты к счастью, радостному труду.

Поэт заставляет читателя ощутить живое дыхание Времени, накал борьбы, страстей, заставляет задуматься над тем, какое же место ты сам занимаешь в сложном и прекрасном мире. Словно кадры героической кинохроники — наводнение в долине Амударьи, спасение жителей Чарджоу... Но буйство стихии не в силах сломить волю человека. Благодаря публицистической страстности, с которой ведет повествование рассказчик, становишься невольным участником и фантастического суда над коварной Аму, виновницей бедствий народных, вместе с поэтом глубоко осмысливаешь многие сложные проблемы жизни, человеческого бытия. Зримо, объемно встают со страниц поэмы и первые годы становления молодой советской республики, и первые победы на мирном фронте, и подвиги рядовых Родины, не щадивших жизни в сражениях за свободу.

Поэма «Живая вода» — это радостный гимн нашей многонациональной Отчизне, труду советского человека, строителя коммунизма, отдающего все силы для общего дела.

Вижу — все шире и шире
Шаг Советской страны.
В нем герои — мы сами:
Он, ты, я.
Мир гремит голосами
Нашего бытия.
И нет прекрасней удела,
Чем бы ты ни владел, —
Ставить общее дело
Над мелочью личных дел.

Славя труд и разум человека советской эпохи, преобразующего мир, Рамз Бабаджан на протяжении всего повествования не однажды возвращается к памяти о погибших в боях за Родину, как бы напоминая этим скорбным рефреном живым об их долге перед павшими:

В нашей памяти
живы втами,
Когда с гранатой
бросались под танки,
Мы помним,
что все одного полна —
Русский, туркмен, узбек, —
И мы не отступим в бою,
пока
Жив хоть один человек!

И как бы продолжая эту мысль, ощущая себя рядовым «мирного батальона», поэт говорит, почему он взялся за перо, почему не может молчать:

Солдат из боя,
а не герой из тира,
Мембраной моей души
Я слушаю землю мою
и тревоги мира,
И сердце приказывает мне:
пиши!

Поэта - интернационалиста волнует сегодня не только судьба его родного народа, но и все, что происходит в мире. Сердце его не может биться ровно, когда

В море постепенно
тонет Венеция,
В Атакаме сорок лет
ни капли дождя,
В Турции наводнение,
в Индии ливни,
В Японии — цунами,
в Африке снег.
Неужели не удержим
против стихий
оборонительной линии...

Но поэт твердо верит, что сила стихии смирится перед разумом человека, что руки его могут свершить небывалые чудеса. «Река — без мысли природа, ей надобна власть могучей руки — твоей. Моей. Народа'» — утверждает он.

Вот почему заключительные строки поэмы Рамза Бабаджана — это апофеоз человеку, который видит свое коммунистическое завтра, человеку, ощущающему себя частью великого целого — братского союза свободных равноправных народов:

Туркмен ли,
Узбек ли,
Каракалпак ли —
Разный язык
при сердце одном.
Вместе веками от горя
плакали,
Вместо — новый
строили дом.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

НЕГАСИМЫЙ ПЛАМЕНЬ ДУШИ

За каждой поэтической строкой Ем. Букова чувствуется негасимый пламень беспокойной души.

«...Мощь огня я вижу не в золе, а в ливне света», — признается поэт. Верность идеалам времени заряжена высокой энергией непрестанного поиска, который приводит к новым успехам. Об этом думаешь, читая поэму Ем. Букова «Песня молодости», выпущенную издательством «Картя молдовеняскэ» в нынешнем году, и его стихи в сборнике «Крыло ветра», изданном «Советским писателем».

Поэзия Ем. Букова всегда была полемичной. Его не манили ни безмятежное созерцание декоративных пейзажей, ни увлечение мелодичными созвучиями. Однако он всегда оставался чутким к красе родного края, к запавшей в душу народной мелодии, ко всему, что носит название Родина. Там, где недалекий радетель старины ставит точку и твердит в сотый, в тысячный раз о том, что уже прежде сказано куда ярче и поэтичней, Ем. Буков улавливает бег времени, меняющий зачастую самую суть привычных вещей. Протяжная дойна — грустная и мятежная, напевная и мужественная — может поведать сегодня не только о вековой тоске, а о счастливой судьбе Советской Молдовы. Но поэт пишет и о ветхих корнях, не способных больше проникать на нужную глубину, — их необходимо выкорчевывать. Примечательна в этом плане глава «Ион» из поэмы «Песня молодости».

Ион старается поднять родное село из болотной топи. Он безбоязненно вырывает старые корни. И тут раздается брюзжащий голос аллегоричной Черной Тени:

«Как можно
Оторваться от корней?!»
Но словно гром,
Заучит ответ Иона:
«Такие корни —
Словно хвост дракона,
Что издыхает в логове
теней,
Что корчится еще на дне
болота.

А я иду —
И ветер, и свобода
Идут со мной...
И я несу село
В рассветный край,
Где чисто и светло».

(Перевел Ян ГОЛЬЦМАН)

Эта глава широко эпична. Автор как бы отходит в сторону, предоставляя герою, воплотившему силу и разум трудового люда, развернуться во всю мощь своей богатырской силы. Фактура и образный строй стиха здесь родственны гайдуцким балладам или — если обратиться к опыту самого автора — лучшим главам широко известной его поэмы «Сказание об Андрияше».

В соотнесении с деятельной, кипучей натурой Иона проясняются лучшие качества героев, данных в лирически обобщенном плане.

Максимальная обобщенность условных персонажей поэмы, каждому из которых посвящена отдельная глава («Ты», «Я», «Он», «Она»), усиливается сходством нравственно-философских проблем, которые им приходится решать. В чем назначение человека? Что определяет полноту бытия? Как оставить грядущим поколениям память о себе? Синтезом духовных и нравственных исканий современника отмечена поэма «Песня молодости». Лирический герой постоянно соотносит свои устремления с помыслами окружающих его людей. Проникая в их думы, он глубже, полней осознает и свое место в жизни, в ряду поколений, созидающих коммунистическую новь и слитых воедино, как буквы общей книги.

Не одиноки Я и Ты.
Он и Она в краю родном.
Мы — ветви, завязи, цветы,
Плоды на дереве одном.

Поэма обращена прежде всего к вступающим в жизнь. Автор напоминает молодым, что истинное достоинство человека проверяется преданностью великому делу.

Печешься только о себе? —
Ты слаб и одинок.
Живешь для счастия
других? —
Тебя не победить!

Симпатии автора на стороне тех, кто самоотверженно служит делу коммунизма и в щедрой самоотдаче безбоязненно переступает через отжившее, следуя кодексу высшей, коммунистической нравственности.

Избрав труднейшую из форм бессюжетной поэмы, автор порой не во всем успешно воплощает задуманное. Так, по-моему, несколько нарочитым выглядит деление глав на основной текст и интермедии, которые являются, по существу, развернутыми лирическими отступлениями. Но нужно ли выделять их в поэме, лиричной «по самой строчечной сути»?

И в «Песне молодости», и в стихах, составляющих сборник «Крыло ветра», звучит одна из ведущих тем многонациональной советской поэзии, тема нерасторжимого единения братских народов, интернациональной солидарности с трудящимися всего мира. Из самого сердца исторгнуты строки стихотворения «Песня дружбы» (в русском переводе «Тост»):

Когда наши дойны впервые
Поплыли над синью
Днестра,
Высокое слово — Россия —
Уже означало — сестра...
В степях черноземной
Молдовы,
Где хлеб в закромах
не дневал,
Пласт жизни счастливой
и новой
Российский лемех
поднимал.

(Перевели Ю. ЛЕВИТАНСКИЙ и Г. ПОЖЕНЯН)

Читая стихи и поэму Ем. Букова, видишь, как крепла и закалялась сплоченность народов в борьбе против угнетателей. В поэме «Шевченко на Дунае» воспоминания юности, протекшей неподалеку от мятежных Татарбунар, сплетаются с вольнолюбивой песней великого кобзаря. Вот откуда взволнованное восприятие старых песен, созвучных устремлениям борцов за свободу, за воссоединение с Советской Родиной, к которому стремились трудящиеся Бессарабии.

Выразительно очерчен в поэзии Букова лирический герой. Это наш современник. Он всегда в гуще жизни, с теми, кто строит, пашет, растит сады и виноградники, сражается против империалистов на земле героического Вьетнама, кто непримиримо изобличает чуждую идеологию.

Обретение устойчивого идеала полнее всего выражается в причастности к бессмертным идеям Ленина, в безграничной любви к великому вождю. Ем. Буков с глубочайшим волнением передает свои чувства:

Я ищу для него
небывалый эпитет,
Небывалое слово
на всех языках.
Ленин — жизнь.
Только с нею его вы
сравните,
Только жизнь, как и он,
велика.

(Перевел А. РОМОВ)

Сборник стихов «Крыло ветра» и поэма «Песня молодости» составляют лишь часть многолетнего труда одного из ветеранов молдавской литературы.

Страстный гражданский пафос, поэтическое своеобразие произведений Ем. Букова вызывают живой отклик читателей. Это относится и к его книгам, выдвинутым на соискание Государственной премии СССР в год полувекового юбилея Советского Союза.

С. РЫБАК

КИШИНЕВ

СЕРДИТОЕ ПИСЬМО

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

«ВХОД ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ЧЕРЕЗ КАЛИТКУ»

Кто-то когда-то выдумал, будто научной и технической литературе, даже если это не сугубо специальные труды, а массовые издания, противопоказан простой и ясный литературный язык. Вы захотите, к примеру, сказать: *аппарат устанавливается в людных местах.* Боже сохрани вас от такой вульгаризации! Нужно сказать: *аппарат предназначен для установки в местах с массовым посещением населения.*

Не вздумайте написать: *в плотно застроенных кварталах.* Это недопустимая вольность! Классически правильным будет: *в кварталах с большой плотностью застройки.* А если вы рискнете заикнуться о том, что *отопление в вагонах электрическое*, вас обвинят в технической ереси. Запомните, как полагается выразить это: *отопление вагонов осуществляется электронагревательными элементами...*

Таких примеров, когда техническая литература коверкает русский язык, можно привести сотни.

В свое время об этом с горечью писал Константин Паустовский. Он справедливо требовал «добиваться полного уничтожения тех нескольких скудных и паразитических языков, которые крепко въелись в жизнь, существуют рядом с подлинным русским языком и пытаются вытеснить его и заменить собой».

Кандидат филологических наук Г. Я. Солганик в своих «Заметках о языке научно-технических журналов» (журнал «Русская речь», № 5, 1967) с удовлетворением отмечает, что «по мере развития научного стиля постепенно появился фонд терминов, специальных оборотов профессионального характера, речевых формул (клише)».

Хотите получить представление об этом «фонде»? Вот еще несколько перлов: «Тракторист *должен убедиться в отсутствии просачивания электролита из банок*»; «*Ударная волна может повредить остекление зданий*»; «*Квартиры имеют сквозное проветривание*»; «*Развитие сельской телефонной сети ведется на основе применения автоматизированного оборудования*».

Г. Я. Солганик одобрительно отзывается и о растущей тенденции к «терминированию речи». Необходимы ли термины? Да, но только в тех случаях, когда нужно сжато выразить сложные понятия. А есть ли насущная потребность в специальных терминах для выражения понятий элементарных? Ясен, скажем, термин *водоснабжение*, заключающий в себе ряд понятий — рытье колодцев, создание водохранилищ, строительство насосных станций и напорных башен, прокладку труб... Но совершенно непонятен термин *водообеспеченность*, который означает *обеспеченность водой*, и только. Так зачем же коверкать слова? Не говорим же мы: *хлебообеспеченность, квартирообеспеченность...* Или такие странные, чтобы не сказать резче, выражения, как *руслоочищение, лесопокрытая площадь...* Есть ли нужда в них, если они просто переводятся на нормальный человеческий язык: *очищение русла, покрытая лесом площадь?* И таковы ведь сотни и сотни терминов. Глубоко прав был К. Паустовский, когда писал о подобной псевдотерминологии, что это не что иное, как «жалкие потуги на научность».

Раньше мы писали: *многоэтажные дома*, теперь стали писать: *дома высокой этажности.* А для чего? Строители пустили в оборот еще одно такое милое словечко: *комнатность.* Отчего же строителям не творить дальше? Можно придумать еще *балконность, оконность, дверность, потолочность* (высота потолков)... Не удивляйтесь, если завтра коммунальники введут в свой обиход термин *домность* (количество домов), а работники столовых — *блюдность*, а швейники — *пуговичность*... Ведь лиха беда начало.

Защитники профессиональной речи обычно ссылаются на ее краткость. Но о какой же краткости можно здесь говорить, если вместо *мостовая* мы пишем *проезжая часть улицы*, вместо *гудок* — *звуковой сигнал*, вместо *мощеные дороги* — *дороги с твердым покрытием* (как будто бывают мощеные дороги с мягким покрытием), вместо *переноска* — *транспортировка ручным способом*, вместо *фабричный респиратор* — *респиратор промышленного изготовления*, вместо *чулки и носки* — *чулочно-носочные изделия*...

С деталями машин происходит всякое. Они могут *сломаться, лопнуть, расколоться, треснуть, распаяться, вывалиться, расплавиться, отвалиться, покривиться, сточиться, сплющиться*, наконец *просто испортиться*... Но во всех случаях об этом пишут одно и то же: *вышли из строя.* Теперь все «выходит из строя», даже водопроводный кран и патрон электрической лампочки...

Все реже вы встретите ныне слова *резервуар, чан, бак.* Вместо них мелькает слово *емкости.* Емкостями стали называть склады, амбары, погреба, засеки, даже бочки и ведра. Автор корреспонденции в газете жалуется на нехватку «*складских емкостей*» для цемента. Слово это становится все более модным, и даже у автора путевых заметок читаем: «В свете фонарей *белеют большие емкости* нефтебазы рыбного порта».

Особенно надо остановиться на глаголе *осуществляться.* Употребленный к месту, он так же правомерен, как и все другие глаголы. Мы говорим: осуществление нашей мечты, наших идеалов, планов, решений и т. д. Но в последние годы наблюдается повальное увлечение этим глаголом, превращенным, если можно так сказать, во всеобщий глагольный эквивалент. Вот образчики: «*Примерно четверть всех сельскохозяйственных перевозок осуществляется на лошадях*»; «*Как будет осуществляться подписка на пластинки?*»; «*До 200 разных услуг осуществляет бюро обслуживания*»; «*Наложение жгута может осуществлять подготовленный активист Красного Креста*»; «*Директор театра осуществляет наем и увольнение работников*»; «*Плавание осуществляется по судоходным трассам*»; «*Группа хирургов осуществила сложнейшую операцию*»; «*Погрузка осуществляется в вагонетки*»; «*Магазин осуществляет продажу многих из указанных товаров*»; «*Питание установки осуществляется от сети переменного тока*»; «*Неожиданная жертва ферзя, которую осуществил Савон*»...

А когда-то на лошадях не перевозки осуществляли, а *перевозили грузы*, а подписка *проводилась*, а услуги бюро обслуживания *оказывало*, а жгут *накладывался*, а наймом и увольнением работников директор театра *занимался*, а по судоходным трассам суда *плавали*, а операцию *делали*, а грузы в вагонетки *грузились*, а товары магазин *продавал*, а питание установка *получала* от сети переменного тока, а ферзя шахматист *жертвовал*...

Автор популярного издания по кибернетике хочет сказать, что информация обеспечивает выбор одного из возможных состояний, а пишет он: обеспечивает *осуществление выбора* одного из возможных состояний. Другому автору надо сказать, что задачи развития овцеводства должны решаться таким-то образом, а написал он: *решение задач развития овцеводства должно осуществляться* таким-то образом. А педагог-биолог в учебном пособии для школьников договорился даже до того, что «*митохондрии осуществляют дыхание клетки*», хотя дыхание (естественный физиологический процесс) нельзя осуществлять, так же как нельзя осуществлять кровообращение, пищеварение или сон, боль, радость, волнение...

Вход во двор осуществляется через калитку... Я это не выдумал. В рукописи одного инженера так и было написано: «*Вход на крышу электровоза (Н-60) осуществляется через специальный люк из высоковольтной камеры...*»

Техническая литература — это книги, брошюры, журналы, плакаты, листовки, диапозитивные фильмы, выпускаемые по заказам ведомств и институтов, технические паспорта... Они расходятся в миллионах экземпляров. Устную речь регламентировать невозможно. Но речь печатную в подобных случаях регламентировать не только можно, но и должно. Нужно, очевидно, в издательствах, где выпускаются такие издания, ввести обязательное литературное редактирование их.

М. ВЕТКОВСКИЙ
корректор

ПОСЛЕ НЕЛЕГКОГО ПЛАВАНИЯ

«Декабрь» — так названа повесть. В ней и вправду есть что-то от настроения последнего месяца года, когда мысленно прощаешься с чем-то в самом себе и в жизни, и каким бы счастливым ни был уходящий год, от нового ожидаешь большего и лучшего. Время одних чувств, мыслей, переживаний уже проходит, время других еще не наступило.

...Декабрь в северном (на широте Баффиновой Земли) городе, в котором «если непогода, то никто не знает, куда ему кинуться, там его самого с носогора в порт понесет». А порт провожает в рабочий рейс большой морозильный рыболовный траулер — БМРТ. На нем в очередное плавание уходит главный герой повести — матрос первого класса Женя Морозов. БМРТ — это «кусочек страны и вся же целая страна», пишет автор. И хотя он точно определяет географическое положение «кусочка страны» и описывает события, здесь происходящие, не это нам кажется главным. Повесть отражает внимание М. Глинки к внутреннему миру человека — многомерному, тонкому, индивидуальному, беспокойному. Для писателя это тоже «целая страна».

Повесть не богата событиями. Художественное качество ее рождается не из исключительных ситуаций, в которых так или иначе проявляется характер героев, а из описаний внутреннего состояния: оно-то и определит поведение героя в узловые моменты его биографии. И читатель с каждой главой все внимательнее и внимательнее «прислушивается» к душе героев повести, а значит, и к своей душе, и как бы заново вместе с девятнадцатилетним юношей «осваивает» жизнь, ищет, сомневается, находит, теряет, и вместе с Женей Морозовым мужает, взрослеет, обогащается нравственно, возвращается из нелегкого плавания другим.

М. Глинка верен себе: он участвует в лепке характера, личности молодого человека, его увлекает этот процесс. Писатель старается избегать психологической однозначности характеристик.

В некоторых произведениях на «рабочую» тему уверенно шагают бойкие заводские деятельницы, в общем-то симпатичные, но порой фамильярные, не ведающие ни в чем сомнения. Выгодно отличается от них героиня повести «Декабрь» Мария Васильевна Морозова — председатель завкома рыбоконсервного комбината. При всей своей деловой бойкости, она не обладает раздражающей способностью многолетнего руководителя всегда быть правой. У нее какая-то деликатная душа. Это человек для людей. Никакого смысла она не находит в том, чтобы хоть что-то сделать для себя. Она и к сыну своему Жене относится, пожалуй, с меньшей заботой, потому что он «свой» (автор правдив, он не ретуширует героев: Мария Васильевна в общепринятом понятии — мать «никудышная»), а вот к чужому юноше, к Коле Волкову, она очень внимательна. Ее тревожит хрупкость его натуры: как бы он не поранился о людское равнодушие и грубость. Глубокое уважение и «инакости» другого свойственно многим героям повести, и каждый из них, в свою очередь, несет в себе какую-то находку автора, загадку. Кроме, пожалуй, девушек, с которыми сталкивается на своем жизненном пути Женя.

Вот Вера, с «куцым, однозначным смыслом ее иносказаний». Ей хочется, чтобы у них с Женей было не «как у всех». Однако это желание само по себе стало безнадежно банальным и выражает внутреннюю несвободу от веяния моды. Манерность Веры, «заназыченность» ее чувств ясны с самого начала. Она элементарна. Автор же, не доверяя читателю, впрямую определяет крушение Веры в финале: мол, они с Женей «передразнили», то есть «переиграли» в любовь...

А Людмила? «Разлинованная», дозированная, упорядоченная, осторожная, начитанная, она порой со своей утрированной начитанностью «для себя» напоминает тот запертый чемодан с книгами, который, чтобы познакомиться с нею, помог перенести Женя.

К слову сказать, манера, которую избрал автор для повествования — неторопливая, ровная, обстоятельная, — порой мстит ему, особенно в диалогах: они длинны, статичны, интерес читателя здесь притупляется. И это досадно, потому что в целом, до самой заключительной точки, нас не покидает чувство хорошего читательского нетерпения: кончается декабрь... Что несет новый год?

Л. ПОЛУХИНА

ПОДСТРОЕННЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

Классики немало претерпели от своих героев. Достаточно вспомнить хотя бы пушкинскую Татьяну — она, жаловался Александр Сергеевич другу, знаешь, что удрала — взяла и вышла замуж.

Многие современные авторы такого своеволия своим героям не разрешают. Больше того: они сами их заставляют совершать такие поступки, что куда ни кинь — всюду неожиданности, всюду несообразности, а почему они случаются — один бог ведает. Показательный в этом смысле пример — повесть «Какая у вас улыбка» (журнал «Юность», № 6, 1972), принадлежащая перу В. Краковского.

Его герой Сергей Савинов с самого начала объявляет, что он неудачник. Есть такая игра — целой компании приказывают: «Садитесь!» — а одного стула не хватает. Кто-то всегда остается без места. И этот «кто-то» в жизненной «игре» — Сергей. Злоключения его начинаются с того, что он провалился на экзамене в институт — здесь его огорошил экзаменатор вопросом: почему в Африке «в линиях электропередач применяют на редкость толстые провода?» Оказывается, на них любят висеть обезьяны, так чтобы не порвались. А Сергей не догадался.

После этого он поступил в парк «режиссером» — с него требуют, чтобы он только присматривал за порядком, но он оскорбил директора, и тот выгнал его из парка и даже швырнул в Сергея шахматными фигурками. Затем он поступил в газету корректором — и оттуда пришлось уйти. Здесь его терзала не грубость, а благоговейное отношение к корректорскому труду его начальницы. Поступил он на завод, но и там его заставили взять на себя чужую вину, и, оскорбленный, он ушел из цеха.

Всюду сплошные неожиданности! А дивиться нечему. Все они явно подстроены автором для оживления героя, который «ищет себя». Много проб делал Сергей на наших глазах, а дела по себе не нашел. А призвание — его дело, оказывается, состоит в том, чем он до сих пор занимался между делом. Фотография — вот что его радует и волнует. В фотоателье он встречает и своего героя — мудрого старика-фотографа, и своего антипода — парня, снимающего равнодушно и небрежно. Все, что Сергею нужно и интересно, здесь есть (кстати, и написаны эти сцены вполне достойно, и герои эти живые).

О других персонажах повести этого не скажешь. Глупый до гротеска директор парка; восторженная до кликушества корректорша; из трусости плетущий интригу начальник цеха; по-хамски оскорбляющий всех молодых, и своего сына в особенности, папа; непрерывно закатывающая глаза бабушка — это не живые люди, а расплывчатые тени.

Сколько бы ни совершал неожиданных поступков Сергей, в них его характер почти не проявляется. Правда, мне могут сказать: и бесхарактерность — это характер. Да, но только в том случае, если нет в нем безыскусной заданности, явного сочинительства, нарочитой усложненности, а все эти свойства ощущаются в повести молодого автора.

В чем причина его неудачи? Ответ напрашивается, когда читаешь повесть — порой живо написанные страницы «кого-то» и «что-то» напоминают... Было, все уже это было — и инфантильный, честный, но слегка скептический герой, и подобные, откровенно говоря, несерьезные «испытания жизнью».

Зачем же молодому автору повторяться? Не лучше ли ему попробовать свои силы не на книжном, а на своем, жизненном материале?

А попробовать стоит — человек он, безусловно, способный.

В. СУХАРЕВИЧ

Иллюстрация и оформление книги Л. Н. Толстого «Филипок». Автор — А. Ф. Пахомов (Ленинград)

(С выставки произведений изобразительных искусств, допущенных к конкурсу на соискание Государственных премий СССР 1972 года)

Секретариат правления Союза писателей СССР и секретариат правления Союза писателей Белоруссии с глубоким прискорбием сообщают о кончине старейшего белорусского писателя, члена КПСС с 1919 года

ГУРСКОГО Ильи Даниловича

и выражают искреннее соболезнование семье и близким покойного.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ПЕРЕЖИТОЕ И ПОЗНАННОЕ

ОДИН из героев романа Анатолия Ананьева «Межа» — молодой следователь Егор Ковалев после упорных раздумий, проверив и переоценив свои первоначальные представления о действительности, убеждается в том, что «не услышанное и заученное, а пережитое и познанное становится понятным и близким». Не сомневаемся, писатель, вкладывая эти слова в уста изображаемого им честного, строгого к себе человека, мог бы произнести их и от собственного имени: в них заявляет о себе жажда тесного, деятельного общения с жизнью, настойчивого постижения ее глубин. Постижения особенного — совершаемого с присущими художественному творчеству проникновенной непосредственностью, полнотою.

...И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.

Строки Николая Заболоцкого превосходно передают столь драгоценную в искусстве нераздельность понимания и изображения, восприятия и действия. Решение коренных, никогда не теряющих своего значения вопросов человеческого существования доступно в наши дни тем художникам, что находятся умом и сердцем в самой гуще судеб и дел социалистической современности, умеют быть верными реальным фактам и вместе с тем истолковывать их, обнаруживать смысл, в них сокрытый.

К разряду писателей, не знающих противоречия меж размерами житейского опыта и волей к его осмыслению, принадлежит и Анатолий Ананьев. Он, сам того не зная, готовился к литературному труду, участвуя в боях и трудах вместе с миллионами соотечественников.

Ему было восемнадцать лет, когда он сражался на Курской дуге: двадцать, — когда он шел по дорогам Европы, освобождаемой Советской Армией. Вскоре он уже работал на сортоиспытательном участке, немногим позже был студентом-заочником и таскал тюки в заводских цехах, затем стал начальником цеха на том же заводе... Далее — новый отрезок жизненного трудового пути, ведущий от стенгазеты к стихам на журнальных страницах, от филологического факультета к работе в редакции областной газеты. Потом — к рассказам, повестям, романам, к прозе — большой не только по объему, но прежде всего по охвату жизненных явлений, по серьезности коллизий, положенных в основу изложения.

Теперь мы знаем то, о чем рассказано в книге, завоевавшей известность Анатолию Ананьеву, «Танки идут ромбом» он сам пережил, сам видел. И факты, воспроизведенные в романах «Межа» и «Версты любви», тоже, как говорится, получены из первых рук — они крепко-накрепко вошли в память, стали неотъемлемой частью биографии рассказчика. Точность описания, свойственная ананьевской прозе, недавно получила подтверждение, неожиданное и неопровержимое. Прочитав страницы, посвященные схватке нашей батареи противотанковых орудий с гитлеровскими самоходками в «Верстах любви», полковник А. Копелев узнал бой, которым он руководил, и написал о том своему бывшему лейтенанту, теперь романисту. Переписка эта, опубликованная в печати, с успехом может быть использована литераторами, выясняющими соотношение факта и домысла в современной прозе. Стоит, однако, сразу же подчеркнуть: можно предполагать, что тщательное воссоздание всех подробностей сражения происходило, так сказать, попутно, не было

тем пределом, к которому стремился романист. Напротив, самая достоверность этой сцены, смеем утверждать, была нужна в книге, внутренне целостной и многосторонней, для того, чтобы подчеркнуть естественность, жизненность сложных переживаний и раздумий, здесь запечатленных. В ходе боя раскрывается его душа. Нам, читателям, сразу же так хорошо, вплотную узнавшим одного из двух главных героев романа — Евгения Ивановича Федосова, наблюдавшим его в минуты величайшей ответственности и смертельной опасности, конечно же, будут дороги, близки, понятны те действия, чувства, мысли, что на долгие, уже мирные, годы определили, заполнили жизнь не только его самого, но и других людей. Здесь перед нами «материя» весьма тонкая, сложная: от участников событий требуется не только смелость, но и проницательность, принципиальность, умение видеть связь прошлого, настоящего, будущего и этим руководствоваться в своем поведении.

Разумеется, качества, только что поименованные, нужны не только для созидания, но и для защиты социалистической Отчизны. И вот что примечательно: героев военной книги «Танки идут ромбом» — подполковника Таболу, капитана Пашенцева, лейтенанта Володина, несмотря на разницу и в служебном положении, и в жизненном, фронтовом опыте, и в личных склонностях, пристрастиях, объединяет потребность осмысления грандиозных исторических сдвигов, свидетелями и участниками которых они стали. В самые тяжелые часы кровавых, грозных битв и закаленные, прошедшие огонь и воду командиры, и необстрелянный юноша, вчерашний школьник, живут напряженной душевной жизнью, определяя свое место во времени и пространстве, действуя сознательно и увлеченно. Мысль, таким образом себя проявляющая, как нельзя более далека от пассивной рефлексии и отвлеченного рассуждательства. Она неразрывно связана с поведением человека, с его обликом, переходит в действие и подкрепляется им.

Такими Анатолий Ананьев рисует своих героев — тех, кто стал ему дорог и понятен в военное и мирное время. Такой ключ, такая осмысленная действенность или, если угодно, действенное осмысление жизни и есть движущая сила его прозы.

Опорные «узлы» романов Ананьева — человеческие отношения, характеры. Он очень внимателен и к отдельным душевным состояниям, поступкам, умонастроениям, и к тому итогу, который образуют эти слагаемые. Пожалуй, именно совмещение различных пластов действительности, соединение разнородных фабульных линий и становится решающим звеном в его книгах, позволяет ему выразить свой взгляд на мир с наибольшей отчетливостью, безо всяких назиданий и разъяснений. Героям предоставлена полная свобода действий, и вместе с тем обнажено самое существо их побуждений и поступков, они взвешиваются на строгих весах социалистической нравственности.

Для этого роман необходимо развернуть естественно и организованно, добиться ясности и одновременно многослойности повествования, сделать так, чтобы, несмотря на разветвленность, оно просматривалось насквозь, было связным, слитным.

Каждый раз Ананьев находит новый строй внутренних связей чтобы сопоставить разнородные судьбы и события, осветить их взаимодействие, вывести наружу смысл, в них сокрытый.

В романе «Танки идут ромбом» пламя Курской битвы озаряет не только души героев в напряженнейшие моменты, требующие наибольшего нравственного и физического подъема, но и пути, которые привели их к подвигам, и последствия этих исполинских усилий. Минувшее, настоящее, грядущее крепко сплетены, представлены в их неразрывности.

В «Меже» писатель так же обращается к прошлому действующих лиц и заглядывает в их завтрашний день. Более того, в тех заботах и спорах, которыми действующие лица заняты нынче, заметное место занимает драма, происшедшая в годы войны и порожденная ею, хотя разыгралась она во глубине России, — несчастье, случившееся с колхозницами, что выехали встречать эвакуированных детей. И все же перекличка времен не имеет здесь столь решающего значения. Жизненный центр романа — столкновение истины и лжи, человечности подлинной и кажущейся, фальшивой. Люди, по молодости лет уже не изведавшие на собственном опыте всей мерзости и жестокости эксплуататорского, собственнического общества, убеждаются в опасности, тлетворности его остаточных влияний, его норм, перелицованных, видоизмененных, но сохранивших свою вредоносность. Пути людей, на первый взгляд идущие параллельно, не пересекаясь, в действительности как бы подсвечивают, дополняют, объясняют один другого и на поверку оказываются ступенями единой лестницы, ведущей к вершинам знания и общественного добра.

Эта обоюдная проверка и помощь героев открыто, властно выдвинута на первый план в «Верстах любви». Здесь уже шла речь о Евгении Федосове, отразившем удар гитлеровцев. Жизнь этого отважного, чуткого, совестливого человека значительна, исполнена смысла. Она не проста и не легка, да и герой отнюдь не безупречен, и искомая истина открывается ему не с первых шагов, а добывается в трудном борении. Его юношеская любовь к милой и благородной девушке, увы, не встретившая ответа, мало-помалу превратилась в чувство не менее светлое, наложившее неизгладимый отпечаток на все его переживания и действия. Он стал нужен многим людям, не только тем, кому помогал непосредственно. Десятилетие спустя, в том краю, где он, артиллерист, метким огнем крушил врага, ребята играют «в лейтенанта Федосова» и его имя произносится с искренней почтительностью.

Можно ли найти оценку более отчетливую, итог более завершенный?

И, однако же, не здесь финал романа. Вторая половина его посвящена истории второго героя — агронома Алексея Пономарева, только что выслушавшего рассказ Федосова о пережитом и сделанном. Казалось бы, тут нет повода для сравнения: очень несхожи тревоги и волнения героев, не только профессии их различны, но и житейские обстоятельства, а главное — критерии, которыми они руководствуются в повседневном обиходе. Но точки соприкосновения находятся! Налаженный бытовой и служебный уклад жизни Пономарева в его же собственных глазах оказывается непрочным, шатким, да и не заслуживающим, чтобы его охраняли и берегли. Сладость домашнего уюта, «сепаратное» существование — не более как суррогат настоящей, полноценной человеческой и гражданской жизни. Пономарев и отказался от всего этого, когда его юношеское прекраснодушие столкнулось с ловкой изворотливостью хищников. Встреча с Федосовым, судя по всему, возвращает Пономареву утраченные стойкость и чистоту принципов. «Он не давал успокоиться своей душе» — эти слова, произнесенные почтенным работником земельного управления, одновременно являются и сжатой характеристикой той силы, что исходит от нового знакомца, и беспощадным упреком по собственному, пономаревскому, адресу. Будем, однако, справедливы: резкость, острота душевного отклика свидетельствуют о том, что доброе, зоркое беспокойство, свойственное людям достойным, великодушным, граждански зрелым, не вовсе ушло от Пономарева, а до времени притихло, притаилось... Теперь час нравственного возрождения настал.

Итак, книги Анатолия Ананьева в самом деле и построены по-разному, и охватывают, казалось бы, далеко отстоящие жизненные ряды (Здесь стоит назвать еще повесть «Козырь монаха Григория», где сектантская молельня становится ареной схватки двух мросозерцаний.) Но эти произведения объединяет стремление к истине, к познанию добра и зла в их живом, многообразном воплощении, в конкретном общественном обличье. Оно-то и сообщает им реальность, жизненность, преграждает дорогу расплывчатой, неопределенной отвлеченности.

Да, судя по всему, Ананьев знает, какие тонкие, подчас труднопрощупываемые и запутанные нити ведут от лежащих на поверхности, доступных даже беглому взору фактов, к тем глубинным закономерностям, которые по праву называются историческими, социальными. Знает также, сколько нужно терпения, проницательности, вдохновения, чтобы уловить, как проступает везде и всюду могучая жизненность идей, определяющих развитие нашего общества, чтобы передать в слове эту содержательность, принципиальность повседневной человеческой практики, оттенить несостоятельность оценок, ограниченных, односторонних, близоруких.

...Трое ветхозаветных и тщедушных старичков проходят по страницам «Межи». Они жадны, скупы — это видно сразу,— что еще можно о них сказать? Но стоит присмотреться к ним, и станет ясно, они несут на себе клеймо собственничества, стяжательства, корысти, и именно оттого любое их суждение и действие отвратительно и порочно. Зло сопутствует носителям этих свойств в любых начинаниях, хотя в их наружных повадках нет ничего вызывающего, оскорбительного. Напротив, они охотно перенимают признаки, приметы им, по существу, чуждые, заимствованные у окружающих, и тогда их вредоносность возрастает.

Мы убеждаемся в том, как опасна мимикрия, когда в «Верстах любви» начинающий агроном оказывается жертвой ловких и алчных Моштаковых. Они исхитрились было и в наше время кулачествовать, мироедствовать, постарались подмять, поработить односельчан, соседей, сделать их своими покорными подручными. А взявшемуся за них Пономареву нанесли удар, от которого он, как мы уже знаем, не скоро оправился.

Но вот что всего любопытнее: безжалостные в своих подлых махинациях, Моштаковы усердно прибегают к «моральным» аргументам. Они толкуют о необходимости платить добром за добро, и робкие вдовы, облагодетельствованные ими (за счет государства!), послушно становятся участниками преступления, кстати сказать, безо всякой для себя пользы. Так расхитители народного добра оказываются одновременно развратителями, погубителями человеческих душ. И трудно сказать, какой урон более велик, — тот, что исчисляется украденными пудами зерна или исковерканными душами, к какому кодексу здесь нужно в первую очередь обращаться — уголовному или нравственному. Ковалева и Богатенкова-старшего в «Меже», Федосова и Пономарева в «Верстах любви» при всем несходстве их судеб и характеров объединяют способность видеть эту взаимозависимость материального и духовного в житейской, трудовой практике, желание руководствоваться высокими критериями в каждом своем действии.

Вот зачем нужно Анатолию Ананьеву совмещать различные срезы повествования, сводить лицом к лицу людей несхожих и по профессии, и по возрасту, и по жизненным интересам. В его романах нет «узкой специализации» действующих лиц — она помешала бы писателю раскрыть всевластие принципов, вошедших в умы и сердца строителей нового общества. Жизнь нераздельна! И это побуждает писателя в своей прозе охватывать фронт и тыл, город и деревню, семью и строительство, сельское хозяйство и науку, религию и юстицию. Здесь происходит не переброска от одной темы к другой, а совмещение различных граней жизненного единства. Она неопровержимо реальна, эта целостность бытия, но чтобы уловить, закрепить ее в образе, нужны творческие решения — смелые, точные, последовательные. Забота Ананьева о наибольшей емкости, насыщенности изложения видна в строении не только сюжета, но и фразы, словесного периода. Посмотрите описание «бабьего обоза» в «Меже» или боя под Калинковичами в «Верстах любви». Высокий коэффициент содержательности, здесь достигнутый, должен стать образцом и для самого романиста. Им найден свой способ изложения, требующий постоянной и строгой выверенности, чтобы его возможности были реализованы в полной мере, чтобы изображение жизни здесь органически сочеталось с ее исследованием, истолкованием.

Постоянно напоминая о сосредоточенной осмысленности прозы Анатолия Ананьева, не подразумеваем ли мы тем самым, что из-под его пера появляются романы-трактаты, романы-теоремы, романы-концепции? Нет, ни в коем случае: в книгах, из которых складывается биография писателя, кипят и сталкиваются человеческие страсти, вершатся человеческие дела и судьбы. Здесь господствует живая логика действительности. А в этом достоверном развитии характеров и отношений рельефно проступают думы, переживания рассказчика. Его собственные идеалы и убеждения оживают в изображаемых им людях: нарисованные им картины исполнены смысла. И мы снова поражаемся точности всем нам хорошо известного определения, здесь так хорошо применимого: искусство — это мышление в образах...

И. ГРИНБЕРГ

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Петро ПАНЧ

Олесь ГОНЧАР

Дмитрий ПАВЛЫЧКО

Иван ДРАЧ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ А. АРУТЮНЯНЦА

НОВЫЕ СТИХИ

Константин ВАНШЕНКИН

Что солдат без огня!

Что солдат без огня! —
Не поддержанный стволами,
Извергающими пламя
В свете сумрачного дня.

Что солдат без огня!—
Было б телу скучновато
Без оттяжки автомата
И шершавости ремня.

Что солдат без огня! —
Не без легкой сигареты,
Без махорки и газеты,
Без кресала и кремня.

Что солдат без огня! —
Без костра в снегу полянки,
Без печурки в той землянке,
Где нас нежит, в сон клоня.

Что солдат без огня! —
Без немыслимой отваги,
Через реки и овраги
Поднимающей меня.

Что солдат без огня!..

■

В средневековом храме
Или в глуши лесной
Вдруг — небо в круглой раме
Высоко надо мной.

Торжественно и немо,
Поди — не отзовись,
Притягивает небо,
Засасывает высь.

Нет глубины синее,
Чем именно вон та.
Нас к ней несет сильнее
Несущего винта.

Коль вы на это падки,
Я вам секрет открыл,
Что чешутся лопатки
От режущихся крыл.

■

Чуть свет, на третьем этаже,
В начале нового квартала,
Совсем замаявшись уже,
Надсадно девочка рыдала.

Не тем тревожила всерьез,
Что плачет, этого не пряча,
Не бурной дрожью этих слез,
А продолжительностью плача.

Вдруг замирала в тишине,
Казалось бы, уже окончив,
И в это верилось вполне,
Поскольку детский нрав отходчив.

Но лишь стихала, чтоб опять
Рассветной будничною ранью
Побольше воздуху вобрать
Для следующего рыданья.

■

Вы машинально, безо всякой цели,
В какой-то миг, что даже не воспет,
Внезапно обернуться захотели
И посмотрели женщине вослед.

Куда спешит и в чем ее заботы?
Их знает кто, их с нею делит кто?
Вот в дом вошла, сняла в передней боты,
На спинку стула сбросила пальто.

Подхвачена лавиною мирскою,
Живет совсем одна — не напоказ.
Однако одиночество мужское
Тоскливее бывает во сто раз.

Пред зеркалом разгладила морщины,
Оглядывает сдержанно жилье, —
Гораздо больше знача для мужчины,
Чем он обычно значит для нее.

■

Окошко отворил
И, закрепляя створку,
Увидел — от перил
Две тени по пригорку

Чудовищной длины.
А в стороне немножко
Белела от луны
Садовая дорожка.

И в светлой темноте
Кольнуло глуховато:
Мы по ночам не те,
Что были днем когда-то.

Всем существом своим,
До самого рассвета.
И если мы не спим, —
Еще заметней это.

Соседский волкодав
Гудел, как из кадушки.
Трещали вдоль канав
Наклонные лягушки.

И где-то вдалеке,
За огородной зоной,
Очнулся на реке
Буксира говор сонный.

■

Мы меняемся с годами.
Суть не в том, что нет кудрей.
За возникшими горами —
Тот хитрей, а тот мудрей.

За жестокой гранью поздней
Вдруг становится видней —
Кто ничтожней, кто серьезней,
Кто важней и кто верней.

Ну, а кто остался прежним,
Всем в глаза пуская дым, —
На того мы взором нежным
С тайной жалостью глядим.

Белой ночью на Двине

Мерцанье над лесом и пляжем —
Как блики на белом ноже.
— Немного стемнеет, и ляжем...
— Темнее не будет уже.

От этого ясного слова,
Что просто сказал капитан,
Как будто очнулся я снова,
И душу мне свет напитал.

Над этим течением быстрым
Я тут же запомнил в лицо
По низкому берегу пристань
С уютным названьем «Сельцо».

В расплавленных отсветах белых
Свободно катилась Двина,
И четко был вычерчен берег,
Где каждая мелочь видна.

Две церковки, знавшие цену
Себе, не терялись в пути,
Пока им не вышли на смену
Две тоже — зеркально почти.

Уверенность ровного света,
Отсутствие всяких теней.
И в сердце сознание это,
Что долго не станет темней.

■

Кто утвердился на войне,
Когда валила сила вражья?
Те, у кого талант бесстрашья
Открылся сразу и вполне.

Те яростные моряки,
Те забубённые ребята
С Преображенки и Арбата,
Что крепли, бедам вопреки.

И те, в чьей жизни и судьбе
Была основою идея,
Те, что о Родине радея,
Не помышляли о себе.

Пускай сутулы и в очках,
Но так несокрушимы духом,
Что там, где свист свинца над ухом,
Отвага зрела в новичках.

И были сразу же видны
Обуреваемые страхом.
Все у таких шло только прахом.
А петушились до войны.

Вот, собственно, и весь рассказ.
Что ж, есть таланты и иные.
И лишь герои приписные
Вольны обидеться на нас.

Спичка

Вспыхнувшая спичка,
Венчик золотой.
Маленькая спичка
Света с темнотой.

Краткое мгновенье.
Но явилось там
Неповиновенье
Вьюгам и дождям.

Ночи все бездонней,
Но опять, смотри, —
Домик из ладоней
С огоньком внутри.

Где на перекрестках
Мрак со всех сторон, —
Сруб из пальцев жестких
Слабо озарен.

■

Скажите сдержанно: простим
Его за истовость, с которой
Житейским радостям простым
Он радовался каждой порой.

Чем жизнь его была полна?
Он счастлив был в годину злую
Глотку воды, глотку вина
И выпавшему поцелую.

Костру — в мороз, речушке — в зной,
И котелку пустого супа,
И пробужденью под сосной,
И хлебу, выданному скупо.

И просто бледным небесам,
И одуванчикам в кювете.
Тому, что видел это сам,
Тому, что жил на этом свете.

Жил общей с многими судьбой
И в ней ценил любую малость.
А главное — само собой
Всесильно подразумевалось.

Передавая «Литературной газете» отрывок из своей новой повести, писатель Владимир Тендряков сказал нашему корреспонденту:

— Человек прожил на свете тринадцать мальчишеских лет. Мир казался ему простым и ясным, где наперед известно, что хорошо и что плохо.

Но случилось в общем-то обычное — мальчик полюбил. Да, впервые в жизни. Да, ту девчонку, которую видел каждый день по многу раз, ту, что жила в их доме, ходила в одну с ним школу.

И открылось то, о чем до сих пор он совсем и не подозревал: и радости странные, и огорчения неожиданные. Простой мир превратился в *сложный*.

Относительно сложный. Как-никак человеку, столкнувшемуся с миром, всего-навсего тринадцать лет...

Здесь даны отрывки, где герой невольно сталкивается с жизнью взрослых. Между эпизодами, разделенными в тексте «звездочками», происходит трагическое событие: мальчишеский враг Дюшки — Санька — ранит ножом Дюшкиного товарища. Мать Дюшки, спасая мальчика, отдает свою кровь.

Приходится признаться, что моя новая повесть «Весенние перевертыши», которая полностью печатается в «Новом мире», посвящена старой, старой теме первой любви.

Владимир ТЕНДРЯКОВ

НАРЦИССЫ

Рисунок А. ШУЛЬЦА

ДЮШКА жил в поселке Куделино на улице Жана Поля Марата. Здесь он и родился тринадцать лет тому назад. Правда, улицы Жана Поля Марата тогда не было, сам поселок тоже только что рождался — на месте деревни Куделино, стоявшей над дикой рекой.

Дюшка помнит, как сносились низкие бараки, как строились двухэтажные улицы — Советская, Боровая, имени Жана Поля Марата, названная так потому, что в тот год, когда ее начинали строить, был юбилей французского революционера.

В поселке были лесоперевалочная база, речная пристань, железнодорожная станция и штабеля бревен. Эти штабеля — целый город, едва ли не больше самого поселка, со своими безымянными улочками и переулками, тупиками и площадями, чужой человек легко мог заблудиться среди них. Но чужаки редко появлялись в поселке. А здесь даже мальчишки хорошо разбирались в лесе — тарокриж, крепеж, баланс, резонанс...

Над всем поселком возносится узкий, что решетчатый штык в небо, кран. Он так высок, что в иные особо угрюмые дни верхушкой прячется в облака. Его видно со всех сторон за несколько километров от поселка.

Он виден и из окон Дюшкиной квартиры. Когда семья садится за обеденный стол, то кажется — большой кран рядом, вместе с ними. О нем за столом каждый день ведутся разговоры. Каждый день целый год отец жаловался на этот кран: «Слишком тяжел, сатана, берег реки не выдерживает, оседает. В гроб загонит, будет мне памятничек на могилу в полмиллиона рублей!». Кран не загнал отца в могилу, отец теперь на него поглядывает с гордостью: «Мое детище». Ну, а Дюшка большой кран стал считать своим братом — дома с ним, на улице с ним, никогда не расстается, даже когда засыпаешь, чувствуешь — кран ждет его в ночи за окном.

Отец Дюшки был инженером по механической выгрузке леса, мать — врачом в больнице, ее часто вызывают к больным по ночам. Есть еще бабушка — Клавдия Климовна. Это не родная Дюшке бабушка, а приходящая. У нее в том же доме на нижнем этаже своя комнатка, но Климовна в ней только ночует. А когда-то даже и не ночевала — нянчилась с Дюшкой. Сейчас Дюшка вырос, нянчиться с ним нужды нет, Климовна ведет хозяйство и страдает за все: за то, что у отца оседает берег под краном, что у матери с тяжелобольным Гринченко стало еще хуже, что Дюшка снова схватил двойку. «О, господи! — постоянно вздыхает она обреченно. — Жизнь прожить — не поле перейти».

* *

...Дома шел разговор. Как всегда, шумно говорил отец, как всегда, — о своем большом кране:

— Кто знал, что в этом году будет такой паводок. Берег подмывает, гляди да локти кусай — кувырнется в воду наш красавец. А кто настаивал: надо выдвинуть в реку бетонный мол. Нет, мол, накладно. Из воды выуживать эту махину не накладно? Да дешевле новый кран купить! Всегда так — экономим на крохах, прогораем на ворохах!..

У матери остановившийся взгляд, направленный куда-то внутрь себя, в глубь себя. Она неожиданно перебила отца:

— Федя, ты не помнишь, что случилось пятнадцать лет назад?

— Пятнадцать лет?.. Гм!.. Пятнадцать... Нет, что-то не припомню... Кстати, как сегодня здоровье твоего Гринченко?

— Представь себе, лучше.

— А почему похоронное настроение, словно у тебя там несчастье?

— Да так... Вдруг вот вспомнилось... Пятнадцать лет назад бежали ручьи и капало с крыш, как сегодня.

Отец стоит посреди комнаты в клетчатой рубашке с расстегнутым воротом, взлохмаченная голова под потолок. Косит глазом на мать — озадачен.

— Что за загадки? Говори прямо.

— Пятнадцать лет назад, Федя, в этот день ты мне поднес... Белые нарциссы, помнишь ли?

— Ак да!.. Да... Бежали ручьи... Помню.

— С этих цветов, собственно, и началось.

— Да, да.

— Ты тогда был неуклюжий, сутулился... Цветы, ручьи и твои слоновья вежливость.

— Действительно .. Я боялся тогда тебя.

— Я прижимала твои цветы и думала: господи, возможно ли так, чтобы просыпаться по утрам и видеть этого смущающегося слона день за днем, год за годом. Не верилось.

— Мы вместе, Вера. Пятнадцать лет...

— А вместе ли, Федор? Краны, тягачи, кубометры, инфаркты, нефриты — гора забот между нами. Чем дальше, тем выше она... Федя, ты мне уже никогда больше не дарил цветов. Те белые нарциссы — первые и последние.

Отец грузно зашагал по комнате, влезая пятерней в растрепанные волосы, мать глядела перед собой углубленными глазами.

— Белые нарциссы .. — с досадой бормотал отец. — Я даже еловых шишек не могу здесь поднести, к нам приходят раздетые донага бревна... Вера, ты сегодня что-то не в настроении. Что-то у тебя случилось? Какая неприятность?

— Случилась очередная весна, Федя.

Мать и отец даже не заметили вернувшегося с улицы Дюшку, никто не спрашивал его, сделал ли он домашние задания. А он не решил задачи о двух пешеходах...

Бабушка Климовна штопала Дюшкин свитер, тоже прислушивалась к разговору о нарциссах, шумно вздохнула:

— Ох, батюшки! Мечутся, все мечутся, не знай, чего хотят.

* *

...На столе стояло два торта: один — уже разрезанный — для еды, другой — большой, круглый, красивый — для свечей. Тринадцать тоненьких елочных свечей горели бескровно-бледными огоньками. Тринадцать лет Миньке, он на два месяца моложе Дюшки. Дюшке ко дню рождения такого торта со свечами не поставили — ни мать, ни Климовна не догадались.

И еще на столе бутылка, не ситро какое-нибудь, а настоящее вино, красное до черноты, торжественный мрак под поблескивающим стеклом, сразу видно — праздник не на шутку.

Минька не захотел снимать новую куртку, так в ней и уселся за стол — потеет, поеживается от удовольствия, щурится на тринадцать свечей и улыбается так широко, что видна щербинка в зубах, которую раньше Дюшка не замечал.

Минькина мать в кружевном воротнике, с большой брошью, толстые косы обвиты вокруг головы, лицо крупное, белое, с выдвинутой вперед нижней губой. Она и прежде всегда немного пугала Дюшку, сейчас он при ней чувствовал себя что-то неловко, в голове с самого дна всплывали забытые наставления, вроде — не клади локти на стол, держи нож в правой руке, не смейся слишком громко. И Дюшка старался — не клал локти на стол, улыбался по-взрослому, не раскрывая рта, уголками губ, тонко, значительно, высокомерно, как какой-нибудь граф Монте-Кристо.

Минькин отец вблизи, в домашней обстановке, не выглядел уж таким странным, каким казался на улице: умытый, светлый, щупленький, беспокойный, с мальчишеским блеском в потемневших глазах. Он постоянно порывался помочь жене, но видел, что мешает, конфузился, впадал на минутку в уныние, но быстро веселел, снова начинал дергаться и суетиться.

Наконец он ломкими, неловкими пальцами раскупорил парадную бутылку и, рискованно балансируя, налил мрачное вино — полную рюмочку жене, полную рюмочку себе, капнул на донышко Дюшке, капнул Миньке, чинно вытянулся, значительно прокашлялся:

— Мой сын! Все мы желаем тебе счастья. А что это такое, сын?

Минька кинул взгляд на мать, и щербинка в зубах исчезла, он поежился и стал медленно клониться к столу. А мать — ничего, сидела с высоко поднятой головой, глядела прямо перед собой, и белое лицо ее было спокойно.

— Ты радуешься новой куртке, сын. Радуйся, но помни — ни куртка, ни любая другая вещь не делает человека счастливым. Люди наделали много вещей, полезных, помогающих удобно жить, но счастливей от этого не стали...

— Никита...

Мать по-прежнему глядела перед собой со спокойным лицом.

— А что?.. Разве я что-нибудь?..

— Хоть сегодня-то не заумничай, Никита. Дети же перед тобой. Что они поймут?

И Минькин отец загляделся в свою рюмку, в красные отсветы тяжелого вина.

— Да... — сказал он. — Да... Так выпьем... Выпьем, сын, за то, чего не было никогда у твоего отца, — за уважение.

Опрокинул в себя рюмку, сел, и хохолок бесцветных волос потерянно торчал на его макушке.

— А я, сынок, — подняла рюмку мать, — пью за то, чтобы ты стал нормальным человеком, жил нормальной, как у всех, жизнью. Это, наверное, и есть счастье.

— Что та-кое нор-маль-ность? — спросил Минькин отец.

— Не будем сегодня затевать спор, Никита.

— Да... Да... Хорошо, Люся. Не будем.

Выпили. Дюшка тоже — каплю сладкого, едкого вина со дна рюмки. За столом наступило молчание. Дюшка не клал локти на стол, улыбался уголками губ. Странно, счастье, должно быть, — очень приятная вещь, но Дюшка замечал, что разговоры о счастье у взрослых почти всегда бывают неприятными. И Дюшкин отец недавно говорил о счастье раздраженно: «Жизнью, выпавшей мне, счастлив». И Дюшкина мать не верила ему: «Коза бабки Зновишиной счастливее».

Заговорила Минькина мать, грустно, ласково, на этот раз глядя прямо на Миньку.

— Я хочу, сынок, чтоб у тебя в жизни было побольше маленьких радостей, — хотя бы таких вот, как эта новая куртка. И чтоб ты и другим дарил такие маленькие...

— Нет! Нет! — снова пришел в волнение Минькин отец. — Желать маленького — курточек, чистых простыней, вкусных пирогов... Нет! Нет! Унизительно!

Минька в своей новой нарядной куртке пригибался к столу, прятал лицо. Минькин отец беспокойно ерзал на стуле, глядел на Минькину мать просящими глазами, ждал возражений. Но Минькина мать молчала, только лицо ее стало неподвижным, каким-то тяжелым.

— Ты клевещешь на себя, Люся.

— Я простая баба, Никита, хочу уюта, чистоты, покоя, не заносясь высоко.

— Нет, нет, ты не такая! Не клуша!

— Была... Девчонкой верила: с милым рай и в шалаше. Теперь не устраивает.

Минькин отец повернулся к Дюшке:

— Мальчик, не верь ей. Это великая женщина!

— Брось, Никита, не надо.

— Четырнадцать лет мы живем рядом, в одних стенах. Я вижу ее каждый день... Каждый день по многу, много раз. И всякий раз, как я вижу ее, во мне что-то обрывается. У меня изорвана вся душа, мальчик. Все внутренности в лохмотьях. И я... я благодарен ей за это. За рваные, незаживающие раны... В конце концов исступленная боль заставит меня найти такие слова, от которых все содрогнутся!

Любить иных — тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.

Это еще не мои слова. Я пока не дорос до такого. Но дорасту, дорасту! Мир содрогнется, когда выплесну изболевшееся.

— Мир?.. От тебя?! Я уже разучилась смеяться, Никита.

— А вдруг да, вдруг да, Люся! Вдруг да явится Данте из поселка Куделино, воспевающий свою Беатриче. Сколько было на свете таких, которые казались смешными, над которыми издевались при жизни, а после смерти ставили им памятники.

— О, господи! После смерти — памятник. Чем ты себя баюкаешь? Какая цена этому бреду? Цена — наша жизнь, моя, его! — мать кивнула на Миньку. — Он сегодня в первый раз получил подарок. А я хотела бы хоть раз, хоть на одну недельку вырваться из этого сырого леса, из этого заваленного бревнами Куделина... Я ни разу в жизни не видела моря... «Любить иных — тяжелый крест». Ложь! Быть любимой — тяжелый крест, когда тебя любят не просто, а с расчетом на... на памятник после смерти.

У Минькиной матери покраснел лоб, в глазах блестели слезы, блестели и не проливались, а отец Миньки съежился, втянул голову в плечи, на макушке, словно выстреленный, — несолидный хохолок.

— Люся, поедем отсюда... в город. Я снова поступлю в газету.

Она не шевельнулась.

— Я буду писать статьи, обозрения...

— Нас никто не ждет в городе. Где нам там жить? И твои обозрения не прокормят... Если ехать, то без тебя, мне хватит одного груза — сына.

Минька сидел, уткнувшись лицом в стол, в новой куртке, такая во всем поселке только у одного Левки Гайзера. У Минькиной матери на глазах невылившиеся слезы, а у Миньки... не видно. Разговоры о счастье.

На круглом торте оплывали тонкие свечи — тринадцать свечей, тринадцать лет.

* *

Отец Дюшки — его побаиваются, его уважают, в нем постоянно нуждаются, все время его ищут: «Был здесь, куда-то ушел». Он заседает, он командует, перебрасывает, ремонтирует, ругается, хвалит, отчаивается, обещает надбавки — Федор Тягунов-старший, человек, распахнутый для всех.

Отец Миньки никем не командует, ничем не распоряжается, больше беседует сам с собой, чем с другими, он и всегда-то пришиблен, а сейчас — лицо серое, глаза красные, в расстегнутом вороте рубашки видна выпирающая ключица, хрящевато тонкая, жалкая, по ней видно, какой он весь ломкий, жидко склеенный, особенно рядом с ширококостным, плотно сбитым Дюшкиным отцом.

Никита Богатов не сразу согласился идти с Дюшкой. Дюшка его застал в пальто, сгорбившимся за столом. Он с трудом оторвал от пустого стола взгляд, уставился красными глазами на Дюшку, долго не понимал, чего от него хотят, наконец понял, спросил:

— Зачем?

Дюшке было трудно объяснить, зачем он зовет его к себе.

— Папа просит... попить чаю.

Никита Богатов глядел на Дюшку, помигивал красными веками, наконец тихо продекламировал:

В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним оба...

И вдруг передернулся лицом, плечами, словно проснулся, заговорил, захлебываясь:

— Не слушай меня, мальчик. Я клоун, я паяц! Я живу чужими мыслями, чужими словами. Живу невпопад. Меня не стоит жалеть.

— Мама спасет Миньку, мама обязательно спасет! Она кровь свою дала.

Минькин отец заволновался:

— Да, да, меня зовут. Меня не часто зовут, а я по привычке паясничаю, строю из себя непонятого гения.

— Идемте

— Да, да .. Я благодарен. Не помню, когда меня звали к себе.

И вот отец Миньки сидит напротив Дюшкиного отца. Дюшка вместе с ними за столом.

Дюшкин отец косится на горбящегося Никиту Богатова с опаской, начинает с неуклюжей осторожностью:

— Странная ты личность, Никита. Я не говорю, плохая — странная.

— Не стоит со мной церемониться, Федор Андреевич.

— Церемониться не собираюсь, но и зря обижать не хочу. Кто ты? Для меня загадка. Образован, начитан, умен ведь, а поставить себя в жизни не сумел. Пружины в тебе какой нет, что ли?

— Пружина есть .. То есть была пружина, но шальная, которая заводит не силы, не энергию, а самомнительность.

— Самомнительные-то обычно выбиваются выше, чем им следует, а ты, прости уж, сколько тебя знаю, камешком ко дну идешь. В областной газете работал — бросил. Почему?

— Из-за самомнительности.

— Гм ..

— Мне же «угль, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинут», мне свыше предначертано «глаголом жечь сердца людей». Надо жить в гуще простого народа, черпать от него вдохновение. Я убедил жену, я забрал свои тетради, заполненные рифмованной пачкотней, и появился у вас в Куделине. А дальше?.. Дальше вы и сами видели. На сплаве выкатывать бревна слаб, сунулся в контору... Камушком ко дну. Хотя нет, барахтался и пачкал бумагу, рифмовал, заведенная пружина действовала: «Глаголом жги сердца людей». Я любил чужие глаголы и рассчитывал: кто-то полюбит мои, боялся признаться себе — мои глаголы сыры, серы, стерты, любить не за что.

Богатов говорил мечущимся, срывающимся голосом, при каждом признании весь передергивался от отвращения к себе. Дюшкин отец слушал его с откровенным недоумением, почти с испугом.

— А может, все-таки... — произнес он неуверенно.

Никита Богатов перебил его кашляющим смешком:

— Вот-вот, а может, все-таки я талант. Я... я убаюкивал себя этими словами много лет. И себя, и жену... Камушком ко дну. Но если б я только один камушком, но и ее, и сына... Они же связаны со мной. Я любил ее: складки ее платья, движение ее бровей, звук ее шагов, ее улыбку, ее усталость! Весь мир несносен, единственная радость — она. Радость и боль! И ее я топил!..

Дюшкин отец крякнул и почему-то виновато глянул на Дюшку, а Никита Богатов продолжал мечущимся голосом:

— И рассчитывал на чудо — меня вдруг признают, ко мне придут слава, почет, деньги. Все положу к ее ногам. Писал в последнее время только о ней, только ее славил — сонеты, элегии, письма в стихах. И надоел, надоел ей до тошноты. Она-то давно открыла, что я за глагольщик. И неприязнь ко мне, сперва спрятанная, потом откровенная, наконец воинственная. А у нее появляется мания: идефикс — побывать раз в жизни на юге, увидеть море...

— Дадим путевку! — вскинулся Дюшкин отец, наконец-то почувствовавший, что чем-то может помочь.

Богатов отмахнулся вялой, бескостной рукой, голос осел, перестал метаться — глухой, тусклый:

— Вчера... с Минькой... Меня словно молнией шарахнуло, очнулся: прячусь от правды — бездарь, ничтожество, эдакий литературный наркоман... Хватит! Хватит!

— Что — хватит? — подобрался Дюшкин отец.

— Хватит тянуть камнем.

— Это верно.

— Пора освободить их от себя.

— То есть, как это — освободить?

— Не все ли равно — как.

Дюшкин отец навалился грудью на стол, звякнули чашки:

— Опять?! — с придыханием.

— Что — опять, Федор Андреевич?

— По-новому угорел. Тогда — к вершинам славы, а теперь — в пропасть вниз головой. А может, в середке зацепишься, с головы на ноги встанешь, по ровной земле походишь?

— Ходить по земле, надоедать людям своей особой, уверять себя, что исправлюсь?.. Э-э. Федор Андреевич, зачем же тянуть сказку про белого бычка?

— Испакостил бабе жизнь и бросаешь, а еще — складки платья, усталость даже... И не просто, а с форсом — мол, вот я какой самоотверженный, вниз головой, помните и страдайте. А так и будет — станут помнить, станут страдать! Сукин ты сын, Никита!

Никита Богатов беспокойно задвигался, казалось, стал что-то искать вокруг себя:

— На что?.. На что я способен? Только на это. Ни на что другое!

— Эт-то, друг, мы еще посмотрим. Виноваты — мимо глядели. Увидели, теперь возьмемся. Я возьмусь! Я из тебя человека сделаю!

И Дюшка насторожился. Он сидел, молчал, слушал, внимательно слушал. Последние слова отца — «человека сделаю» — напомнили ему слова матери: «Наш отец любит ковать счастье несчастным на их головах. Не заметит, как человека в землю вобьет от усердия». Как бы нечаянно отец не вбил в землю Минькиного отца.

— К делу тебя приспособлю. Наше дело грубое, древесное, славы не отваливает, зато жить дает. Я тебя суну туда, где некогда будет в мечтаниях парить, — шевелись давай! Я и с женой по-крупному поговорю...

— Только не это, Федор Андреевич!

— Молчи уж! Право слова потерял!

— Не трогайте ее, Федор Андреевич!

— Не бойсь, плохого не сделаю!

— Папа! — подал голос Дюшка.

— Э-э, да ты тут! Ты еще не спишь?

— Пап! Тебя просят — не делай!

— А ну спать! Здесь разговоры взрослые, не твоего ума дело!

— Я лягу, пап, только слушай, когда просят. Ты и с мамкой так — она просит, ты не слышишь.

— Ты — что? Просит — не слышу. Не приснилось ли?

— А помнишь, мамка жаловалась, что ты ей всего-навсего один раз цветы подарил?.. Это же она просила... А ты не понял.

Негодование — вот-вот взорвется! — затем досада, остывающее недовольство, наконец смущение — радугой по отцовскому лицу.

— Ладно, Дюшка, ложись. Мы тут без тебя решим, — сказал отец.

Дюшка поднялся, подошел к Богатову:

— Если Миньке еще кровь нужна будет, тогда я дам.

— Хороший у вас сын, Федор Андреевич.

— Минька лучше меня, — убежденно возразил Дюшка.

Раздеваясь в соседней комнате, Дюшка видел в раскрытую дверь, как его отец сел напротив Богатова, положил ему на колено руку, заговорил без напора, деловито:

— Мне крановщики нужны. Работа не простая, но платят прилично. Учиться тебя пошлю на курсы: три месяца — и лезь в будку. А то ходишь, шаришь, себя ищешь...

Отец все-таки хотел сделать несчастного Никиту Богатова счастливым — сразу, с ходу, не сходя с места.

Дюшка еще не успел уснуть, когда отец, проводив гостя, подошел, склонился, зашептал:

— Слушай: мне сейчас нужно уехать. Сейчас, не откладывая! Спи, значит, один. А я утречком постараюсь поспеть до прихода матери.

* *

Но мать пришла раньше.

Дюшка проснулся оттого, что услышал в соседней комнате ее тихие шаги, ежеутренние, уютные, шаги, опрокидывающие назад время, заставляющие Дюшку чувствовать себя совсем, совсем маленьким.

Он выскользнул из-под одеяла:

— Мама!

Мать еще не сняла кофты, ходила вокруг стола, неприбранного после вчерашнего чаепития двух отцов и Дюшки.

— Мама! Как?..

У матери бледное и томное лицо — обычное, какое всегда бывает после ночных дежурств. Не видно по нему, что она отдала свою кровь.

— Как, мама?

— Все хорошо, сынок. Опасности нет.

— А была опасность?

— Была.

— Очень большая?

— Бывает и больше... Где отец?

— Он уехал, мам. Еще вечером.

— Куда это?

— Не знаю.

Мать постояла, глядя в окно на большой кран, произнесла:

— Опять у него какую-то запань прорвало.

— Не говорил, мам. Не прорвало.

Мать загляделась на большой кран.

— Тебе нравится, когда тебя хвалят? — спросила она.

— Да, мам

— Мне тоже, Дюшка... Почему-то мне хотелось, чтоб он сегодня похвалил меня... И погладил по голове.

— Ты же не маленькая, мам.

— Иногда хочется быть маленькой, Дюшка, хоть на минутку.

Пришла Климовна, гладко причесанная, конфетно пахнущая земляничным мылом, принялась охать и ахать насчет Саньки:

— Не хочет собачья нога на блюде лежать, так под лавкой наваляется.

О Миньке на этот раз она ничего плохого не сказала, ушла на кухню, деловито загремела посудой.

По улице зарычали первые лесовозы. День начинался, а отца все не было. Мать ходила из комнаты в комнату, не снимая с себя рабочей кофты.

Дюшка думал о ее словах: хочется быть маленькой и чтоб отец погладил ее по голове... Думал и смотрел в окно, ждал отца, который так нужен сейчас матери. Климовна собирала на стол завтрак, и Дюшке пришлось оторваться от окна.

Отец вырос на пороге с каким-то газетным пакетом, который бережно держал перед собой обеими руками. Он улыбался так широко, радостно, что заулыбался и Дюшка.

— Вот! Держи! — отец шагнул к матери и опустил на ее руки невесомый пакет.

Мать заглянула под бумагу — и порозовела.

— Откуда?

А отец светился, притопывал на месте, глядел победно.

— Откуда?..

— Ладно уж, похвастаюсь: ночью в город сгонял на катере...

До города по реке было никак не меньше ста километров, не удивительно, что отец опоздал.

— Мам, что там?

Она осторожно освободила от мятой газеты букет — нервно вздрагивающие цветы, белые с узорной сердцевинкой. И Дюшка сразу понял — нарциссы! Хотя ни разу в жизни их не видел. Нарциссы не росли в поселке Куделино, а когда отец дарил их матери, Дюшки не было еще на свете.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Б. М. РУНИНУ — 60 лет

В связи с шестидесятилетием Бориса Михайловича Рунина секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по критике и литературоведению направили юбиляру поздравление, в котором говорится:

«По случаю Вашего шестидесятилетия шлем Вам самые сердечные поздравления. Много и плодотворно трудитесь Вы в области критики и литературоведения, выступая по актуальным вопросам литературы и искусства. Сфера Ваших интересов широка и разнообразна: проблемы современной поэзии, детская литература, взаимодействие искусства и науки. Немало сил отдаете Вы пропаганде советской многонациональной литературы, выступая в качестве переводчика, а также принимая участие в работе общественных советов по литературам народов СССР, способствуя их взаимодействию и взаимообогащению. Желаем Вам, уважаемый Борис Михайлович, здоровья, радостей жизни, новых творческих успехов».

Поздравил юбиляра также и секретариат правления Союза писателей РСФСР.

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

После опубликования «Литературной газетой» сообщения о моей юбилейной дате я получил много поздравлений.

Разрешите через вашу газету выразить сердечную благодарность всем, поздравившим меня с семидесятилетием.

Анд. УСПЕНСКИЙ

МОСКВА

МАГАЗИН № 124 «КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ» ПРЕДЛАГАЕТ:

Немецко-русский школьно-педагогический словарь. Сост. Н. А. Вулах. 13 тыс. слов. «Советская энциклопедия». 1972. Ц. 1 р. 41 к.

Русско-итальянский словарь. Сост. Н. А. Скворцова. 55 тыс. слов. «Советская энциклопедия». 1972. Ц. 5 р. 22 к.

Русско-турецкий словарь. Сост. Э. Э. Мустафаев и В. Г. Щербинин. 50 тыс. слов. «Советская энциклопедия». 1972. Ц. 4 р. 20 к.

Французско-русский политехнический словарь. «Советская энциклопедия». 1070. Ц. 4 р.

Адрес магазина: Москва 299, ул. Космонавта Волкова, 19, магазин № 124.

КИНО

СЦЕНАРИСТ, РЕЖИССЕР, АКТЕР

■

ЗАМЕТКИ КРИТИКА С МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ

■

«ИЛЛЮМИНАЦИЯ»: ЭКСПЕРИМЕНТ НА ЭКРАНЕ

Л. ПОГОЖЕВА

ТРИ МУЗЫ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

В новом фильме «Печки-лавочки» и сценарий, и режиссура, и образ главного героя принадлежат Василию Шукшину.

На первый взгляд, в фильме ничего особенного не происходит. Сюжет фильма прост и даже, я бы сказала, наивен. Но когда в финале картины герой, сидящий на пустынном, бескрайнем поле, говорит прямо зрителю: «Вот и все... ребята...» — мы почувствуем сожаление и грусть от расставания с интересным, своеобразным человеком...

Прекрасную землю воспевает в своих рассказах, сценариях и романах писатель Василий Шукшин. Герои его произведений — где бы они ни жили, кем бы ни работали — как самое дорогое хранят в своей памяти, в сердце своем милый образ родного русского села. В рассказе «И разыгрались же кони в поле» студент Минька, обучающийся в Москве на артиста, до боли в сердце затосковал по дому после приезда отца: «Охота стало домой. Захотелось хлебнуть грудью степного полынного ветра... Притихнуть бы на теплом косогоре и задуматься».

В другом рассказе «Чудик» герой только тогда и почувствовал себя счастливым человеком, когда вернулся домой. Он «приехал, когда шел рясный парной дождик. Чудик вышел из автобуса, снял новые ботинки, побежал по теплой мокрой земле — в одной руке чемодан, в другой — ботинки. Подпрыгивал и громко пел...» Чудик, Минька, Спирька из рассказа «Сураз». Это все как бы варианты одного и того же исследуемого писателем характера.

Этот характер больше всего интересует Шукшина — писателя, актера, режиссера. Вглядевшись пристальнее в шукшинских героев, легко понять, что автора привлекают люди особого, поэтического склада, мечтатели, которых обычно называют «чудаками», или «чудиками». Называют так потому, что не всякий может понять их добрую душу, оценить поэтический строй их нравственного мира.

Шукшин-актер многое почерпнул во ВГИКе у режиссера Сергея Герасимова. И остался ему близок и сегодня. Иной раз прямо-таки слышатся знакомые герасимовские интонации с экрана, когда Шукшин играет свои роли. Однако это не подражание, а органическое сходство вкусов и пристрастий в искусстве, обоюдная неприязнь к любой напыщенности. Но Шукшин-писатель не похож ни на кого другого. Фильмов Шукшин поставил еще немного. И не все они, честно говоря, одинаково хороши и точны по режиссуре... Но в каждом из них мы встречаем примечательных героев — людей с яркими, определенными характерами.

Когда мы говорим: фильм режиссера такого-то, мы обычно делаем натяжку, ведь кино, как известно, — искусство синтетическое и вдобавок коллективное... Но вот о фильмах «Живет такой парень», «Ваш сын и брат», «Странные люди», «Печки-лавочки» сказать: это фильмы Василия Шукшина — вполне справедливо. И дело не только в том, что Шукшин — и режиссер, и автор сценариев. Дело в другом, в том, что в каждом кадре его картин можно «увидеть» лицо автора.

Такое ясное, отчетливое авторское начало, придающее фильмам ярко выраженную индивидуальность, встречается не так уж часто. И оно тем более примечательно, что сказывается не в излюбленном приеме, не в особенностях стиля, не в повторяющихся отобранных деталях, а в разработке одного и того же человеческого типа, в защите одной и той же мысли, глубоко продуманной и важной для автора.

Вспомним фильм «Два Федора», поставленный М. Хуциевым. В нем Шукшин сыграл роль солдата, вернувшегося с фронта и усыновившего мальчишку сироту. Уже в этом образе, написанном талантливым драматургом В. Савченко, выразилась типичная, близкая для Шукшина мысль: нужно быть добрым человеком, доброта — это великая сила! Не сентиментальность, не сюсюканье, а настоящая доброта, выражающаяся не в словах, а в поступках, в желании помочь, защитить слабого!

Ситуация фильма, в котором действовали взрослый и ребенок, была для Шукшина самой удобной, самой точной для выражения важной и дорогой ему идеи. Образ Федора в исполнении Шукшина был не плоским, не картонным, а трехмерным, живым!

Много ролей сыграно Василием Шукшиным. Ролей больших и малых. Когда даже в коротком эпизоде Шукшин появляется на экране, возникает атмосфера доверия к тому, что показывают авторы. Одной из лучших ролей Шукшина явилась роль инженера-строителя Черных в фильме С. Герасимова «У озера». В создаваемом на экране образе Шукшин сумел раскрыть душевное богатство своего героя. Его недюжинный ум, деловитость и неистребимую сердечность. Его мальчишескую незащищенность перед неожиданной любовью к девушке Лене.

И, как всегда, краски, которыми пользуется Шукшин, — это краски, почерпнутые из самой жизни.

В фильме «Живет такой парень», где Шукшин выступил как режиссер и сценарист, сюжет построен как цепь новелл, рассказывающих о жизни славного, веселого, сердечного паренька — шофера Паши Колокольникова, роль которого играет шукшинского плана актер Л. Куравлев. Особенно удачной новеллой в фильме является та, где Паша задумывает поженить двух пожилых, одиноких людей. Паша вмешивается в чужую жизнь из самых добрых побуждений. Ему хочется, чтобы все кругом были счастливы, чтобы никто не страдал от одиночества! Ну почему бы не поженить хорошего, уставшего от одиночества человека на отличной немолодой женщине, доброй хозяйке? Паша в качестве свата не очень-то считается с тем, что творится в душах тех, кого он задумал поженить. Радость, проснувшаяся надежда на личное счастье мешаются у них с чувством неловкости, неуверенностью, страхом...

Новелла завершается как бы многоточием, но можно догадаться, что правда Паши победит и счастье воцарится в новой семье. Счастье. Доброта. Это и есть главная тема режиссера и сценариста Шукшина. В двух других новеллах, входящих в фильм «Живет такой парень», снова перед нами Куравлев в образе неугомонного шофера Паши — он выкрадывает невесту для другого, приводит девушку к ее жениху: любите, мол, друг друга, не ссорьтесь. А самому Паше грустно — ведь ему приглянулась эта чужая невеста!

Третья новелла рисует героический эпизод из Пашиной жизни: рискуя сгореть, он предотвращает пожар. Действует просто, естественно, без всякой позы. Чудом остается в живых.

Никто в искусстве не начинает «от нуля». Легко можно установить устойчивую традицию в русской литературе, в русле которой развивается творчество Шукшина. Так крепкими нитями связано творчество Шукшина с поэзией А. Твардовского, с очерковой прозой, расцветшей со второй половины пятидесятых годов... Я уже писала об органической близости манеры Шукшина к кинематографической школе С. А. Герасимова.

Однако при всем этом богатом родстве есть у Шукшина свой «секрет», нечто оригинальное, свое, известное только ему. На деревенскую жизнь, на своих героев он смотрит как бы «изнутри», на первый взгляд, ничем не отделяя себя от своих «чудиков». Он одновременно и серьезен, но и не прочь пошутить, рассказывая с добрым юмором, как живут сегодня его любимые деревенские поэты и философы!

Вероятно, мы вправе ждать от Шукшина более пристального внимания и к другим людям современной, социалистической деревни, к авангарду нашего колхозного крестьянства. Справедливо говорит режиссеру критика и о необходимости большей требовательности к своему искусству, к себе, столь же тщательной работы над кадром, как над словом.

Но, вглядевшись вместе с ним в новую, счастливую жизнь деревни, в извечную красоту русской природы, в неспокойную талантливость народа, начинаешь глубже понимать необходимость каждодневных сражений за утверждение коммунистических норм морали, за победу над бескрылым мещанством, за то, чтобы расцветали таланты людей добрых и чутких к красоте.

ВЕНЕЦИЯ: «МЕХАНИЧЕСКИЙ АПЕЛЬСИН» И ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК

Б. ГАЛАНОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Тридцать третий Международный венецианский кинофестиваль закончился торжественной церемонией: в красивейшем старинном венецианском театре «Ла Фениче» вручались крылатые львы актерам и режиссерам, чьи фильмы были представлены в программе. Особых почестей за личные заслуги в истории мирового киноискусства удостоились Чарли Чаплин и замечательный советский кинооператор Анатолий Головня, друг и бессменный соратник Всеволода Пудовкина. Кстати говоря, в знак уважения к таланту Пудовкина не только режиссера, но и выдающегося теоретика кино его имя в дни фестиваля было присвоено секции теории и эстетики венецианской кинобиблиотеки.

О памятных страницах истории мирового киноискусства в Венеции напоминали не только имена Чаплина и Эйзенштейна (выставка рисунков Эйзенштейна была развернута в фойе Дворца кино), Пудовкина и Головни, но и ретроспектива фильмов «Весь Чаплин». С ней связывается впечатление, едва ли не самое неожиданное среди множества других, которыми были насыщены 14 фестивальных дней. По-видимому, и сами организаторы фестиваля не предполагали, что в числа ревностных его посетителей окажутся дети. А между тем ежедневно в пять часов дня, к началу ретроспективы чаплинских фильмов, Дворец кино до отказа заполнялся детьми. Сам Чаплин уже очень стар. Наверное, у многих сжалось сердце, когда его, ослепленного ярким светом прожекторов, бережно вывели под руки на сцену театра «Ла Фениче». Но чаплинские фильмы по-прежнему молоды, сердечны и заразительно веселы.

А в один из вечеров мы увидели английский фильм режиссера Стенли Кубрика «Механический апельсин», где знаменитый чаплинский котелок украшал не грустного маленького человечка с тросточкой, а банду подростков, которые, готовясь к очередным ночным «проказам», пили в молочном баре «Корова» молоко, разбавленное доброй порцией наркотиков. И шутовские, клоунские маски, которые они напяливали на себя, бесцеремонно врываясь в чужие дома, возбуждали страх. Алекс и трое его друзей кажутся видениями из каких-то странных, болезненных снов. Снов наяву, потому что у нас нет оснований усомниться в реальности персонажей фильма и совершаемых ими диких поступков. Да, Кубрик сделал жестокий фильм, провоцирующий зрителя, возбуждающий чувство отвращения, неприязни. Многое вызывает желание спорить с автором, но бесспорно одно — фильм Кубрика, в лучших своих сценах поднимающийся до острой социальной сатиры, выразил многие пороки современного буржуазного общества: рост насилия в среде молодежи, наркомании и эротики.

И как бы продолжением все той же «эпопеи гнусного дикаря» на фестивале стала документальная лента американца Лоуренса Меррика «Мэнсон, воскресившая события недавнего прошлого: зверское убийство бандой хиппи молодой американской киноактрисы Шарон Тейт и ее друзей. Но Меррика меньше всего занимали подробности кровавого преступления. Он стремился воссоздать ту социальную атмосферу, которая делает их возможными. Если к 14 годам участницы банды Мэнсона Сюзан Аткинс или Линда Кассабиан уже успели посмотреть по телевизору 1 400 сцен убийств, стоит ли удивляться циничным заявлениям, что выстрел из ружья им дороже поцелуя?!

В социальной сатире Кубрика государство, озабоченное ростом насилия и убийств, решает испробовать новое медицинское средство, предназначенное для промывания мозгов преступникам. И Алекс, уже успевший к этому времени угодить в тюрьму, избирается для проведения опыта. Исцеленный от своих порочных наклонностей, Алекс уже не сможет совершать преступления. А что нового он приобрел? На ярко освещенной сцене демонстрируется результат медицинского эксперимента: Алекс, жестоко избитый санитарами, лижет сапоги своих мучителей. И это отвратительно, как и зрелище насилий, которые еще недавно он совершал. А главное — что вокруг изменилось к лучшему? Алекс исцелен. Но его бывшие дружки, сохранившие свои порочные наклонности, служат в полиции...

Мэнсон упрятан за решетку. Но режиссер Лоуренс Меррик, записывая на улице короткие интервью с прохожими, слышал ведь не только слова осуждения, но и оправдания банды Мэнсона...

Я выбрал два фильма из числа многих, демонстрировавшихся на Венецианском фестивале, потому что в них, на мой взгляд, отчетливо отразились те жгучие социальные проблемы, которых по-разному касается современный западный кинематограф. Для одних это источник серьезных размышлений. Для дельцов от искусства — источник наживы, бизнеса, смакования всевозможных жестокостей и сексуального сюжета. Когда-то на заре развития кинематографа был сделан фильм «Поцелуй Мэй Ирвин и Джона Райса», название которого сохранилось в истории кино, потому что это был один из первых случаев применения крупного плана. Не в те баснословные времена за троекратное изображение поцелуя, к тому же «в увеличенных пропорциях», один бостонский журнал потребовал вмешательства полиции.

Многое изменилось с той поры, когда изображение поцелуя крупным планом объявлялось в кино нескромным. Ныне постановщики скандально-жестокого сенсфильмов с серьезным видом утверждают, что быть обнаженным — это значит быть искренним и что раскрепощению молодого человека содействует «свободная циркуляция сексуальных идей и образов». Такую теорию исповедовали, в частности, и пять девиц из глупенького итальянского фильма «Подружки: пойдем на праздник», демонстрировавшегося в одной из программ фестиваля. Однако справедливости ради надо сказать, что интерес к сексуальным фильмам заметно поубавился.

Какие же фестивальные фильмы запомнились больше других? Те, в которых глубина и серьезность замысла соединились с сдержанностью выразительных средств. Запомнилась не декадентская «Саломея» итальянца Кармело Бене, где сюжет стал лишь поводом для крикливой, ломящей глаз игры красок, независимо от того, что изображалось на экране — пир Ирода, любовные вакханалии или сдирание кожи с живого человека, а запомнились простые и в то же время по-человечески сложные истории жизни, рассказанные, например, в трех английских фильмах — «Дикий спаситель» режиссера Кена Рассела, «Дочь старьевщика» Гарольда Бекера и «Сделано» («Made») Джона Маккензи. При всей непохожести эти фильмы объединяют серьезность взгляда, оценивающего, грустного, задумчивого, умение показать в противоборстве поэзию и прозу жизни. Вот молодая телефонистка Валери из фильма «Made». До сих пор судьба ее не баловала. Случайная связь с мужчиной. Ребенок, которого ей предстоит воспитать. Но Валери еще молода и надеется, что счастье не минет ее. Она встречает длинноволосого Майка, модного певца, идола толпы, и увлекается им. Однако Майк исповедует теорию свободной любви. Они дали друг другу несколько мгновений счастья, и этого достаточно. А жизнь уже призывает Валери к расплате, даже за краткие минуты радости. Погибает ребенок, затертый яростной толпой футбольных болельщиков, затеявших уличную драку. На больничной койке умирает мать Валери. Остается Майк. Но песня, которую она слышит однажды по радио о ней, о ее любви, убеждает Валери, что все ее чувства к Майку, вся печальная ее жизнь стали для него лишь сюжетом модной песенки. «Made» — сделано, растоптано, отброшено жизнью, обществом, равнодушием и эгоизмом людей, обрекающих Валери на одиночество, — таков грустный финал этой истории.

В ряду фильмов, привлекающих интерес и внимание, хочется также назвать фильм итальянского режиссера Карло Туцци «Все воскресенья по утрам». Действие его развертывается в Швейцарии, где, по официальной статистике, сейчас работает более полумиллиона итальянцев. О том, как нелегко им жить на чужбине, как драматически трудно складываются отношения в быту и на производстве, авторы рассказывают с глубоким душевным волнением, подмечая множество тонких психологических деталей, которыми всегда было сильно итальянское кино. И еще один горький фильм, «Эмигранты», — на этот раз о греках, заброшенных в Швецию, — представил шведский режиссер Юхан Бергстрапе.

Но вот одна особенность этих, и, пожалуй, не только этих фильмов. Их герои, как правило, замкнуты в кругу личных интересов, не ставят перед собой слишком больших задач, хотя за частными судьбами Валери или греческого юноши Стелиоса всегда открывается общественная, социальная проблематика. Исключение, пожалуй, составляет молодой скульптор Анри Готье из фильма «Дикий спаситель», человек мятежного таланта, который упорно и вдохновенно прокладывает новые пути в искусстве. А еще кто? Калифорнийский адвокат Билл Мак-Кей, выставляющий свою кандидатуру в сенат Соединенных Штатов? Режиссер фильма «Кандидат» Майкл Ритчи с большим знанием дела и большой долей сарказма показал в кино, как делаются кандидаты. Сложная механика предвыборной борьбы, в сущности, и составляет сюжет фильма. В борьбе за сенаторское кресло Мак-Кей проявляет недюжинные способности, энергию. И он одерживает победу над изощренным противником. Но знает ли он, что делать дальше? Вопрос повисает в воздухе.

Так, может быть, на Венецианском фестивале и не оказалось героя в самом высоком значении этого слова — борца за идеалы, за лучшее будущее, за судьбы людей, а не только за личные свои судьбы? Такого героя мы увидели, например, в фильме бразильского режиссера Жоакима Педру ди Андриади «Заговор», воскрешающего события XVII века, эпоху борьбы бразильцев против португальского владычества, но прямо вторгающегося в жизнь сегодняшней Бразилии. И в индийском фильме «Калькутта 71» режиссера Мринала Сен перед нами возник образ 20-летнего индуса, который совершает воображаемое путешествие во времени. Но это путешествие предпринято на праздным соглядатаем, а человеком с пылким сердцем. И так же, как в бразильском фильме, герой «Калькутты» будет бескомпромиссно осуждать равнодушие, соглашательство, будет высмеивать интеллектуалов, которые разглагольствуют о бедах народа, ничуть не смущаясь тем, что стол, за которым они сидят, ломится от еды, а на стене висит фотография женщины, склонившейся над умирающим от голода сыном. Наверное, в другом фильме такая прямая параллель показалась бы наивной, но в этом фильме, где драматические и публицистические эпизоды дополняют друг друга, она прозвучала сильно и убедительно.

В заключение мне хочется рассказать об участии в Венецианском фестивале советского киноискусства. На этот раз оно было представлено тремя фильмами режиссеров Станислава Ростоцкого «А зори здесь тихие...», Ларисы Шепитько «Ты и я», Ходжакули Нарлиева «Невестка». Присутствие на фестивале советского киноискусства обогатило экран венецианского Дворца кино новыми, яркими красками. Мне довелось читать и слышать немало доброжелательных отзывов о фильмах Л. Шепитько и Х. Нарлиева. Многим эти фильмы помогали продолжить знакомство с миром социализма — с его людьми, с их нравственным обликом, с проблемами, занимающими советскую молодежь. И это было также началом знакомства с новыми кинематографическими именами, которые участники фестиваля заметили и запомнили.

О фильме Станислава Ростоцкого, снятом по одноименной повести Бориса Васильева и демонстрировавшемся в основной программе «Венеция-33», еще будут писать подробно. Здесь хотелось бы отметить то главное, что, быть может, особенно бросается в глаза, когда, по контрасту, задумываешься о героях современного западного фильма. Сколько их промелькнуло перед нашими глазами за 14 фестивальных дней — героев и антигероев буржуазного кино! Ведь даже девиц из банды сатаны Мэнсона кое-кто считает своими идолами. Да и они сами, чтобы сохранить репутацию «стреляющих женщин», в тюремной камере кокетливо позировали с автоматами, которые «для колорита» вручил им режиссер фильма.

И вот девушки-зенитчицы из фильма Ростоцкого, которых в горестном сорок первом тяжкая необходимость заставила взять в руки оружие. Но в суровой, фронтовой обстановке они сумели сохранить возвышенный строй души, верность благородным принципам, воспитанным в них всем советским строем жизни. Газета «Corriere della Sera» озаглавила рецензию на этот фильм «Советские солдатки — от веселого к трагическому». И режиссеру, действительно, удалось передать на экране переходы от веселого, юношески непосредственного, рабячески задиристого в характере своих героинь к суровому солдатскому мужеству, когда они с честью, как воины, встречают смерть. В этой живой смене красок заключена огромная человеческая привлекательность пяти девушек-зенитчиц и старшины Васкова. А та высокая цель, во имя которой они идут на смертный бой, внушает чувство безмерного восхищения, которое не столь уж часто доводилось испытывать зрителям Дворца кино.

В пестром венецианском калейдоскопе далеко не все фильмы отвечали высоким требованиям международного киносмотра. Был, например, фильм югославского режиссера Александра Петровича «Мастер и Маргарита», тусклое переложение романа М. Булгакова, был странный декадентский фильм «Сегодня ночью или никогда» швейцарца Даниэля Шмида...

В то же время полнее, интереснее была представлена на этот раз молодая кинематография развивающихся стран. Вместе с другими социалистическими странами к участию в фестивале была приглашена и показала несколько новых фильмов Германская Демократическая Республика. Расширилась не только география фестиваля — расширилась панорама сегодняшнего киномира.

«А зори здесь тихие...»

«Механический апельсин»

«Все воскресенья по утрам»

Кшиштоф ЗАНУССИ:

СНОВА О ФИЗИКАХ...

Год назад, накануне выхода на польский экран двух последних фильмов режиссера Кшиштофа Занусси «Семейная жизнь» и «За стеной», мы рассказывали о его творчестве на страницах «ЛГ». Год принес успех и у зрителей, и у критиков, и у жюри многочисленных фестивалей. Доверие зрителя обязывает, и потому в новой картине режиссер приступал с особенным волнением.

В пустой летней Варшаве Кшиштоф Занусси заканчивает фильм «Иллюминация». Физика — первая любовь режиссера — не отпускает его. В центре картины снова физик, фильм — о становлении характера молодого человека, о путях познания мира и самого себя.

Героя прежних картин Занусси жили в общем-то изолированно, в стороне от шума и суеты, вне тесных людских общений. Выводы же своих героев режиссер проецирует на жизнь каждого из зрителей.

Действие «Иллюминации» происходит на широком фоне общественной жизни. Иллюминация — термин средневековой философии — будет читаться в контексте фильма как озарение, как путь человеческого разума к свету знания.

В той самой аудитории физического института на улице Хожа, где начинал студент-физик Занусси, негромко беседуют люди, непохожие на актеров, да и обстановка «несъемочная», но время от времени слышно спокойное, тихим голосом режиссера произнесенное: «Мотор».

— Действительно, актеров здесь нет, — поясняет Занусси, — но присмотритесь к участникам эпизода — эти молодые ученые уже сказали свое слово в физике, другие — обязательно скажут...

Новый фильм во многом неожидан для самого автора. Он выбрал конструкцию картины и людей — плоть их вместе с их профессией, взглядами — и они раскрываются на экране. Судить об успехе такого эксперимента — зрителю.

Я видела, как юноши и девушки смотрели материал своих проб на главные роли — Франтишека и Малгожаты. Исполнителям была задана ситуация — и мысли, и слова, и действия надо было находить самим.

— Почему вы пришли? Хотелось попасть в кинофильм?

— Оказалось интересно поспорить, — отвечает юноша, — да и задуматься над новыми совсем простыми вещами. А те вдруг 30 лет — как герою в конце фильма, — и ничего не успел...

Спрашиваю второго режиссера — писателя Петра Вонцеховского об одном из претендентов, чье лицо показалось мне значительным.

— Но его еще надо мыслями наполнить, — усмехается Петр.

А выбран был на главную роль не столь эффектный, но «наполненный», думающий Станислав Латалло — режиссер и оператор—дипломник на курсе у Кшиштофа Занусси в Лодзинской киношколе. Некоторые сцены он снимает в качестве второго оператора.

Мы прослеживаем жизнь героя с того дня 1961 года, когда он, окончив школу, выбирает физику. Почему?

— Я должен знать все точно, — отвечает юноша членам экзаменационной комиссии.

На экране — дискуссия молодых физиков на тему «Что дает человеку наука?». Дискуссия настоящая, не кинематографическая, но она найдет свое место в художественном фильме, так же как и разговор об общественной позиции ученого.

Прежде чем приблизиться к мгновениям счастливого озарения, Франтишек не раз будет бродить в лабиринте сомнений.

Мы узнаем страдания первой любви, когда Франтишека бросила любимая им женщина. И как поразила его первая увиденная им смерть: солнечный альпийский луг, все высветленное, очищенное, радостное и — резкий монтажный переход — несут сорвавшегося с горы альпиниста. Мелькает лицо девушки — потом мы узнаем, что Малгожата станет женой Франтишека. Родится сын, будет трудно, придется прервать занятия и уйти на электромеханический завод — надо содержать семью.

Он защитит диссертацию... Франтишек бежит наперегонки с белоголовым сыном через свежую зелень луга. Может быть, правда, истина, как горизонт: когда к ней приближаешься, она удаляется. Тридцать лет, что-то сделано в науке, но сколько еще...

— Я закончу фильм осенью и хочу приехать в Советский Союз, показать его в новосибирском Академгородке, — говорит Кшиштоф Занусси.

— А может, к этому времени я успею снять еще маленький фильм. Знаете, у моих «больших» картин всегда есть «дети» — на 25—30 минут. Иногда ужасно интересно повертеть в руках эти обрезки и сложить из них нечто совершенно непохожее на тот материал, от которого они остались.

Так, в Москве Кшиштоф Занусси показал коротенькую ленту «Роль» — лица исполнителей знакомы нам по его «Семейной жизни». Ян Кречмар играет отца, которого навещает в доме для престарелых его знаменитый сын, он — актер, ему некогда, а вот приехал, старик с гордостью проводит сына по дому. Но как цепок взгляд его ангелоподобного сына (Даниель Ольбрыхский), он схватывает каждое движение отца. Потом на автобусной остановке он копирует старческие подергивания — ему нужно сыграть старика. Горечь стынет в осеннем воздухе.

— Сейчас я придумал и пока тешу себя мыслью о таком небольшом фильме с комментарием. Он будет называться «Гипотеза». Предположим, был когда-то какой-то университетский город, где молодой профессор бился над гениальной гипотезой. Однажды, когда он, погруженный в свои научные мечтания, шел по мостику, в реку падает женщина. Он не кинулся ее спасать. Много лет спустя благополучнейший профессор — его гипотеза подтвердилась — просыпается от ночных кошмаров. И однажды рано утром он бросается с моста в реку. Его вытаскивают рыбаки. Совесть его спокойна... Что-то вроде притчи.

Но главное сейчас — как получится «Иллюминация»?..

Г. ДОЛМАТОВСКАЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

ОТВЕТЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГДР ОТТО ВИНЦЕРА НА ВОПРОСЫ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Специальный корреспондент «Литературной газеты» В. Сырокомский обратился с рядом вопросов к члену ЦК Социалистической единой партии Германии, министру иностранных дел Германской Демократической Республики товарищу Отто Винцеру. Ниже публикуются ответы министра.

ВОПРОС. Крымская встреча руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран подтвердила, что благодаря инициативной политике социалистических государств, конструктивным позициям других заинтересованных стран, деятельности прогрессивной общественности созданы благоприятные условия для начала уже в ближайшее время практической подготовки общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. Какой вклад в подготовку этого совещания вносит Германская Демократическая Республика?

ОТВЕТ. На знаменательной встрече руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран констатировалось, что взаимоотношения между государствами с различным социальным строем изменяются в положительную сторону. Прежде всего это относится к европейскому континенту. Рост мощи и влияния социализма, укрепление единства партий и государств социалистического содружества и их тесное сплочение вокруг КПСС и СССР привели к тому, что политика мирного сосуществования получает всё бо́льшее признание в Европе. В результате создались благоприятные условия для дальнейших конструктивных шагов к обеспечению мира на европейском континенте. Теперь можно и должно перейти к подготовке на самой широкой основе общеевропейского совещания по вопросам безопасности.

В соответствии с принятым VIII съездом СЕПГ курсом европейской политики ГДР, в основу которого положена Программа мира, провозглашенная XXIV съездом КПСС, Германская Демократическая Республика активно участвует в подготовке общеевропейского совещания по вопросам безопасности. Совместно с другими государствами — участниками Варшавского Договора ГДР разработала конструктивные предложения, касающиеся повестки дня общеевропейского совещания по вопросам безопасности; эти предложения встретили широкое признание европейской общественности. Прежде всего сказанное относится к Декларации о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе, принятой Пражским совещанием Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора в январе с. г.

Создавшаяся в результате положительных изменений в Европе политическая обстановка позволяет ГДР активнее включиться в обсуждение проблемы подготовки и проведения европейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества также и с представителями правительств западноевропейских и северных государств. Правда, под давлением НАТО и ФРГ некоторые из этих государств предпочитают еще вести такие переговоры в неофициальном порядке и не информируя о них общественность; однако и там осознание своей суверенности и заинтересованность в длительном мире в Европе берут верх.

Особое значение ГДР придает своим контактам с Финляндией, страной, вызвавшейся быть организатором многостороннего предварительного совещания и предоставившей для его проведения свою территорию. ГДР поддерживает усилия финского правительства, которое стремится достичь договоренности между европейскими государствами о том, чтобы начать 22 ноября 1972 года многостороннее предварительное обсуждение проблем, связанных с созывом общеевропейского совещания по вопросам безопасности. Тем же конструктивным духом был проникнут и состоявшийся недавно в Берлине первый официальный обмен мнениями между представителями министерств иностранных дел ГДР и Швеции, посвященный европейской безопасности.

ГДР готова содействовать обеспечению мире в Европе и внести свой вклад в развитие нормальных равноправных отношений между европейскими государствами в соответствии с задачами общеевропейского совещания по вопросам мира и безопасности. Именно в этом заключается смысл тех усилий, которые она предпринимает, чтобы установить со всеми европейскими государствами нормальные международно-правовые отношения и развивать их к взаимному благу.

ГДР ощущает себя частью широкого движения народов за европейскую безопасность, которое совсем недавно столь убедительно заявило о себе на брюссельском международном форуме, и строит свою политику в соответствии с задачами этого движения. Граждане Германской Демократической Республики, партии и общественные организации страны активно участвуют в этом движении, целью которого является созыв и успешное проведение в близком будущем общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества.

ВОПРОС. Всестороннее, равноправное участие социалистического немецкого государства в международной жизни является одним из непременных условий разрядки напряженности и взаимовыгодного сотрудничества в Европе. Интересы мира и безопасности требуют признания ГДР и установления с ней дипломатических отношений всеми государствами. Как развивается этот процесс в настоящее время?

ОТВЕТ. Интересы безопасности и сотрудничества требуют равноправного участия ГДР в международной жизни и установления другими странами мира нормальных международноправовых отношений с Германской Демократической Республикой. Эта истина стала повсеместно очевидной; все большее число правительств делает отсюда соответствующие выводы для проведения своей политики.

Финское правительство предложило правительствам ГДР и ФРГ начать официальные переговоры об установлении дипломатических отношений. Тем самым Финляндия действует в соответствии с провозглашенным ею принципом нейтралитета, на котором она и строит свою внешнюю политику. Правительство ГДР высоко оценило стремление Финляндии проводить политику нейтралитета и заявило о своей готовности без всяких предварительных условий начать переговоры между полномочными представителями министерств иностранных дел ГДР и Финляндии. Сейчас эти переговоры успешно проходят в деловой и дружественной атмосфере *.

Правительство ФРГ пока не изъявило готовности вести переговоры, предложенные Финляндией; однако оно было вынуждено признать в официальном заявлении, что, ведя с ГДР переговоры о нормализации межгосударственных отношений, Финляндия действует в полном соответствии со своим правом суверенного государства.

Между ГДР и Швейцарией было недавно заключено правительственное соглашение об обмене государственными торговыми миссиями, имеющими функции консульств. Установление государственных отношений между ГДР и Швейцарией — значительный шаг к нормализации отношений между ГДР и западноевропейскими государствами; он способствует смягчению напряженности и развитию сотрудничества между европейскими государствами на основе принципа мирного сосуществования стран с различным социальным строем.

* После того как было получено это интервью, в Берлине были парафированы два соглашения между Финляндской Республикой и ГДР: об установлении дипломатических отношений между обеими странами и о том, что обе стороны будут развивать взаимные отношения на основе суверенного равноправия.

● ОКОНЧАНИЕ НА 14-й СТР.

СЕМЬ ДНЕЙ В СЕНТЯБРЕ...

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЙ

ЕЩЕ ОДНА «КРОВАВАЯ БАНЯ» ТЕЛЬ-АВИВА

«Меньше всего сионистов тревожит проблема человеческой крови, если это не их кровь...»

Американский журналист Моррис Эрнест

На Ближнем Востоке вновь грохочут пушки, рвутся снаряды и авиабомбы, гремят выстрелы. На Ближнем Востоке вновь льется кровь...

Израильская авиация подвергает варварским налетам мирные ливанские, сирийские, иорданские деревни, поселения палестинских беженцев. Убиты уже сотни ни в чем не повинных стариков, женщин, детей. Корреспондент «Нью-Йорк таймс», побывавший в эти дни в ливанском населенном пункте Рафид, рассказывает, что под обломками лишь одного дома погибли мать и семеро ее детей в возрасте от одного года до 15 лет...

И все это официальные израильские лица называют «первым этапом тотального наступления»!

В Тель-Авиве пытаются убедить мир в том, что убийства мирных жителей соседних арабских стран являются, дескать, «логическим следствием» трагического инцидента в Мюнхене. Но, как отметил в своем выступлении на экстренном заседании Совета Безопасности ООН советский представитель Я. А. Малик, ни Сирия, ни Ливан не могут нести ответственность за действия палестинских повстанцев, ставших со своей стороны жертвой продолжающейся израильской агрессии на Ближнем Востоке.

Следует отметить, что нынешние ссылки на мюнхенскую трагедию понадобились израильским руководителям, чтобы прикрыть тот решающий факт, что они уже давно возвели террор по отношению к арабам вообще и к палестинским беженцам в частности в ранг официальной политики. Стоит напомнить в связи с этим хотя бы о нескольких кровавых эпизодах в истории сионизма.

Менее чем за месяц до образования государства Израиль террористическая сионистская группа «Иргун» вырезала 250 арабов — мужчин, женщин, детей — в деревне Деир Яссин. А сразу вслед за этим сионистский идеолог Кестлер заявил: «Кровавая баня, устроенная там, была психологически решающим фактором в массовом уходе арабов из Палестины».

И действительно, в дальнейшем вся политика Тель-Авива была построена на том, чтобы с помощью периодически устраиваемых «кровавых бань» поддерживать тот, с позволения сказать, «психологический климат» террора, который вынудил бы арабов уходить из своих деревень. Ибо Деир Яссин — лишь одна из первых в списке палестинских деревень-мучениц. В этот список можно поставить и другие деревни, судьба которых, как две капли воды, похожа на судьбу уничтоженного гитлеровцами Лидице, — Казаз, Саламех, Сарис, Кастал, Кафр Касем...

Результаты этой террористической политики Тель-Авива выражаются в следующих цифрах. По данным Организации Объединенных Наций, во время арабо-израильской войны 1948—1949 годов, спасаясь от кровавых репрессий, покинули свои дома 900 тысяч арабов. В последующие годы в результате дискриминационных мер и преследований со стороны израильских властей все большее число арабов вытеснялось в соседние арабские страны. На 30 июня 1966 года насчитывалось уже 1 317 749 палестинских беженцев. А израильская агрессия в июне 1967 года привела к увеличению числа беженцев еще на 150 тысяч человек.

В ноябре 1969 года генерал Даян провозгласил доктрину так называемых «массовых репрессий», в соответствии с которой израильские власти стали бросать в тюрьму не только тех, кто лично подозревался в связях с палестинскими партизанами, но и всех, кто просто проживал поблизости от подозреваемых. Теперь, как показывают факты, эта гнусная практика массовых репрессий стала распространяться Тель-Авивом на целые города и даже страны.

Сионистское правительство Голды Меир по-прежнему стремится создать с помощью массового террора тот самый «психологический климат», который четверть века назад Кестлер именовал «решающим фактором в массовом уходе арабов». Поистине все делается в соответствии с формулой одного из самых видных сионистских громил Менахема Бегина, который в свое время так наставлял израильских солдат: «Вы, израэлиты, не должны быть сердобольными, когда убиваете своего врага. Вы не должны сочувствовать ему до тех пор, пока мы не уничтожим так называемую арабскую культуру, на развалинах которой построим свою собственную цивилизацию». Да и разве не сама г-жа Меир откровенно заявляла: «Я не хочу, чтобы израильский народ был мягким и либеральным...»?!

Сейчас мы видим результаты всех этих «теоретизирований» в действии. Мы видим оголтелых террористов за работой. Тель-Авив организует очередную «кровавую баню»...

А. КУРОВ

ФОТО-ОБВИНЕНИЕ

В палаточных резервациях, под палящими лучами солнца, в условиях дикой скученности и антисанитарии вынуждены годами жить жертвы израильского террора — палестинские беженцы. Стакан, а тем более ведро воды здесь всегда проблема: за ними выстраиваются очереди, подобные той, что запечатлена на одном из приводимых снимков. Любые действия арабов на земле, захваченной израильской военщиной, находятся под неусыпным оком оккупантов. Повсюду танки, дула автоматов, штыки...

Взгляните еще раз на снимки лагерей палестинских беженцев. Именно такие лагеря с их измученным населением стали сейчас мишенью варварских бомбардировок израильской авиации. Именно они выбраны для проведения «акций возмездия», как именуют сионистские правители Израиля свои очередные бандитские налеты.

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

Возобновление политической жизни во Франции после традиционных летних каникул ознаменовалось обострением социальных проблем и... вспышкой антикоммунистической пропаганды.

На каком уровне ведется эта пропаганда, можно судить по опубликованной в газете «Насьон» беседе с французским «рабочим», якобы приехавшим из района Камы, где он работал на строительстве завода тяжелых грузовых машин, ведущемся в сотрудничестве с Францией. Этот «рабочий», имени которого газета не называет, утверждает, что его поселили в зоне, выход за пределы которой будто бы был запрещен. В Советском Союзе, говорится далее в этом сочинении, население делится на две категории. С одной стороны, «привилегированный класс, который с детства проходит такой путь: ясли, школа, пионерия, а затем партия», и рядом с ними — «огромное большинство населения, которое от рождения не имело права на такой путь и никогда не будет иметь право не получение партийного билета».

Нелепость этого вымысла, достойного фантазии Тартарена, настолько очевидна, что не требует опровержения. Высмеяв его сочинителей, газета «Юманите» напомнила «Насьон» опубликованное на ее страницах свидетельство президента Помпиду, который после посещения в 1970 году Сибири заявил, что находится под «впечатлением огромных усилий советского населения, делающих честь всему человечеству».

У Советского Союза много друзей во Франции, и они дают отпор антисоветским выходкам реакционной печати. Но и у реакционеров есть адвокаты, и среди них — газета «Монд». Стремясь оправдать журналистов, строящих пасквили на нашу страну, «Монд» обвиняет нас в том, что мы якобы нетерпимы к критике, всегда воспринимаем ее как проявление «антисоветизма, разжигаемого враждебной пропагандой».

Этот софизм может ввести в заблуждение лишь очень наивных людей. Ведь каждому ясно, что такое критика и что такое клевета. Именно клевету, выражающуюся в преднамеренном извращении правды о Советском Союзе, мы называем антисоветизмом, и мы, конечно, будем нетерпимы к нему.

В чем причина этого приступа антикоммунистической истерии? В основе его, как говорится в заявлении Политбюро ФКП, лежат классовые причины, и прежде всего «враждебность крупной капиталистической буржуазии к социализму». Крупная буржуазия, в руках которой находится разветвленная сеть информации, вся эта так называемая «масс медиа», надеется антисоветской шумихой отвлечь внимание трудящихся от борьбы за улучшение жизненных условий, за удовлетворение их справедливых требований.

Ю. БОЧКАРЕВ,
соб. корр. АПН и «Литературной газеты»

ПАРИЖ. (По телефону)

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

СЕНАТОР РОЙ И ДРУГИЕ В НАСТУПЛЕНИИ

Признаться, давненько мы не слыхали столь откровенных заявлений, вроде того, что «коммунисты не отказались от своей цели завоевать весь мир». Кому и зачем в наше время, в обстановке все более развивающихся тенденций к ослаблению напряженности и нормализации межгосударственных связей, потребовалось выпускать провокационную «утку», достойную пера Геббельса и языка Маккарти?

Сделал это филиппинский сенатор Хосе Рой, а внимали ему и наградили аплодисментами за целый ряд заявлений, идущих вразрез с поступательным развитием международных событий, все 350 делегатов ежегодной конференции «всемирной антикоммунистической лиги», состоявшейся недавно в городе Мехико.

Самое смешное заключается в том, что, приписав коммунистам цель, которую те перед собой никогда и не ставили, г-н Рой и его коллеги со своей стороны дружно приняли резолюцию о создании корпуса наемников для «проведения наступательной(!) военной(!!) операции(!!!) на коммунистической территории».

Каков лексикон! Точно разрывы пиротехнических ракет. Заправилы «всемирной антикоммунистической лиги» не в первый уже раз заявляют о своей готовности силой оружия «спасти» (даже не «освободить», а «спасти») народы социалистических стран. Но в нынешних условиях, когда берут верх принципы мира и сотрудничества, их возможности тем более не отвечают их претензиям. Ну, в плане, как говорится, живой силы они еще могли бы кое-что наскрести. Вот два, по-видимому, уже подагрически прихрамывающих отставных генерала (из Франции и США) и один адмирал (из Бразилии), особенно витийствовавший на конференции, — почти генеральный штаб. А остальные делегаты, за вычетом этой тройки, если их переодеть из штатского в хаки, — без малого батальон. Есть и кандидаты на офицерские должности — пять экспредседателей лиги (включая сенатора Роя), да нынешний председатель (мексиканский юрист Раймундо Геореро, как раз и бросивший с трибуны словечко «спасти», на которое мы обратили внимание) да еще почетный председатель, роль которого исполняет некто с Тайваня, имеющий перед своим именем приставку «д-р». Кубинские контрреволюционеры примут обличье рэнджеров. Ну, и, конечно, засучит рукава аргентинский патер Хулио Мейнвьель, принадлежащий к фашистским группировкам, специализирующимся на похищении и истязании левых студентов.

Нет, ясно, что не нехватка сил и средств беспокоит членов самозваного антикоммунистического батальона, — «джентльменов удачи», готовых на мокрые дела, они их всегда найдут, да и с шапкой по кругу им не придется идти. Что действительно лишает их душевного равновесия, так это мирное сосуществование — и как основополагающий принцип, и как реалия современного международного положения. Но сколько ни заклинай: «Мирное сосуществование — это миф» (снова мы цитируем необыкновенно говорливого сенатора Роя), — оно все равно мифом не станет. Что же остается — «наступательные военные операции»?

Возможно, иные горячие головы из числа делегатов, собравшихся в Мехико, готовы были бы крадучись двинуться в направлении чужих границ, не очень-то, видимо, задумываясь над тем, какая встреча их там ждет. Но большинство главную свою цель увидело в другом — как бы осложнить отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Если они начали с того, что обогнали коммунистов, то кончили тем, что «осудили»... президента Никсона за «сотрудничество с коммунизмом» (а заодно и папу Павла VI «за содействие атеизму»).

Московские соглашения, которые так взволновали антикоммунистов, способствуют общей разрядке международной напряженности. А разрядка невозможна без утверждения таких принципов, как отказ от применения силы, уважение суверенитета всех стран, невмешательство в их внутренние дела. Но эти принципы как раз и не оставляют места для «наступательных военных операций», о которых мечтают сенатор Рой, патер Мейнвьель и др. Вот в чем дело.

Мих. ЧЕРНОВ

СУДИТЕ САМИ

Джоан БАЭЗ: НАДО БОРОТЬСЯ!

Джоан Баэз, популярную народную певицу, знает и любит вся прогрессивная Америка. Ее голос призывает к борьбе за социальную справедливость, за равенство для всех, за мир на земле.

Американская газета «Нью-Йорк пост» опубликовала беседу своего корреспондента с Джоан Баэз. Мы предлагаем ее читателям в сокращенном виде.

ВОПРОС: За кого вы намерены голосовать во время президентских выборов?

ОТВЕТ: Я никогда не голосовала раньше и не уверена, что пойду к избирательным урнам теперь...

ВОПРОС: Думая о войне, которую мы ведем во Вьетнаме, вы не чувствуете, что среднему американцу трудно отрешиться от ходячей формулы «это моя страна, права она или виновата»?

ОТВЕТ: За последние два года на Вьетнам было сброшено около ста килограммов взрывчатки на человека. Самолеты поливают землю бомбами, как дождем, а вы говорите, «кто прав и кто виноват»!

ВОПРОС: Но если люди знают эти факты, почему многие избиратели игнорируют их?

ОТВЕТ: То, как подаются эти факты, уменьшает силу их воздействия на людей. По телевидению в программе новостей показывают женщину, которая держит на руках мертвого ребенка, а голос за кадром говорит: «Что ж, ведь это война». Для того чтобы поднять в этих зрителях чувство возмущения, надо было показать тот же кадр, но сказать: «бог мой, это женщина с мертвым ребенком на руках, и убили ребенка мы».

ВОПРОС: Верите ли вы в реальную возможность окончания войны во Вьетнаме?

ОТВЕТ: Надо действовать непрерывно... Мы не можем просто ждать, ибо в этом случае ожидания могут не оправдаться.

Нельзя рассчитывать, что война окончится завтра, но действовать надо активно во имя того, чтобы она прекратилась завтра...

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ ИЗРАЭЛЯ АДЛЕРА

В VII Международном конгрессе архивов, состоявшемся в конце августа в Москве, участвовало свыше 1300 ученых из 45 стран.

Однако, как выяснилось, не все прибыли в нашу страну для деловых встреч. Некоторые решили использовать проходивший конгресс как ширму для прикрытия своих далеко не архивных дел.

24 августа в компетентные органы поступило заявление прихожанина московской синагоги Сиголовича о неблаговидном поведении участника конгресса Израэля Адлера, прибывшего в Москву из государства Израиль.

Внимание прихожан московской хоральной синагоги к юркому израильтянину привлекло его вызывающее поведение. Сиголович по этому поводу пишет: «Нужно было видеть, как израильтянин озирался по сторонам, когда вытаскивал из карманов и всовывал охочим до заграничного прихожанам так называемые сувениры. Подходя к прихожанам, он задавал им провокационные вопросы, пытаясь выудить интересующую его информацию... Многие были возмущены этим и, не скрывая своего негодования, прямо сказали ему об этом...».

Осечка в Москве ничему не научила Адлера. Находясь в Риге, он решил посетить некоего гражданина Маневича, адрес которого ему дали якобы «руководители парижской публичной библиотеки». Маневич усомнился в добропорядочности гостя и попросил оградить его от провокатора из Израиля. В Риге Адлер также пытался раздавать свои «сувениры» — агитки, призывающие к «возвращению к горе Сион».

В конце концов Адлера пригласили в Отдел виз и регистрации и предложили прекратить просионистскую деятельность. Уличенный неоспоримыми фактами, Адлер признал, что в Москве и Риге вел себя недостойно.

После того как стали известны изложенные факты, мы поинтересовались в президиуме VII Международного конгресса архивов, что там известно о личности Адлера. Нам сообщили, что Израэль Адлер приехал из Иерусалима и даже выступал на конгрессе с сообщением. Правда, именно это выступление показало специалистам, что Адлер — случайный человек на конгрессе, поскольку говорил он о чем угодно, только не о том, чем занимался конгресс.

Так кто же он, Израэль Адлер? Специалист по архивному делу или эмиссар от сионизма?

У нас теперь достаточно фактов, чтобы недвусмысленно ответить на этот вопрос.

И. МИХАЙЛОВ

УРОКИ БРАТСКА

ЭКСПЕДИЦИЯ «КОМПЛЕКС»

А. ЛЕВИКОВ,
В. МОЕВ,
специальные корреспонденты «ЛГ»

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Каждый будний день он снимает с банковского счета миллион рублей и вкладывает их в дело.

Ему принадлежат: полтора десятка заводов, универмаги, гастрономы и рестораны, лесопромышленное управление с леспромхозами, жилищно-эксплуатационные конторы, обслуживающие город с населением в сто восемьдесят тысяч жителей, автомобильный парк в три с половиной тысячи машин...

— Вас пора уже называть «БратсиВСЕстрой»...

— Пожалуй...

Иван Иванович Наймушин, руководитель организации, сооружающей несколько объектов стоимостью более миллиарда рублей каждый, принимает нас в своем тесноватом кабинете на втором этаже старенькой, обитой вагонной конторы — в Падуне, неподалеку от берега, где когда-то Наймушин сам прошел с топором: «Рубите просеку здесь».

— Мы приехали сюда в конце октября пятьдесят четвертого года. Моя первая контора была в палатке — отдельной: учреждение! Вывеска и все прочее...

Во что вылилось дело, начатое с палаточного городка в глухой ангарской тайге?

Создана колоссальная строительная база, в которой иные заводы равны крупным предприятиям союзного значения...

Создана строительная организация-гигант, подразделения которой осваивают десятки миллионов рублей в год...

Пятидесятитысячный коллектив Братсигэсстроя, уникальной строительной организации, каких во всей стране наберется еще две-три, является главным героем всей БРАТСКОЙ ЭПОПЕИ.

Маневренность благодаря мощи, мощь благодаря маневренности — таковы черты ГЛАВНОГО ГЕРОЯ.

По всеобщему мнению, это первый, едва ли не самый примечательный урок Братска, урок не только экономический, но и политический, и социальный, поскольку строительный колосс поднят в тайге руками, мыслью и силой духа тысяч энтузиастов, добровольцев, приехавших сюда со всей страны: с первого своего дня Братсигэсстрой никогда не знал недостатка в кадрах!

— Мы оперативная строительная организация, а не учреждение, — говорит Наймушин, — этому соответствует и вся структура Братсигэсстроя, и такого же требуем стиля работы... Как-то я приехал в одно управление, вижу — заведены папки для переписки. Спрашиваю руководителя: «У тебя это что такое?» — «Техдокументация». — «Клади в сторону. А это?» — «А это организационные дела». — «Давай их в печку!»... У нас переписки не жалуют...

Братская ГЭС, как известно, была принята с высокой оценкой. Корпуса алюминиевого, на сооружение каждого из которых по нормам полагается тридцать два месяца, Братсигэсстрой ставит ВДВОЕ быстрее. В двухстах пятидесяти километрах от главной базы развернуто строительство «дочерней» Усть-Илимской ГЭС, равной по мощности Братской...

Гордость за свою, действительно необыкновенную организацию, причастность и масштабам ее дел свойственны всем строителям Братска. Представим в прологе еще одного из них — инженера Анатолия Николаевича Закопырина, который руководит сооружением крупнейшего в стране лесопромышленного комплекса. Кандидат технических наук. Учился в Киеве. Его товарищи, тридцать аспирантов, живших когда-то вместе, остались в столице республики, заведуют лабораториями в институтах. У него тоже собран материал для докторской, да все лежит, некогда: что ни говори, а шестьдесят миллионов есть шестьдесят миллионов — столько управление Закопырина осваивает в год. Начальник успевай поворачиваться.

— Зато какую махину ставите! После и умереть можно спокойно!

— Умирать спокойно нельзя... Но я теперь чувствую себя уверенно. Так считаю: если меня голым в пустыню выслать — выживу.

У него острый ум, суждения резкие, кругозора не занимать. Что такой человек ценит в своей организации, в Братсигэсстрое?

— Размах и надежность!.. Нужен норд — Братск дает норд. Нужен алюминий — пожалуйста. Нужна бумага — нате. Вискоза — тоже... Какой завод потребуется, такой будет построен. Он будет введен без особых натуг для страны. Вы никогда нигде не слышали о срыве сроков промышленного строительства в Братске. Технические проблемы здесь не перерастают в общенациональные. Они решаются на месте. Братская инженерия — это в полном смысле слова мозг гиганта. Братск на все вопросы дает ответ. Вопросов Братск не задает!..

1. КУДА УКАЗЫВАЕТ УКАЗАТЕЛЬ?

ГОРОД ОСВОИТЕЛЕЙ ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ

Всякий приезжающий в Братск первым делом спешит поклониться ГЭС. Мы не составили исключения.

С гребня плотины, удерживающей напор десяти миллионов тонн ангарской воды, здание станции казалось низким и распластанным. Мы удивились, узнав, что оно с девятиэтажный дом. Почти не встречая людей (громаду ГЭС обслуживают пятнадцать человек в смену, меньше, чем на американской Гранд-Кули), мы облазили, кажется, все, что можно, побывали и в теле плотины, и в машинном зале, и в холлах, где в кадках из березовых пней цветут опунция и олеандр, и глубоко под водой, у турбинных колес. Стальные эти махины в день «худеют» на три килограмма, а за год вода стачивает их примерно на тонну. Было воскресенье. Работало двенадцать агрегатов. О «мелькавших на пульте лампочках» говорить не будем.

Главный потребитель Братской ГЭС — БРАЗ, Братский алюминиевый завод. В его легких и стройных, по линеечке поставленных корпусах внимательные хозяева попросили нас снять часы, дабы не испортились в мощном магнитном поле. Впрочем, и с часами вряд ли заметишь время, когда на твоих глазах из наклонившегося ковша льется струя расплавленного алюминия неожиданно нежного, прямо-таки лососиного цвета... На человека в защитных очках гонит свежий ветер мощная вентиляторная установка: такая профессия требует заботы. И потому бытовочки тут — Москве на зависть! Цеховая бытовка — отдельный пятиэтажный корпус: вестибюль с альпийскими горками, часы со знаками Зодиака, как в столице на Казанском вокзале. Цеховой медпункт — поликлиника с врачебными кабинетами, изолятором, фотарием, ингаляторием. Раздевалки душевых — ну, ей-богу, курзал с зимним садом, все в цветах, в воздухе прямо оранжерейный настой земли и зелени.

От прежнего медвежьего угла мощный сибирский индустриальный центр сохранил двух медведей: один обитает на фирменном значке БЛПК — Братского лесопромышленного комплекса, другой, натуральный, живет в Доме пионеров на радость ребятишкам и иностранным туристам.

Трехсотлетнее прошлое Братска лежит на дне моря. Городу на его берегах неполных восемнадцать. Обелиск в честь комсомола соседствует с почерневшей башней неистового протопопа Аввакума.

Хранятся древние реликвии, складываются новые обычаи. Как на Красную площадь в Москве, как в Ленинграде на Неву, десятиклассники после экзаменов приходят на плотину Братской ГЭС. Парапет земляной ее части исписан цитатами из классиков вперемежку с трогательными, наивными признаниями в любви и дружбе. В этом коллективном дневнике юности мы прочитали слова, к которым готовы присоединиться: «Мне жалко, что камни здесь все не облазил, обидно, что времени было в обрез»...

Утро понедельника мы начали с деловых звонков.

— 09? Пожалуйста, телефон горсовета...

— Звоните в Братск, там своя справочная.

— Позвольте, а мы разве не в Братске?

— В Братске. Ну и что?

— Как — что? А где же горсовет?

— Говорю вам — в Братске...

Позавтракали, сели в автобус, приехали... не туда.

— В чем дело? Сказали на первом ехать. А это?

— Первый. А в Братске свой первый.

— Ничего не понимаем. А мы-то с вами где? Мы же в Братске!..

— Мы-то я Братске, а вы, видать, нездешние?

Постепенно разобрались, что Братск — лишь формально единый город. Житель Падуна или Энергетика, расположенных рядом с ГЭС, считает, что его район и есть подлинный Братск, а центральную часть нового города, построенную за тридевять земель, именует не иначе как ЛПК — вроде бы поселок при лесопромышленном комплексе. В свою очередь житель ЛПК убежден: тут-то и есть Братск, а все остальное — поселки. Отсюда и автобусы с одинаковыми номерами и разными маршрутами, отсюда и «самостийность» городских (поселковых?) справочных бюро, отсюда и несколько загадочный указатель на шоссе из аэропорта в город: в одну сторону — Братск, в другую — Падун, в третью — Энергетик. Это все равно, что на невских берегах поставить три стрелки: налево — Ленинград, прямо — Васильевский остров, направо — Выборгская сторона...

Братск раскинулся на берегах Ангары весьма своеобразно: от одной части до другой — тридцать с лишним километров тайги, от другой до третьей — еще добрых пятнадцать и все лесом. Братчане шутят: «Зато у нас самая большая в стране внутригородская зеленая зона. Жаль, что проектировщики не сообразили объединить в один город Братск с Иркутском — «зеленая зона» была бы в шестьсот километров...»

Странное, однако, детище вышло у московского Гипрогора!

— А это не наше детище, — сказали в Гипрогоре, — это ведомственные кляксы.

Архитекторы водят по карте карандашом: и этот поселок не предусматривался, и этот, и этот, и тот тоже... А когда же появился первый генплан?

— В пятьдесят восьмом, спустя четыре года после начала строительства ГЭС, — отвечает руководитель мастерской Христофор Андреевич Бутусов, — но тогда Братск проектировался всего на шестьдесят тысяч жителей. А когда заканчивали проект, узнали, что БЛПК резко увеличит свою мощность и город может вырасти втрое-вчетверо.

Потом выяснилось, что будет еще одна очередь БЛПК... Определились истинные масштабы алюминиевого... И появились второй, а затем и третий генеральные планы.

— А четвертый будет?

— Я думаю, что совсем не за горами, — без тени улыбки отвечает Бутусов на этот вопрос, заданный нами, признаемся, больше в шутку. — Я уверен, что здесь будут новые предприятия, все рвутся сюда, поэтому придется составлять четвертый генплан.

Придется, непременно придется — в Братске планируется строительство крупного завода отопительного оборудования, четвертого в промышленном узле. Как видим — что ни новый завод, то новый генплан.

Братск преподает нам поучительный урок того, как не следует решать проблему расселения при формировании нового промышленного узла, особенно в Сибири, где сочетаются предприятия крупные и крупнейшие, которые не могут стоять забор к забору. Вода, лес, энергия, руды — каждому нужно свое: удобные площадки, коммуникации, забота об окружающей среде — все это растаскивает заводы на десять, двадцать, тридцать километров друг от друга. А где жить строителям и эксплуатационникам? В городе или поселке? Ставить единый город для всех предприятий или свой поселок при каждом из них? Такова дилемма, и она непременно должна быть решена задолго до того, как в тайге построят первый дом. Все признают теперь, что город — лучше, в поселке трудно рассчитывать на театр, музей, плавательный бассейн, публичную библиотеку, вуз и так далее и тому подобное, а без всего этого человеку в XX веке неуютно, он считает свою «поселочную жизнь» временной, сидит на чемоданах и ждет случая перебраться в настоящий город. Здесь надо искать источник текучести, корни многих других социальных проблем и противоречий. Все понимают, но строят... поселки.

Потому что при разбросанности предприятий сразу же всплывает сложная и дорогостоящая проблема транспорта, организация быстрой переброски тысяч людей с работы и на работу. И возникают трудности: на каких весах взвесить долю каждого ведомства в финансировании общегородского строительства? И начинаются сомнения: если с капитального города строиться, то когда же приступать к сооружению основных объектов — электростанций, заводов? Куда привычнее — поставили палатки или бараки, и сразу же можно рапортовать о первом кубометре земли, вынутой из котлована для индустриального гиганта...

Чаще всего — так было и в Братске — принимают решение: ставят пионерный поселок — для строителей, а то и [illegible] считая, что город [illegible] объединит их все, и «швов» не останется. Останутся! Не объединит! Опыт Братска заставляет усомниться в мудрости этого соломонова решения.

Братск как единое целое фактически никогда не существовал и не существует до сих пор. Первоначальные уступки «поселочному варианту» обернулись тем, что вся дальнейшая история города представляет собой упорные, отчаянные, мучительные попытки собрать себя из осколков.

Девять его поселков, разбросанных на девяносто километров, административно объединены в одну территорию, созданы общие городские организации. Предпринят шаг, о котором многие молодые города только мечтают, — уже девять лет работает в Братске на правах отдела облисполкома дирекция строящегося города, она на паевых началах собирает средства у ведомств и выступает единым заказчиком. В помощь московскому Гипрогору на месте создана своя архитектурная мастерская. О трех генпланах мы уже говорили, добавим: отдельно утвержден в Москве проект первой очереди Братска. Но несмотря на все эти усилия, город остается раздробленным. И не только территориально.

Мы пришли к председателю Братского горисполкома Николаю Григорьевичу Перевалову, уже свыкнувшись с «разбродом» города и не ожидая новых сюрпризов. Но вдруг услышали:

— Наш город как бы не существует... Не числится...

2. ГОРОД В КРЕДИТ

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПРИЧИНАХ ПАРАДОКСОВ

Вот какая удивительная выяснилась вещь: Братск с его улицами, домами, плавательным бассейном и телецентром, единственной во всей стране скоростной трассой для бобслея, со всем его почти двухсоттысячным населением не числится в списке русских городов! Другим по этому списку Госплан Федерации распределяет свои плановые благодати, а Братску ничего не положено, нет его, Братска, — ау? — есть лишь недвижимость энергетиков, металлургов, лесохимиков: все, что ни возьми в Братске — от асфальта тротуаров до игрушек на полках «Детского мира» — ведомственное имущество, разнесенное по балансам отраслей.

Но самое парадоксальное еще не в этом. Братск, который не существует для Госплана, — поскольку вся его материальная сущность расписана по ведомствам, и для ведомств, представьте, тоже не существует.

— Я обошел всех министров отраслей-дольщиков, которые участвуют в создании города, рассказывал им о коммунальных прорехах. Они отвечали: «А мы при чем? Это же город — не наше дело», — говорит Н. Г. Перевалов.

В Братске вам всякий скажет, что город строится в кредит. Дома возникают в планах не записанные, заказчиком не оплаченные. Братскгэсстрой строит жилье в долг, не дожидаясь, пока ведомства раскошелятся: позарез нужно жилье, а средств, выделяемых ведомствами на год, строителям едва хватает на квартал-два. К декабрю министерства все же как-то рассчитываются, значит, выискивают у себя в кармане, обнаруживая тем самым первоначальную прижимистость. Но, конечно, Братскгэсстрой при всем своем могуществе не бог, ему тоже неоткуда взять 100 миллионов рублей — суммы, недоданной ведомствами на строительство первой очереди Братска. Поэтому и возмущается справедливо руководитель дирекции строящегося города П. О. Пудлин: сорвали утвержденный правительством срок окончания первой очереди!

Ведомственная «семибоярщина» запутала Братск и диспропорциях: жилье отстает от производства, коммунальное хозяйство — от темпов развития города, «социальный быт» — от роста населения, транспорт — от потребности в перевозках...

Братск еще недостаточно обеспечен очистными сооружениями. Крайне отстало развитие водозабора: рядом с пресным морем — острый дефицит воды. На живую нитку связаны инженерные сети, в том числе электроснабжение, связь, канализация, использование их приводит и убыткам в десятки тысяч рублей.

Весьма своеобразно решена здесь и транспортная проблема. Куда чаще, чем автобусы, по улицам проносятся «будки» — грузовики, переоборудованные для перевозки пассажиров. Наш тоже довелось на них поездить. Фургоны деревянные и железные, с окнами и без, смонтированные на «ЗИЛах» и «КРАЗах»... А спереди и сзади крупные, видные издали таблички: «ЛЮДИ»...

О таких вещах в Братске говорят с душевной болью. И не жалобщики, не нытики, не обыватели — люди, знающие, что почем дается в таежных краях, освоители в полном смысле слова.

Главный инженер БРАЗа Николай Семенович Матвеев начинал на алюминиевом «с первой колонны, ферм еще не было», пускал все корпуса, оптимист, увлеченный и своим чудо-заводом, и людьми, и окрестной природой:

— Завод не только самый большой в мире, но и по технологии среди первых, все новинки учли. Условия у нас хорошие, средняя зарплата на БРАЗе 284 рубля, у основных рабочих до четырехсот. Тут стали на «Жигули» записывать — так чуть не тысяча человек желающих... Места прекрасные, солнце, рыбалка, сады народ разводит. Наши участки на горе Коврижка, с куста там снимают ведро смородины...

И вдруг хмурится:

— А с жильем плохо... Уходит от нас народ неохотно, и чаще всего из-за жилья. Люди считать умеют: «Ага, в очереди 3500 человек, когда моя подойдет? По 700 семей в год получают, значит, четырепять лет ждать...» У нас ни Дворца культуры, ни профилактория, ничего на заводе нет. Профсоюзное собрание провести — кланяемся БЛПК: дайте зал.

И тут же, как и положено оптимисту, Матвеев горячо уверяет нас, что все это будет: уже утвержден проект заводского дома культуры, на берегу залива строится отличная база отдыха, летом — пионерлагерь, зимой — профилакторий... Мы знаем, что будет на БРАЗе и жилье: ввиду исключительного положения завод получил право использовать на строительство квартир часть средств из промышленных капиталовложений. Будет в Братске и свое городское хозяйство — деньги выделены. И транспортные муки со временем кончатся. И женщины получат, наконец, подходящую работу — уже в этой пятилетке прибавятся мебельная и швейная фабрики, благодаря которым рассчитывают поправить структуру занятости. И главная улица появится, и набережная, и высокие здания, которые определят силуэт города...

Все это будет, будет, будет... И вдруг спохватываешься: позвольте, Братску уже восемнадцать лет! Выросли урожденные братчане, пошли на заводы, в армию, институты, а главной улицы родного города еще не видели... Пытаешься возразить себе: ну, и что, не сразу и Москва строилась! Однако тут же приходит в голову: но Братск-то строился сразу, «с листа». Он свободен от груза веков, он не пережил промышленную сверхплотность, возникавшую в иных городах в первые пятилетки, когда скромность опыта и средств не позволяла селиться по науке.

Чем же тогда объяснить диспропорции Братска? Только лишь эгоизмом ведомств? На наш взгляд, это значило бы выдать следствие за причину. С ведомственностью приходилось сталкиваться и раньше, никакими новыми гранями она не блеснула. Зато выяснилось другое: «долевое кооперирование» на местном уровне не способно преодолеть центробежные силы, порождаемые противоречивостью интересов «дольщиков».

Много ли пользы, когда дирекция строящегося города ходит с мешком по предприятиям и собирает с них «долю», уже отмеренную министерствами? Никто не дает больше, чем ему дали. А министерство далеко и высоко, городу с ним тягаться трудно. Не лучше ли долевое участие ведомств координировать Госплану и с самого начала централизованно выделять средства на строительство новых городов? На такую мысль наводят и последние события в Братске: целевым назначением, в аварийном, можно сказать, порядке он получил средства на развитие коммунального хозяйства, доведенного «долевой кооперацией» чуть ли не до полного разора. Скорая помощь поспела вовремя, но она же показывает способ профилактики болезни.

В идеале рисуется такая картина. Задумали производственно-территориальный комплекс, а в нем — город. В плановом порядке заранее определили численность его будущего населения, потребность во всем, что нужно для жизни. Расчет учел и интересы ведомств, которые здесь строятся. И ни к чему распылять средства, пусть область создает дирекцию строящегося города, получает для него деньги — на пятилетку и по годам.

(Продолжение следует)

НЕСЛУЖЕБНЫЕ ЗАПИСКИ

В. КАЛИНКИН,
экономист

ЕДУТ, ЕДУТ «ТОЛКАЧИ»...

О «ТОЛКАЧАХ» уже много писали. На иных предприятиях они дневуют и ночуют. Редкий производственник не знает, кто такой «толкач» и какова его роль в успешном выполнении плана. А в то же время «толкач» — фигура во многом загадочная. Вы никогда не найдете такой должности в штатах предприятий, ее не замечают органы финансового контроля. Поэтому я позволю себе начать с определения: кто же такой «толкач»?

Это официальный представитель заказчика, который силой своего морального (а то и «физического») воздействия «выталкивает» из производственных цехов, а затем и с территории поставщика продукцию, необходимую для своего предприятия.

Когда использованы все средства воздействия на завод, срывающий обязательства, когда исписаны и отправлены в разные адреса десятки убеждающих, молящих и угрожающих бумаг, когда на всех уровнях проведены телефонные разговоры с представителями организаций, имеющих хоть мало-мальское отношение к делу, а надежда получить продукцию в срок все так же шаткта, тогда прибегают к последнему средству: к поставщику отправляется «толкач».

Задача ему ставится всегда одна: не возвращаться без необходимой продукции. Люди, на которых она возлагается, — чаще всего опытные, самоотверженные работники, преданные своему заводу. В любую погоду оставляя самые срочные и неотложные дела, едут они за сотни верст. Едут, хотя знают, что никто им не будет рад и ночлег им не обеспечен. Положение осложняется и тем, что едут они инкогнито. Под видом инженеров, имеющих целью, как написано в командировочных удостоверениях, «согласовать технические условия» либо «провести научные разработки и исследования».

Методы работы у «толкачей» самые разные. Одни стучат кулаком по столу или плачут, делая основную ставку на эмоции, другие задаривают нужных работников предприятия-поставщика мелкими сувенирами; третьи помогают, надевая халаты и следуя по технологической цепочке производства за своей продукцией в качестве подсобных, а иногда и основных производственных рабочих. Чаще всего применяется широкий комплекс мер, куда входят и слезы, и кулаки, и «флакончики с духами», и работа с молотком в руках.

Но почему, спрашивается, нужны «толкачи»? Нельзя ли добиться чтобы продукция всегда уходила к заказчику вовремя, без их вмешательства, своим, так сказать, ходом?

НЕХИТРОЕ дело — картонная коробка для кофейных мельниц. Но без нее нет плана по ширпотребу, одного из важных показателей работы завода. Московскому заводу «Памяти Революции 1905 года» эти коробки уже четвертый год делает объединение «Упаковка». Начальник бюро комплектации завода в конце каждого месяца возвращается из поездки в это объединение в расстроенных чувствах и докладывает:

— «Упаковка» не хочет делать коробки!

В конце марта таков начало имело следующее продолжение.

— А как же наш план? — задаю этот вопрос, будучи заместителем директора завода.

— Надо соглашаться и делать для них перфорационные машины.

— Но мы уже делали... И тележки им делали!

Снова — в который раз! — идем к главному инженеру и уговариваем его насчет перфорационных машин для «Упаковки». Тот объясняет, что машина не по профилю нашего производства: очень сложная, большая... Однако эти доводы теряют силу, когда мы говорим, что в таком случае плана по ширпотребу на будет. Главный берет ручку и пишет: «согласны». Начальник бюро комплектации едет с этим письмом на «Упаковку». Уговаривает начальника цеха немедленно запустить в производство наша коробки и сам при этом помогает у станка. Плая марта спасен!

Требовать что-либо от объединения «Упаковка» мы не можем: заключать с нами договор они отказываются. Можем лишь слезно просить. Уже четыре года завод настаивает перед министерством дать нам планового поставщика, но вопрос ровно столько же не решается.

Промахи, недоработки порождают «толкачей». Будь то промахи вышестоящих организаций, органов материально-технического снабжения или же, наконец, служб и работников завода.

Не успели опомниться от «Упаковки», как уже надо отправлять человека на Чебоксарский электроаппаратный завод. На нем «специализируется» другой труженик отдела материально-технического снабжения. Вот он бегает по нашему заводскому двору и помогает заколачивать ящик с медными проводами. Эту медь он с большим трудом достал на другом заводе для того, чтобы из нее сделали в Чебоксарах аппараты. Сегодня самолетом отправим бухту меди, а через день-два за ней полетит и сам «толкач», чтобы приделать ей, как говорят, «ноги», то есть поскорее превратить в продукцию...

Едут наши люди и в Ленинград, в объединение «Электросила», которое не выполняет своих договорных обязательств по поставке литья для электродвигателей. И куда бы ни являлись наши представители, нарушения обязательств им объясняют исключительно «объективными» причинами. Одного подвел свой поставщик, у другого не хватает людей и т. д. и т. п. Любопытно, что вопреки всем этим «объективным» трудностям свой собственный план производства, те показатели, за которые полагаются все материальные блага, предприятия-поставщики, как правило, аккуратно выполняют: своих неаккуратных должников мы частенько видим среди победителей социалистического соревнования.

Слов нет, «объективные» причины, на которые обычно ссылаются, играют свою роль. Но дело не только в них.

МУЖЧИНА средних лет неожиданно появляется в дверях, спрашивает: «Разрешите?» — а сам уже энергичной, бодрой походкой идет к столу. Мужчина протягивает руку и с ходу приглашает меня погостить в Одессе — с таким выражением чувств, словно более тысячи километров он проехал только ради нашей встречи. Это «толкач» с Одесского завода имени Старостина. Он приехал за панелями для металлургических кранов, которые мы ему не даем, хотя договорные сроки уже прошли. И пусть я не удовлетворил ни одной просьбы «толкача» (гостиница и пропуск на завод), он горячо благодарит, не оставляя у меня ни капли сомнения в том, что обратно он с пустыми руками не поедет.

И действительно, через три дня я провожаю его вместе с электрооборудованием, снова пожимаю энергичную руку.

Что же задержало на два месяца изготовление панелей для его завода? Почему более десятка телеграмм в наш адрес, которые предшествовали приезду «толкача», не дали результата?

Конечно, можно покопаться в памяти и найти какую-нибудь «объективную» причину вне завода. Но если говорить откровенно, то дело в другом. Панели эти трудоемкие, невыгодные для плана («вала») цеха. И делают их чаще всего только под нажимом извне.

ВОТ ТЕПЕРЬ, когда мы посмотрели на «толкачей» с двух сторон, можно попытаться ответить, почему так живуче это племя.

Каждое предприятие стремится прежде всего выполнить план, и эта его заинтересованность нередко вступает в конфликт с договорными обязательствами по поставкам. Конфликты завязываются еще в момент планирования, когда, например, заказы по отдельным (выгодным) видам продукции принимаются в большем объеме, чем позволяют производственные возможности. Конфликты продолжаются до последнего момента, когда готовая уже продукция отправляется прежде всего тому, кто быстрее ее оплатит, а не тому, кому следует по договорным обязательствам. Не случайно, видимо, среди многочисленных условий о премировании мне не приходилось встречать на предприятиях ни одного, которое ставило бы премии в зависимость от выполнения договорных поставок. Результат: едут, едут «толкачи»...

Вместе с ростом объема, специализации производства — и даже еще быстрее — возрастают число и значение связей между предприятиями. От них все сильнее зависят ритмичность работы, качество продукции, повышение эффективности производства. Надежность партнеров приобретает первостепенное значение.

На XXIV съезде партии особо подчеркивалась необходимость повысить роль хозяйственного договора. Между тем по своему значению он еще не встал в один ряд с основными плановыми показателями работы заводов, такими, как реализация продукции, прибыль, номенклатура, рентабельность производства и фонд заработной платы. «Порядок» по этим статьям зачастую уживается с полным провалом договорных обязательств. Для примера я мог бы назвать один из заводов нашего министерства, который в прошлом году успешно выполнил план и пожал все связанные с этим лавры, хотя подвел десятки своих потребителей.

Как исправить положение? Я не могу предложить стройной системы мероприятий, которые разом привели бы к полному решению проблемы. Это, видимо, и не по силам одному человеку. Но некоторые предложения сделать все же хочется.

Как мы понимаем «реализованную продукцию»? Как товар, который просто-напросто нашел покупателя и оплачен. А быть может, реализованной следует считать лишь ту продукцию, которая отгружена заказчику в строгом соответствии с договорными сроками? Нарушил их — штраф, причем штраф автоматический, налагаемый банком без особого на то решения арбитража, как принято сейчас. Нынешние штрафы малоэффективны, на мой взгляд, и стали бы куда чувствительнее, если бы выплачивались целиком из фондов материального поощрения.

Чем больше усилий приложит поставщик к выполнению договорных обязательств, тем меньше нужды будет в посредничестве «толкача».

Практика «толкачества», конечно, заслуживает осуждения, тем более что в ряде случаев «толкачи» действуют вопреки нормам социалистической морали. Существование этого многотысячного племени лежит чувствительным бременем на плечах у заказчиков, вносит неурядицы и сумятицу в работу поставщиков. Однако хочу подчеркнуть: для ликвидации «толкачей» недостаточно одних запретов. Нужны прежде всего экономические меры, повышающие ответственность и заинтересованность поставщиков в выполнении своих договорных обязательств, развивающие и укрепляющие прямые хозяйственные связи между предприятиями.

ИТАК, АВТОР СТАВИТ ВОПРОСЫ:

- **С помощью каких экономических мер можно ликвидировать институт «толкачей»**
- **Не стоит ли ввести правило, чтобы предприятие, нарушившее договорные обязательства, выплачивало штраф из своего фонда материального поощрения**

?

УГРОЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ...

Согласно легенде, прорицаниям Кассандры люди не верили, хотя они всегда сбывались. Презрительная враждебность, с которой встречали ее предсказания, легко объяснима. Во-первых, она предсказывала то, что было неприятно ее слушателям; во-вторых, ее прорицания относились к далекому будущему... Характерная особенность людей — отвергать, и часто с раздражением, мрачные предсказания. Мы верим в отдаленное будущее не больше, чем ребенок в то, что и он когда-либо умрет.

...Ограничиваясь мыслями об одном дне, мы планируем каждый его час. Встав с постели, думаем о завтраке; выйдя из дома, — о том, чтобы не опоздать на поезд или автобус. Весь день голова занята делами, которые нам предстоит сделать сегодня. А когда день подходит к концу, размышляем о том, как проведем вечер..

Бывают, правда, редкие моменты, когда мы задумываемся над отдаленным будущим. Мы достаем тогда свой страховой полис и размышляем о времени, когда уйдем на пенсию, думаем, какое образование дадим детям.

Но это происходит редко.

Недавно в одной из телевизионных передач нам показали маленький американский городок, где непосредственному существованию жителей угрожает близость ядерного реактора. Уровень радиации там колеблется между семикратным и тринадцатикратным превышением допустимого предела. Это означает, что ужасающий процент взрослых и детей погибнет преждевременно от различных форм рака.

Но жители города наотрез отказались принять к сведению факты, о которых им сообщили: дети прекрасно развиваются, мы отлично себя чувствуем, предостережения исходят от горстки смутьянов... Смелая и очень умная женщина с горьким юмором рассказала мне, что в ответ на вопросы, заданные ею, разозленные жители города несколько раз били стекла в ее доме. Современная Кассандра, не так ли!

Этот маленький американский город и его жители — своего рода драматическое отображение нашего мира в 1972 году. Множество видных ученых и авторитетных экономистов предсказывают теперь, что загрязнение воздуха, воды и почвы вместе с истощением естественных ресурсов Земли и демографическим взрывом сделают неизбежной мировую катастрофу, если только в ближайшие годы не будут предприняты самые решительные и беспрецедентные действия в международном масштабе.

Если же технически развитые нации будут ежегодно продолжать потреблять все больше и больше сырья всех видов, а слаборазвитые страны—увеличивать население во все возрастающем масштабе, то в ближайшие 20—50 лет наступит всеобщий экономический крах.

Мы живем в ту исключительную историческую эпоху, когда наша практика — не смотреть вперед и наше теория, что правильно поступать именно так, становятся самыми опасными из всех традиций. Отсутствие дара предвидения и недооценка добродетели, именуемой предосторожностью, могут привести к нашей гибели и к гибели наших потомков.

В начале нынешнего года обнаружилось, что отдельные промышленные компании и частные лица тайно выбрасывают большое количество вреднейших химических отходов в разных районах страны. Это вызвало возмущение общественности, стало предметом обсуждения в парламенте, который был вынужден принять ряд срочных, но совершенно недостаточных мер. Не следует думать, однако, что такого рода загрязнение окружающей среды отличалось чем-либо от того, что мы делаем ежедневно на протяжении всей нашей жизни, и мы будем продолжать действовать так же, если не будут применены законодательные меры, поддержанные всем авторитетом государства.

Один из промышленников, на чьих предприятиях производятся пластмассовые контейнеры, сказал нам, что он видит свой долг единственно в обеспечении прибылей своей компании. Я сам недавно купил старую, подержанную машину для своих детей, несмотря на то, что убежден — честные машины в наши дни способствуют прогрессирующему отравлению атмосферы. Некоторое время назад, когда моя совесть еще не одержала верх над алчностью, я приобрел акции «Рио Тинто-цинк», хотя об этой горнорудной компании много писали в печати в связи с тем, что она отравляет окружающую среду вредными отходами.

Но если бы государственное законодательство запретило владеть двумя автомашинами, а что еще более желательно, вообще разрешило иметь одну машину лишь в виде исключения, я бы аплодировал мудрости наших правителей и с легким сердцем примирился с таким ограничением моих личных интересов. Проблема, которая возникает перед нами сейчас,—это не моральная, не духовная, не религиозная, а политическая проблема. Нас могут спасти от самих себя лишь политические деятели, ибо только они способны предпринять эффективные коллективные действия.

Нынешнее консервативное правительство Англии сделало для «консервации» существующего положения больше, чем любое из его предшественников. При этом всячески запутывается важный вопрос. Много говорится об очистке рек, о том, что это «шаг в правильном направлении». Но такой шаг может оказаться дымовой завесой, пусть поставленной с добрыми намерениями, но помогающей скрыть от самих себя что нам нужен коренной пересмотр экономической политики и путей развития технологии.

Думаю, что все, кто занимается экологией, независимо от политической принадлежности, согласятся с тем, что меры, которые следует предпринять правительству, во всяком случае поначалу, окажутся непопулярными среди избирателей. Сейчас обязанность партий и правительств — смотреть дальше вперед, не ограничиваясь интересами избирательного округа, и подчас действовать против воли людей во имя их длительного благополучия вместо сегодняшнего материального блага.

Каждому беспристрастному наблюдателю ясно, что правые и левые занимают одинаковую позицию в самом важном вопросе нашего времени. Столь же верно и то, что все обозреватели по экономическим и финансовым вопросам в нашей стране считают, что единственный критерий национального благосостояния — это индекс возрастающих капиталовложений и прибылей.

Альянс левых и правых в этом деле поразителен. Ибо все мы заражены верой в то, что понятие «эффективность» должно означать эффективность в деле производства как можно большего числа товаров по возможно более низкой себестоимости. Право же, это опасное понятие переросло себя и дерзко поднялось над собственным значением.

Мы сознаем, что неизбежные лишения, вытекающие из разумной политики правительства, будут в различной степени неприятны большинству граждан нашей страны. И все же не следует из-за этого мрачно смотреть на ближайшее будущее. Если мы хотим чему-либо научиться, мы должны понять, что наше счастье зависит не от пустяков, которым мы придаем такое большое значение. Возможно, что наши внуки найдут в сравнительной простоте своей жизни лучший путь к братству, чем мы смогли найти при помощи обладания материальными благами.

Мы должны молиться — в буквальном смысле слова, если мы способны на это,— чтобы политические деятели глубоко осознали угрозу для человечества, уже видимую на горизонте, и поняли, в чем заключается их неотложный долг. Как предотвратить мировой кризис, конечно, остается нерешенной проблемой, которая требует от всех нас совершенно новых усилий и размышлений.

Филипп ТОЙНБИ

«Обсервер» (АНГЛИЯ)

БИОСФЕРА: ЧТО ЖДЕТ ПОТОМКОВ?

Джаклин Смит, девочка из Саутгемптона, заняла первое место на конкурсе сочинений среди школьников 13—15 лет. Вот строчки из ее работы:

«Сегодня черный душный день. Он немногим отличается от других... Моя мать однажды сказала мне, что небо было голубым, но ведь поверишь, когда увидишь, а для меня небо черное или желтое. Я люблю его таким. Это более естественно.

В музее можно увидеть чучела, которые называют птицами. Говорят, что они когда-то летали, но мне не верится, они кажутся слишком неуклюжими. Должно быть, они летали очень медленно. Они так непохожи на современные самолеты и совсем бесполезны. Самолеты служат определенной цели, а кому теперь нужны птицы?

Моя бабушка любила их. Она рассказывала мне, как они пели. Она еще любила цветы, но мне больше нравится запах машинного масла. Он свежее. Машинное масло полезно. Оно приводит жизнь в движение...

Стерильный мир очень хорош. Он холодный, клинический и не портит настроения. Мир, свободный от бактерий...»

Трагическая ирония девочки. Яростный протест против засилья машин, тоска по живой, незагрязненной природе.

Подобные настроения характерны для Запада. Как изменится окружающая среда в будущем, что ждет человечество! Этому посвящают свои выступление в парламентах политики, в газетах — публицисты. Ученые составляют прогнозы...

Публикуя в сокращенном виде статьи английских авторов Ф. Тойнби и Д. Мэддокса, мы попросили советских ученых Д. Гвишиани и К. Ананичева прокомментировать те исследования по прогнозированию будущего, которые ведутся на Западе.

...СЛИШКОМ ДРАМАТИЗИРУЕТСЯ

Нынешняя волна тревоги по поводу того, выживет ли человечество, как и «кока-кола», — американское изобретение. Увлечение «судным днем» лишь недавно распространилось на Британию, но в США его пророки уже заявили о себе десятилетие назад.

Экологический бизнес процветает там и вносит свой скромный вклад в валовую продукцию Соединенных Штатов. Хотя движение в защиту природы уже может похвастаться некоторыми успехами, в целом оно причинило больше вреда, нежели пользы. Кое-кто рассматривает дискуссию по проблемам окружающей среды как повод для дальнейшего нагнетания страшных прорицаний по поводу неминуемой катастрофы.

Никто не будет оспаривать, что быстрый рост народонаселения превратился в гигантское экономическое и социальное бремя для слаборазвитых стран; что новые формы загрязнения почвы, скажем, при использовании ДДТ, приобрели широкое распространение, и результаты этого пока еще не исследованы полностью; что существует связь между ростом промышленной активности и прогрессирующим загрязнением атмосферы в национальном масштабе; что некоторые виды естественных ресурсов неизбежно будут истощаться. Но ясно и то, что за последние десять лет потенциальная угроза для человечества сверхдрамматизируется и тем самым вносится сумятица в проблему защиты окружающей среды.

Конечно, трудно оспаривать, что протесты всех слоев общества против потенциальной угрозы выпадения радиоактивных осадков в результате испытаний ядерного оружия были справедливыми и оправданными в пятидесятые годы. Лучшее свидетельство жизненности этого движения — заключение Договора о временном прекращении испытаний.

Однако справедливые возражения Рейчел Карсон против безответственного использования инсектицидов в американском сельском хозяйстве в 1962 году* сопровождались распространением внушающих ужас басен, будто ДДТ вызовет повсеместное распространение рака. Ни одно из подобных утверждений не выдержало научных исследований.

Спустя несколько лет д-р Поль Эрлих в своей книге «Демографический взрыв» предсказал, что, поскольку «битва за то, чтобы прокормить все человечество, проиграна», неминуем голод, и он принесет гибель десяти миллионам человек. Он проявил полную незаинтересованность к тому, какие изменения «Зеленая революция» вносит в саму природу этой проблемы.

Никто не утверждает, что «Зеленая революция» проходит безболезненно, ибо новые сельскохозяйственные методы требуют применения таких средств, как искусственные удобрения и ирригация. Поэтому необходима постоянная бдительность землевладельцев, необходимы и большие социальные изменения. Но сама по себе нехватка продуктов питания уже на представляет собой неразрешимой проблемы.

Способность Земли прокормить растущее народонаселение подтверждается развитием генетики растений, инженерной генетики, как ее называют.

Точно следуя примеру Мальтуса, д-р Эрлих пришел к заключению, что население Земли составит в 2000 году семь миллиардов и удвоится к 2035 году. Поэтому в недалеком будущем не останется ни клочка свободной земли, даже для посевов.

Такие подсчеты ни в этом, ни в других случаях не отражают подлинного положения вещей. Демографы куда более осторожны в своих предсказаниях роста народонаселения. Даже в Англии, где статистическая наука находится на более высоком уровне, чем в других странах, не берутся с точностью предсказать будущую численность населения Земли. Диаграмма последнего отчета «Экнюари Дженерэл оффис» показывает, что рождаемость, даже в такой относительно стабильной стране, как Британия, может быть величиной весьма неустойчивой. Удивительно ли, что трудно предсказать, какой окажется численность населения в 2000 году?

После Карсон и Эрлиха был разработан еще ряд сценариев неизбежного конца света. Журнал «Экологист» завоевал гигантский тираж, предсказав, что индустриальное общество погибнет «еще при жизни нынешнего поколения». Перспективе неизбежного бедствия был придан характер псевдореспектабельности компьютерными вычислениями Денниса Медоуза под эгидой «Римского клуба».

Однако широко рекламировавшийся отчет «Римского клуба», «Пределы роста», который предсказывал гибель индустриального общества в XXI веке, содержит немало ошибок в вопроса прогнозирования естественных ресурсов Земли.

В «Пределах роста» авторы предсказывают, что при нынешнем уровне потребления запасы олова истощатся за 61 год, цинка — за 50, меди — за 48 лет. Далее делается вывод, который авторы этого документа считают «оптимистическим», а именно, что «при потреблении, равном уровню 1970 года, запасов всех видов сырья хватит на 250 лет». Компьютеру дано право делать выводы и по поводу других аспектов мировой экономики, таких, например, как уровень роста промышленной продукции. По этим подсчетам к середине XXI века погибнет сначала индустриальная система, а затем, из-за отсутствия естественных ресурсов, начнет гибнуть население.

Рассматривая «все ресурсы», словно речь идет об одном виде материалов, компьютеры не учитывают возможности замены одного материала другим. Игнорируется также и то, что повышение цен на один вид сырья — неизбежное следствие его нехватки — заставит ускорить геофизические изыскания и поиски новых видов сырья, а также использовать менее высококачественные руды.

Все это, конечно, не значит, что в будущем не придется столкнуться с нехваткой тех или иных видов сырья. Нефть имеется в мире в меньшем количестве, чем уголь, и ее, возможно, будет не хватать через сто лет. Возможно, что использование бензина для автомашин будет недоступным из-за высокой его стоимости, но отнюдь не следует делать вывод, что не будут разработаны новые виды топлива для двигателей.

Совершенно очевидно, что в будущем придется не столь широко использовать ртуть. Но правильно ли полагать, как это делает «Римский клуб», что мир погибнет из-за нехватки ртути? С тем же успехом можно в этом случае предсказывать всемирное бедствие из-за того, что мало используется кельтий, поскольку он очень редкий минерал.

Загрязнение атмосферы — важный элемент проблемы охраны природы. Эта опасность не более страшна, чем те, с которыми сталкивалось человечество в прошлом. Тиф и холера, страшные бедствия прошлого, практически изжиты в Западной Европе. Дифтерия и туберкулез стали редким явлением. Разве эти примеры из истории не дают нам повода надеяться, что высокоразвитым странам удастся рационально и своевременно справиться с загрязнением природы, которое сейчас ужасает нас? Каждая страна должна осознать, что может избавиться от загрязнения окружающей среды, если затратит соответствующие средства.

Возникают и другие проблемы. В последние годы усилилась тревога в связи с увеличением в атмосфере двуокиси углерода, что содействует накоплению тепла и может изменить климат Земли. Однако простейшие исследования показали, что оснований для беспокойства пока нет.

Считать нерешенность многих проблем угрозой для человеческого существования значило бы признать невозможность найти разумное решение. Опасность заключается в том, что, предсказывая десятилетиями бедствие, прорицатели конца света отвлекают внимание общественности от срочных и непосредственных задач, от решения неотложных социальных проблем, таких, как нищета, неравенство и преступность.

Джон МЭДДОКС

«Санди таймс» (АНГЛИЯ)

* Этому посвящена книга Р. Карсон «Молчаливая весна».

ОТВЕТ ПРОРОКАМ «СУДНОГО ДНЯ»

Проблема окружающей человека среды неразрывно связана с проблемами экономического развития, роста народонаселения Земли и потребления естественных ресурсов. Окружающая среда — природные ресурсы — развитие — вот тот «магический» треугольник понятий, с которым приходится сталкиваться современному исследователю.

Влияние научно-технического прогресса на окружающую среду происходит не непосредственно, а через технологию, через практические приемы и методы трудовой деятельности. Нетрудно видеть, что технология, экономическое развитие и социальный прогресс тесно связаны между собой и взаимообусловлены.

Обсуждая эти фундаментальные проблемы, некоторые буржуазные ученые приходят к выводу, что технология и экономическое развитие являются главными причинами надвигающегося экологического кризиса. В этой концепции технологии отводится мрачная роль «убийцы» человечества: она-де все больше и больше ведет к «деградации» окружающей среды. А отсюда и соответствующие рекомендации. Известный американский специалист по системному анализу Д. Форрестер пишет в своей новой книге «Мировая динамика»: «Единственное решение, гарантирующее спасение человечества в ближайшие 200 лет, — это сокращение инвестиций капитала на сорок процентов, рождаемости — на пятьдесят процентов, потребления сырья — на семьдесят процентов, производства продуктов питания — на двадцать процентов». Ту же позицию занимает английский биолог Г. Тейлор: «...решение заключается в том, чтобы ограничить количество населения или ограничить развитие техники. Или же — ограничить и то, и другое». Эта же мысль высказывается в только что вышедшей книге группы исследователей Массачузетского технологического института «Пределы роста». Американские ученые во главе с профессором Деннисом Медоузом пришли к выводу, что пределы роста на нашей планете будут достигнуты где-то в следующем веке, а результатом этого будет «внезапное и неудержимое падение численности населения и объема промышленного производства». Им вторит публицист Ф. Тойнби, утверждая, что человечеству свойственны легкомыслие, бездумное скольжение по волнам жизни, нежелание задуматься о завтрашнем дне. Это мнение представляется довольно спорным, если даже применить его к частной жизни человека, и уж совсем не выдерживает критики, если речь идет о плановом социалистическом государстве, основные усилия которого направлены на то, чтобы создать наилучшие условия жизни нынешнему и будущим поколениям. Позиция Ф. Тойнби — скорее отражение духовного кризиса буржуазного интеллигента, который уже не видит выхода в развитии капитализма, но хорошо ощущает его несправедливость и антигуманность.

Так ли мрачно будущее человечества и велика ли в том «вина» современной технологии?

Известно, что огромные массивы лесов, а значит, и большое число рек и озер были уничтожены человеком многие сотни лет назад. Необдуманное разведение некоторых видов животных привело к уничтожению растительности на обширных территориях и превращению их в пустыни, ставшие своеобразной «раковой опухолью» Земли.

Что же изменилось с появлением машинной технологии? Прежде всего — качество воздействия человека на окружающую среду. К этому времени процесс массированного уничтожения лесов и водоемов приостановился, утих и процесс образования пустынь, а воздействие человека на природу из экстенсивного превратилось в интенсивное. Технология начала занимать все больший удельный вес во взаимоотношениях человека с природой: человечество на ограниченном пространстве земного шара искало пути увеличения производства жизненно необходимых благ.

Другое дело, что, всемерно развивая технологию, люди по-прежнему исходили из того, что целый ряд важных природных ресурсов — вода, воздух, почва и т. д. являются, с одной стороны, «даровыми», а с другой — практически неисчерпаемыми, а посему о них не нужно и беспокоиться. Главными причинами такого отношения к ресурсам природы были конкуренция, стремление к максимальной прибыли и т. д. Но важно, однако, как мы уже отметили, что воздействие человека на природу стало существенно заметным и до появления современной машинной технологии. Так что, строго говоря, дело здесь не в технологии как таковой, а в отношении данного социального строя к природе (и, конечно, в уровне научных знаний эпохи). Обвинять же во всех грехах технологию, не видя (или не желая видеть) пороков социально-экономического строя, — самый легкий, но не самый верный путь к истине.

Как это ни парадоксально, но сейчас многие опасные виды производства наилучшим образом защищены от соприкосновения с окружающей средой. Например, атомная промышленность довольно надежно изолирована от окружающей природной среды. А вот производство обыкновенной бумаги или краски, которое уже насчитывает столетия, почти везде связано с глубоким отравлением водоемов.

Технология как орудие воздействия человека на природу вначале, очевидно, применялась без учета всех последствий и с единственной целью — получить наивысшую прибыль при наименьших затратах, а само ее применение было социально обусловлено рамками существовавшего общества. По-другому эта проблема стоит сейчас, когда в мире существуют две социальные системы — капитализм и социализм.

Объясняя, почему в США после второй мировой войны так трагически возрастает заражение природной среды, американский эколог профессор Б. Коммонер писал, что дело не просто в небрежности мира по отношению к природной среде, но в том, что обширные сферы технико-промышленного комплекса перешли на схемы производства, гораздо более разрушительные в экологическом плане. А делается это главным образом из-за перспективы новых рынков, новых прибылей.

Его выводы разделяет другой американец — экономист И. Воулдинг: «На Западе стремление победить природу означает сплошь и рядом лишь то, что мы уменьшаем вероятность мелких неудобств за счет повышения вероятности страшных бедствий».

При социализме же использование природных ресурсов имеет научно обусловленный характер и направлено на удовлетворение нужд всех трудящихся. Да, в странах социализма могут возникать и возникают определенные экологические трудности, могут быть отдельные недальновидные хозяйственники и даже просто головотяпы, но здесь уничтожена главная социальная причина экологического кризиса — частная собственность на орудия производства, нет и не может быть социальных групп, заинтересованных в «разграблении» природы. И поэтому забота о природе, о рациональном использовании и возобновлении ее ресурсов — естественная основа хозяйственной деятельности в нашей стране. Об этом убедительно говорил на XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «Не только мы, но и последующие поколения должны иметь возможность пользоваться всеми благами, которые дает прекрасная природа нашей Родины». Не случайно Ф. Тойнби ощущает несовершенство западной демократии, говоря, что «альянс левых и правых в этом деле (в погоне за максимальной прибылью. — Авт.) поразителен». Не случайно он мечтает о единых устремлениях общества, призывает смотреть далеко вперед, «не ограничиваясь интересами избирательного округа».

Можно ли найти пути, при которых технология не оказывала бы вредного влияния на природу? Да, человек имеет все возможности создать «безвредную» технологию. Замкнутая, безотходная технология с рециркуляцией природных ресурсов решает все три задачи охраны природной среды: не происходит загрязнения, не нарушается экологическое равновесие, не истощаются природные ресурсы. Но ясно и то, что подобная технология может существовать лишь при новой «экологической» концепции экономического развития, которую должна принять социальная структура той или иной страны.

Как же с позиций этой экологической концепции можно оценить работу зарубежных исследователей? Один из преувеличенных и необоснованных выводов группы Медоуза, как и некоторых других западных ученых, — прогноз будущего населения Земли. Кстати, «лавры» первенства здесь принадлежат декану факультета биологических наук Стэнфордского университета Полю Эрлиху и его печально известной книге «Демографический взрыв». Экстраполируя на будущее нынешние темпы роста населения, П. Эрлих пришел к выводу, что к 2000 году на Земле будет 7 миллиардов человек, а еще через 36 лет оно удвоится и в самом недалеком будущем не останется даже клочка земли для посевов. Эрлих приравнивает демографический взрыв к «непрекращающемуся размножению клеток», сравнивая это размножение с раковым заболеванием.

Но сегодня, в 1972 году, оперируя новыми фактами, мы уже можем сказать, что темпы роста будут менее быстрыми, чем предсказывалось еще четыре года назад. Так что концепция экспоненциального роста идет вразрез с реальностью.

А потом не надо забывать и о таком явлении, как «демографическое перемещение». Хотя успехи медицины и привели к резкому снижению детской смертности, но начиная с 1875 года прирост населения в Европе резко замедлился, а в пятидесятых годах был ниже, чем за сто лет до этого. В развивающихся странах детская смертность стала заметно сокращаться после второй мировой войны, а теперь в Юго-Восточной Азии и некоторых государствах Латинской Америки в связи с их социально-экономическим развитием начала резко падать и рождаемость. И можно смело утверждать, что развитие науки, технологии и, главное, прогресс социальных отношений в обществе могут обеспечить каждому члену все растущей «земной семьи» условия жизни, достойные Человека.

Нельзя согласиться также с выводами исследователей относительно продовольственной проблемы. Прежде всего, явно занижена площадь земель, пригодных для сельскохозяйственного производства. Нам хотелось бы сослаться на работы Колина Кларка. По его подсчетам, в распоряжении человечества есть 7,7 миллиарда гектаров условной пахотной земли, а если исходить из максимального эквивалента, то эта площадь увеличится почти до 11 миллиардов гектаров. В этом случае можно будет прокормить 47 миллиардов человек. Хотя расчеты Кларка и носят сугубо абстрактный характер, так как освоение новых земель требует фантастических сумм, здесь важно другое — показана перспектива решения мировой продовольственной проблемы по крайней мере в принципе.

Единственный фактор в предлагаемой западными исследователями модели мира, который требует более серьезного анализа, — это истощение природных ресурсов.

Совершенно непреложным является тот факт, что человек не может бесконечно долго черпать ресурсы земного шара хотя бы потому, что их будет становиться все меньше и они будут стоить все дороже. Даже безотходная технология с рециркуляцией природных ресурсов требует определенных дополнительных поступлений ресурсов из-за неизбежных производственных и эксплуатационных потерь, а также из-за роста потребностей человека.

Поэтому не исключено, что в будущем начнет развиваться и другое направление рационального использования природных ресурсов, основанное на переключении технологии с невозобновляемых на возобновляемые природные ресурсы. Вероятно, и это подтверждается современной практикой, человечество с помощью достижений науки и техники будет все шире и шире использовать в своей производственной деятельности материалы и вещества, созданные живой природой, такие, например, как фито-, зоо- и микробиомасса. Естественно, что для гармонии общества с природой человек должен научиться лучше использовать солнечное тепло и управлять процессом фотосинтеза. Возможно ли это? Да, вся предыдущая история человечества свидетельствует, что нет задач, которые человек не мог бы решить. Совершенно очевидно, что решение проблемы окружающей среды — это не кампания, а длительный процесс изменения отношений между человеком и природой и выработки новых экологических концепций.

Все чаще за рубежом высказывается мнение о необходимости международных мер по ограничению развития, по контролю за развитием технологии и по контролю за ростом народонаселения. На этот путь становится и Ф. Тойнби, убеждая потомков в необходимости «сравнительной простоты жизни». Он рассуждает как представитель промышленно развитой страны, построившей, кстати, свое благополучие на использовании богатств колоний. Буржуазные идеологи щедры на советы развивающимся странам Азии, Африки, Латинской Америки...

Но дело не в том, какую альтернативу развития стран «третьего мира» предпочитают буржуазные идеологи. Вопрос в другом: нужно ли вообще торможение развития для решения проблем окружающей среды? Ответ может быть лишь отрицательным.

Только технология дает человеку возможность в современных условиях добывать необходимые ему средства для жизни. И только соответствующим образом измененная технология дает возможность решить проблему окружающей среды. Ключ к решению экологических проблем в развивающихся странах — ускоренная индустриализация на основе передовой технологии, передовых способов использования природных ресурсов, и в этих условиях процессы «передачи технологии» развивающимся странам должны быть скорректированы экологически, чтобы они не повторяли ошибок индустриально развитых стран.

Как бы то ни было, позиции крайнего пессимизма и безудержного оптимизма при решении рассматриваемых проблем довольно бесплодны. Суть дела заключается в конструктивной работе. Технологические возможности современной цивилизации громадны. Человечеству по силам эти не легкие задачи. Решить проблему защиты окружающей среды можно не путем торможения роста науки и техники, а, напротив, благодаря их всемерному развитию и прогрессу социальных отношений.

Д. ГВИШИАНИ,
член-корреспондент АН СССР;

К. АНАНИЧЕВ,
кандидат экономических наук

Пейзаж XX века.

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

СТАРОСТЬ — ТАКОЙ ЖЕ РАВНОПРАВНЫЙ ЭТАП ЖИЗНИ, КАК МОЛОДОСТЬ И ЗРЕЛОСТЬ

ФРАНЦУЗЫ назвали этот возраст третьим, как бы подчеркнули, что он такой же равноправный этап жизни, как молодость и зрелость. А еще задолго до французов великий Авиценна говорил не «старик», а «человек, продвинутый в годах», то есть не просто равный, но еще и имеющий право на социальную привилегию.

Об Авиценне вспомнил советский социолог профессор Б. Петров, и эта фраза сразу облетела конгресс — IX Международный конгресс геронтологов, при котором работал социологический симпозиум. Симпозиуму вообще импонировали выступления Петрова. В одном из них он сравнивал старость с Девятой симфонией Бетховена, где трагическая тема идет в сопровождении мелодии радости и надежды. В другом призвал бороться с «пессимистической традицией старости».

Тут следует оговориться, что слова «старик», «старость» употребляются весьма условно, как известно, по принятой ныне градации возраст старости наступает лишь в 75 — через 15 лет после того, как приходит пенсионный рубеж для мужчины, и через 20 — для женщины. Но тем не менее точкой отсчета являются именно 60 лет — грань, за которой возникают многочисленные проблемы «третьего возраста». Первая из этих проблем — надо ли выходить на пенсию.

За долгие годы вырабатывается ритм, или, как сейчас принято говорить, «динамический стереотип», который трудно изменить. Ломка принятого образа жизни не проходит бесследно. По данным социологов Академии медицинских наук СССР, с выходом на пенсию ухудшение здоровья отмечают 55 процентов мужчин и 60 — женщин. Примечательно, что особенно плохо переносит «пенсионную болезнь» люди, страдающие сердечно-сосудистыми заболеваниями: три четверти обследованных женщин-рабочих жаловались, что после того как они покинули производство, у них стало хуже с сердцем. Дурное настроение, апатия, неудовлетворенность жизнью — все это неработающие пенсионеры испытывают в два с лишним раза чаще, чем те, кто продолжает трудиться.

Значит, полный отдых не лучший способ борьбы с усталостью? Но ведь и по-прежнему работать тяжело. Что же делать? Очевидно, видоизменять, приспосабливать условия труда специально для пожилых. Да, работнику пенсионного возраста трудно выполнить норму 20-летнего соседа. Но зато качество его продукции, как правило, выше, а дисциплина лучше. Значит, не беда, если дать ему возможность работать неполный день или через день; наверное, можно было бы разрешить пенсионеру более свободный режим, дополнительный интервал в течение дня или удлиненный обеденный перерыв.

Пожилые нуждаются в нас — в обществе молодых и зрелых, активных, живых, деятельных людей. Отрыв от нашей кипучей жизни грозит им многими бедами: теряются накопленные годами контакты, сокращается поток информации, исчезают привычные интересы. Так приходит ощущение одиночества, депрессия, хандра. Но и мы нуждаемся в людях «продвинутых в годах». В их опыте, знаниях, в их углубленном осмыслении жизни. Необходимо совместить общие интересы, создать пожилым людям возможность для творческой и деловой активности.

«Тут только важно не допустить нивелировки, дифференцировать подход к использованию труда пенсионеров» — так говорит доктор медицинских наук Н. Н. Сачук, которая много лет занимается социальными проблемами старения в Киевском институте геронтологии.

Состояние здоровья человека, его отношение к труду, его психологическое самочувствие, семейное положение, необходимость дополнительного заработка — с одной стороны, а с другой, — потребность в специалистах его профессии, дефицит рабочей силы в данном районе — да мало ли факторов, которые нужно знать, чтобы правильно посоветовать человеку, что ему делать, когда он обрел право не делать ничего! Профориентация для стариков, считает Сачук, ничуть не менее важная проблема, чем для подростков. К сожалению, пока еще мало что делается для ее решения.

Более того, задача — работать или не работать — предоставлена целиком самому пенсионеру, то есть лишена не только научного подхода, но даже простой объективности. Ибо установлено, что только половина людей пенсионного возраста более или менее правильно определяет состояние своего здоровья, вторая половина его либо недооценивает, либо переоценивает. А Эдиот Шанас, американский социолог, изучавшая проблемы старости в нескольких странах Европы и Америки, сделала и еще одно важное наблюдение: пожилые люди одного возраста и одинакового по всем показателям здоровья по-разному оценивают свое состояние. В то время как одни считают себя тяжело больными и немощными, другие попросту не обращают внимания на те же самые недуги и на вопросы о здоровье отвечают: «В полном порядке».

Значит, оценку здоровья пожилых должны давать специальные консультации. Или, например, могли бы стать гериатрические кабинеты, которые сейчас открываются при поликлиниках. Кабинетов еще мало. А между тем роль их в жизни стариков должна стать весьма значительной. Например, пропаганда знаний о профилактике старения. Кстати, эти знания не помешали бы и людям, далеким пока еще от «третьего возраста».

Во время конгресса нам показали фильм о Шираали Миталибове. Мы увидели, как самый старый человек на земле работает, отдыхает, ест простую пищу. Потом в кадре появился молодой кинооператор, он все время сновал вокруг прославленного старца, совершал множество лишних движений, перебегал с места на место. Старик внимательно приглядывался к юноше, наконец позвал его и спросил: «Что ты все мечешься туда-сюда, туда-сюда? Лучше сядь, подумай, выбери место, откуда тебе лучше щелкнуть. А потом стань и щелкни».

Примерно в то же самое время молодой социолог из Вены Леопольд Розенмайер давал интервью журналистам: «В наш век урбанизации, интенсивных ритмов жизни, нервно-эмоциональной напряженности, — говорил он, — особое значение приобретает борьба со стрессами. Подчас мы стремимся выполнить дело в меньший срок, чем оно того требует. Или расходуем на работу в десятки раз больше энергии, подчиняясь одной лишь необдуманной суетности. Все это, несомненно, ведет к преждевременному старению».

Результаты науки, так сказать, совпали с выводами практики. Хорошо бы об этом думать тогда, когда еще не поздно перерабатывать знания в опыт.

Мы уже говорили, что в пожилом возрасте трудно сохранять контакты с обществом. Приглядитесь к старому человеку: ему тяжело пойти в гости — болят ноги, он не может принять участие в общем разговоре — плохо слышит, ему трудно читать — подводит зрение. Сколько часов практически здоровой старости отравлено из-за того, что возраста не приобретена подходящая обувь, очки, слуховой аппарат! Это тем более обидно, что в нашей стране сделано очень много, чтобы пожилые люди не испытывали страданий от возрастных недугов. Но как же тяжело порой старому человеку выстаивать в очередях в поликлиниках, аптеках, ортопедических мастерских! А ведь, наверное, совсем нетрудно было бы организовать при тех же гериатрических кабинетах дежурства работника слуховой лаборатории, сотрудника оптического отдела районной аптеки, приемщика ортопедической мастерской. Сколько сил и душевных, и физических, сохранило бы это пожилым людям! Насколько полноценнее были бы их социальные контакты, радостнее отношение к жизни, меньше поводов для старческой депрессии!

О стариках следует подумать работникам нашего сервиса. Необходимо организовать так называемую «службу на колесах». Исследования, проведенные в Киеве, показывают, что пожилые люди больше всего нуждаются в доставке продуктов и готовых обедов на дом.

В то же время уход за немощным человеком — это, конечно, прежде всего компетенция медицинских работников. Что если создать службу медсестер на хозрасчетных началах? За определенную плату к пожилому клиенту приходит медсестра, она помогает ему в гигиенических процедурах, делает инъекции, мерит давление, собирает на прогулку... В случае легких недомоганий помогает с ними справиться сама — дает капли или ставит горчичник; в более серьезных случаях вызывает врача. Такой регулярный присмотр, несомненно, повысил бы тонус у старых людей, придал бы им бодрости и уверенности. В какой-то степени, возможно, помог бы избавиться от чисто старческих особенностей психологии: страха перед беспомощностью, боязни одиночества.

Здесь, конечно, читатели вправе будут спросить: что же это я совсем ничего не говорю о самых близких людях стариков, они ведь живут чаще всего в семьях? Ну, во-первых, не всегда, — есть и одинокие. А кроме того, давайте посмотрим реально: могут ли сегодня обеспечить пожилому человеку нормальный полноценный уход его взрослые дети? Ведь они — сыновья или дочери — работают, у них есть уже свои дети, которые требуют и ухода, и воспитания, и поддержки в учебе. От старого человека, как правило, ожидается помощь: времени и внимания на него самого — будем честны — не хватает. А он чем старше, тем больше нуждается и в том, и в другом.

Где же выход?

Многочисленные наблюдения, например, Леопольда Розенмайера в Вене убеждают в следующем: как только старики и их взрослые дети перестают сталкиваться на поприще общего хозяйствования, как только контакты их перестают быть вынужденными, так сразу же улучшаются взаимоотношения, прекращаются конфликты, а встречи становятся желательными и радостными. Вот это, по-видимому, и есть наилучший — во всяком случае в перспективе — выход из положения. Старики должны жить отдельно, но при этом недалеко от молодых. В некоторых странах строятся сразу двойные квартиры: одна — для молодых членов семьи, другая — для пожилых. Есть интересные архитектурные решения этой проблемы и у нас: в некоторых домах Новых Черемушек предусмотрены однокомнатные квартиры для бабушек и дедушек рядом с квартирами детей и внуков. Такая близость жилья дает им возможность помогать молодым семьям и вместе с тем пользоваться их помощью. Пока, правда, дома эти в основном только в проектах. Но и при распределении жилплощади, и при обмене квартир хорошо бы стремиться именно к такому варианту: поселять старых членов семьи недалеко от молодых, это психологически улучшит отношения. Но, конечно, не решить многочисленных проблем ухода за стариками, если... если не приступить к выполнению программы бытовой и медицинской помощи на дому, о которой мы говорили выше.

К этой программе необходимо добавить и еще один пункт — организацию досуга. Экскурсии, путешествия специально для пенсионеров. Рубрики в журналах и газетах, что-нибудь вроде «Для «третьего возраста». Специальные радио- и телепередачи. Наконец, клубы для пожилых.

«Покажем озабоченному человеку, что есть искусство жить и стареть счастливо!» — сказал на конгрессе французский социолог профессор Дж. А. Хюз. Эту идею варьировал несколько осторожнее шведский ученый А. Делашо: «Мы должны создать базу для гармоничной старости».

База — это, конечно, прежде всего социальное обеспечение, пенсии, бесплатное лечение, дешевые лекарства, то, что у нас уже есть. База — это еще и вдумчивая систематическая помощь, она сейчас начинает развиваться вместе с развитием здравоохранения, вместе с увеличением объема бытовых услуг. Но база для счастливой, гармоничной старости — это еще и уважение, общественный престиж. Особенно важно привить детям это чувство — ответственности, заботливости, симпатии к старикам. Потребность помочь, оказать услугу, выполнить просьбу должна войти в кодекс нравственности и поведения нашей молодежи.

Голландский социолог Р. Дж. ван Зонневельд, давая мне интервью, много говорил о том, как старики нуждаются в участии детей. Потом вспомнил: «Я слыхал, в Советском Союзе во время войны были тимуровцы, которые помогали одиноким пожилым людям. И еще я видел фильмы о долгожителях: пионеры приходят к старикам, поют, танцуют, приглашают их на свои сборы. Как это прекрасно!». Я согласилась, но про себя подумала: а почему, собственно, такого внимания должны удостаиваться только долгожители?

Давайте же сделаем все, чтобы жили в радости, старели счастливо наши сограждане «третьего возраста» — многочисленный и быстро растущий слой людей. Ведь к концу десятилетия они составят в нашей стране 50, а к концу века — 80 миллионов человек. Впрочем, это будут уже не «они», а «мы»...

Ада БАСКИНА

ЗОНТИКИ — СПУТНИКИ ОСЕНИ... Фото А. ГЕРИНАСА, И. ЧЕРЕПЕННИКОВА, В. ПОЗДНЯКА

...ДОМ ОТДЫХА ДО КОНЦА ЖИЗНИ...

ЗАМЕТКИ О ПАНСИОНАТАХ ВЕТЕРАНОВ ТРУДА

ЭТА ЗАБОТА пришла ко мне с письмом давнего фронтового товарища. Мы служили со старшим лейтенантом Волковым в одном батальоне, и, хотя он намного старше, война сдружила нас. Иван Иванович сразу после победы уехал в родной Донбасс, там инженерил на разных заводах, а теперь уж давно на пенсии, как и супруга его Мария Михайловна. И вот письмо...

«Живем мы неплохо, — сообщал Иван Иванович. — Но возраст свой все более чувствуем, все труднее становится для нас даже простые домашние заботы... И знаешь, о чем мы думаем? Отдали бы мы пенсии свои и сбережения за то, чтобы поселиться в каком-нибудь тихом пансионате, где получили бы вместо теперешней двухкомнатной квартиры скромную комнатку, но зато каждый день был бы накрыт для нас стол, сделана уборка, в назначенный срок сменена постель...»

Пансионат... Общий дом для пожилых людей. Будет ли он благом для супругов Волковых? Не случится ли так, что сейчас они мечтают о нем, в переселившись, станут там тосковать и томиться?

Я искал, как разрешить мои сомнения. И вспомнил: в ленинградском Доме ветеранов сцены имени М. Г. Савиной живет знакомая мне по Дальнему Востоку театральная семья: заслуженная артистка РСФСР Лидия Петровна Булатова и режиссер Яков Ильич Вайсберг. Дом тот существует уже семьдесят лет, там — проверенный временем опыт...

И вот — просторный парк на Петровском острове и комната, в которой живут мои знакомые. Я вхожу и останавливаюсь в некотором недоумении... Мне казалось, я увижу что-то похожее на номер в гостинице со стандартной мебелью и неизбежным оттенком казенной холодности. Ничего подобного! Здесь царит совершенно домашняя обстановка: стоят те же вещи, что были у моих знакомых и раньше.

С волнением хозяев, которым хочется, чтобы гостю все у них понравилось, Лидия Петровна и Яков Ильич повели меня по корпусам актерского дома. Я видел уютные гостиные, холлы и интерьеры, на дверях жилых комнат, будто на дверях квартир, читал таблички с указанием имени, отчества, фамилии и почетного звания хозяев. С интересом рассматривал я в холлах и коридорах многочисленные макеты декораций, старые афиши... И спросил:

— А теперь вы связаны с театральной жизнью?

И в ответ услышал:

— Теснейшим образом! Театры приглашают нас на премьеры, генеральные репетиции и общественные просмотры. Все мы участвуем в деятельности Театрального общества.

Меня заинтересовало, каков распорядок дня в этом доме пожилых людей, и я узнал, что требует он лишь соблюдения тишины да опоздает время обеда, завтрака и ужина. В остальном живущие здесь свободно распоряжаются своим временем.

Был у меня и еще один вопрос, несколько деликатный... Известно, что с годами люди становятся более раздражительными, обидчивыми. Не возникают ли трения, конфликты?

— Нет! — решительно отвергал Яков Ильич. — Вы видите: дом большой, просторный. У каждого своя комната. Есть возможность уединиться. Или быть с тем, кто тебе мил, и не быть с тем, кто почему-либо несимпатичен...

Наш разговор закончила Лидия Петровна:

— Я от души желаю всем старикам, чтобы у них была такая же спокойная, чистая, разумная жизнь, какую мы имеем в нашем милом доме!

Так я получил исчерпывающий ответ на интересовавший меня вопрос.

Забота о том, как устроить свою жизнь на склоне лет, — одна из вечных человеческих забот. Отчего же ныне все больше пожилых людей обращаются к мысли о коллективных поселениях для ветеранов, в которых каждый имел бы свой «дом» и за всеми был бы общий уход?

У нас каждый трудоспособный член общества — будь то мужчина или женщина — может найти для себя в сфере общественного труда такое занятие, которое будет соответствовать его духовным интересам, знаниям, опыту и обеспечит ему материальный достаток. И остается немного людей, которые согласны целиком посвятить себя малопривлекательному домашнему труду даже в своей семье.

Вот откуда и возникает потребность в общественном обслуживании престарелых и нетрудоспособных. Организация такого обслуживания все более становится у нас объективной необходимостью. Необходимостью, конечно, на в том смысле, что всех вышедших из пенсию надо переселять в пансионаты — нет! Здесь все решается индивидуально и добровольно: одних пансионаты устроят, другим не подойдут. Наши законы бережно охраняют интересы людей, ушедших на заслуженный отдых.

Об объективной же необходимости можно говорить лишь в том смысле, что потребность в общественном обслуживании престарелых и нетрудоспособных возникает из реально существующих обстоятельств. В организации такого обслуживания заинтересованы и сами нетрудоспособные люди, и общество в целом. Общество заинтересовано экономически, но здесь, как и во всем другом, социалистическая экономика и социалистическая мораль действуют вместе, в одном направлении. Советским людям свойственно с чувством глубокого уважения относиться к тем, кто создавал и укреплял наше государство и защищал его в боях. И это благородное чувство находит свое выражение, в частности, и в организации общественного обслуживания ветеранов.

Вместе с тем коллективное обслуживание престарелых дает возможность сэкономить общественный труд. Вспомним, например, что в старости человек иногда бывает надолго обречен на неподвижность. Семьи, в которых есть больные, годами прикованные к постели, знают, с какими это связано трудностями...

И вот появляется возможность устроить нуждающегося в постоянной помощи человека в расположенном где-то поблизости пансионате, в отдельной или двухместной комнате, где за ним будет уход и медицинское наблюдение; в этой комнате можно создать обстановку, близкую к домашней.

Да, такая возможность существует. В 1967 году было принято решение о дальнейшем значительном расширении сети домов престарелых и инвалидов, а также о создании платных пансионатов для пожилых граждан. Руководствуясь этим постановлением, Московский городской отдел социального обеспечения открыл прошлой осенью первый такой пансионат.

Рассказывает заместитель директора пансионата А. М. Степанов:

— Вошедший в строй первый корпус рассчитан на 537 жильцов. Пять этажей отведены для пожилых людей, не нуждающихся в постельном режиме, в остальных лежат больные. В доме имеются комнаты одноместные и двухместные. Жильцы, занимающие одноместную комнату, платят 95 рублей в месяц, двухместную — по 79 рублей каждый. Все медицинское обслуживание, разумеется, бесплатное...

Мы ходим по пансионату. Я вижу светлые комнаты; в каждой одна стена целиком из стекла и с выходом на просторную лоджию. У каждой комнаты — свои ванна и туалет. На верхних этажах — обширная библиотека, уютная столовая.

Впрочем, не все еще в этом огромном — 12 этажей — корпусе совершенно, не все ладно устроено (скажем, мало одноместных комнат, а спрос на них велик). Но важно, что первый платный пансионат для ветеранов труда родился и, несмотря на все его несовершенства, уже принес облегчение многим. С удовлетворением говорили мне старые люди о том, что не нужно им бегать по магазинам за продуктами, стоять у плиты, делать уборку, что каждый их день подчинен теперь точному распорядку и всегда есть рядом дежурная медицинская сестра и постоянный, знающий своих пациентов врач...

Словом, вопрос о том, жизнеспособны ли платные пансионаты ветеранов труда, решен и забота теперь такая — как начатое дело развивать и совершенствовать.

Какими же мы быть, этим пансионатам? Прежде всего хочется пожелать, чтобы они создавались не только при отделах социального обеспечения, но и при министерствах, ведомствах, творческих союзах, крупных промышленных объединениях: то есть чтобы были платные пансионаты, скажем, для нефтяников, или моряков, или художников, или военных и т. д. И дело не только в том, что равные ведомства возьмут шефство над домами ветеранов их отрасли, помогут им в разных текущих нуждах. Важно и то, что пожилые люди, находясь среди давних товарищей по труду, по профессии, не будут чувствовать себя оторванными от дела, которому отдали жизнь.

Необходимо более вдумчиво разработать типовые проекты зданий для пансионатов, рассчитанных на разное число мест. И хорошо бы предусмотреть в пансионатах какие-то рабочие комнаты, может быть, мастерские или лаборатории — опять-таки с учетом прежних профессий большинства ветеранов.

Надо позаботиться также о подготовке и подборе персонала. Эта проблема требует специального разговора, а здесь я поделюсь лишь одним наблюдением... В Химкинском пансионате сотрудники говорили мне о своих подопечных в третьем лице: «она», «они», «им». В общем-то с точки зрения грамматики все было правильно. Но... Хотя и известно, что молодой человек, глядя на старого и немощного, часто бывает искренне убежден, что с ним «этого не случится», все-таки хотелось бы, чтобы люди, работающие среди ветеранов, говорили — и думали! — о них иначе, в первом лице: «Мы с годами становимся (такими-то)...», «Нам, чем мы старше, тем труднее угодить...»

...Мне хочется завершить эти заметки словами великой русской актрисы М. Г. Савиной, которые я прочитал у входа в основанный ею Дом ветеранов сцены: «Убежище для престарелых актеров — не богадельня, а дом отдыха до конца жизни художников сцены, которые на право этого отдыха заплатили вперед, отдав все силы, здоровье на служение искусству. В этом убежище они должны найти покой и нежное, бережное отношение на свой труд».

Думается, что содержащаяся в этих словах мысль равно относится к ветеранам труда всех профессий.

Владимир РАБИЧЕВ

РЕКОРДЫ ДОЛГОЛЕТИЯ

С интересом прочитал статью Б. Урланиса «Дни нашей жизни. Сколько их?» («ЛГ», № 14, 1972). Имея в виду, что 70 лет — средняя продолжительность жизни человека в нашей стране, хотел бы подробнее узнать, из чего эта цифра складывается. Вернее, одна сторона дела как будто ясна. Известно, что успехи нашего здравоохранения привели к резкому уменьшению детской смертности. А сейчас меня (думаю, что я не одинок) интересует еще и другое: много ли у нас долгожителей, то есть тех, кто уже отметил вековой юбилей? Только ли в Закавказье они живут? Увеличивается ли средняя продолжительность их жизни? Хотелось бы знать мнение нынешней науки по этому вопросу.

Е. БОГУЛЯ

ХАРЬКОВ

Это письмо мы попросили прокомментировать научных сотрудников кафедры народонаселения МГУ А. Квашу и И. Калинюк.

В литературе упоминается случай, когда англичанину Фоме Карне, родившемуся, согласно официальным записям в церковных книгах, в 1588 году, удалось прожить 207 лет. За это время в Англии сменилось 12 королей. Фома Карне поставил своеобразный рекорд долголетия. И. И. Мечников в 1904 году сообщил о не менее уникальном примере долгожительницы — осетинки Тенсе Абалова, возраст которой исчислялся 180 годами. Чем больше подобных примеров, тем обоснованней становится надежда человека на долгие годы жизни.

По данным переписи населения 1897 года, в России насчитывалось 15,3 тысячи человек, которым исполнилось 100 лет и больше. В 1926 году их уже было около 30 тысяч.

Увеличение числа долгожителей свидетельствовало о потенциальной возможности расширить пределы обычной продолжительности жизни человека. Вдохновленные этим, многие геронтологи отодвинули их до 100 лет. «Мы твердо верим, — писал русский физиолог И. Тарханов, — что наступит, наконец, такое время, когда стыдно будет умирать человеку раньше 100 лет». А такие видные ученые, как И. И. Мечников и А. А. Богомолец, считали пределом человеческой жизни 150—160 лет. Некоторые геронтологи полагают, что и это не «вечер», что жизнь человека можно продлить до 600 и даже более лет. Но для ближайшего столетия, считают специалисты, реальны цифры 120—160. «Такой возраст, — пишет биолог В. Н. Никитин, — не является невозможным, и это видно уже из того, что даже в прошлое и настоящее время имеется достаточное число людей, достигших 120 лет и более».

Не будем подвергать сомнению эту гипотезу. Остановимся лучше на второй части вопроса: о числе людей, уже сегодня достигших 100—120 лет.

Чтобы статистика поверила в существование того или иного массового явления или закономерности, оно должно проявиться достаточно большим количеством случаев и, что очень важно, быть достоверным. Сколько же сейчас долгожителей в мире и где их больше всего? Международные публикации о числе лиц в возрасте 100 лет и старше показывают, что в США в 1950 году на 100 тысяч жителей (только белое население) их приходилось в среднем 1,5; в Англии (1951 год) — 0,6; во Франции (1946 год) — 0,7; в Японии (1950 год) — 0,7. Необходимо добавить к этому, что в США среди «небелого» населения долгожителей почти в четыре раза больше, чем среди белых.

В нашей стране каждый четвертый долгожитель из Закавказья. Почти совсем нет столетних в Прибалтике. Основная масса переживших век не горожане. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 года (подробные данные переписи 1970 года еще не опубликованы), на каждые 100 тысяч жителей в сельской местности приходится 16 человек, которым исполнилось 100 лет и более, а в городской — всего 4. При этом следует сделать еще одну оговорку: на 100 тысяч женщин, проживающих в сельских районах, приходится 21 долгожительница, а на 100 тысяч мужчин — 9. Обследование долгожителей Грузии показало, что 70 процентов из них постоянно живут в селе.

В Закавказье не только вообще больше долгожителей, чем в других районах страны, но среди них достаточно солиден процент тех, кому «за 120». В Азербайджане их 9 процентов, в Грузии и Армении — 5,5. А вот в республиках Средней Азии эта цифра колеблется от 1,7 процента в Казахстане до 0,4 процента в Узбекистане. Из прибалтийских республик лишь в Литве зарегистрированы случаи, когда человек доживает до 120 лет, в Латвии и Эстонии таковых просто нет. На Украине и в Белоруссии население в возрасте 120 лет и старше составляет всего 0,1—0,2 процента всех людей в возрасте 100 лет и старше.

Итак, долгожителей и в самом деле больше всего на юге, в горных районах. Возможно, природные условия Кавказа благоприятствуют долгой жизни? Но почему же в Азербайджане и Грузии столь разные цифры? Почему в Якутской АССР на 100 тысяч жителей приходится в среднем 32 долгожителя, почти столько же, сколько в Армянской ССР? Может быть, дело не столько в географических и климатических условиях, сколько в трудностях статистического учета?

Для того чтобы определить возраст живущего человека, нужно, естественно, знать дату его рождения. Все эти данные сейчас фиксируются в метрических книгах, а в прошлом — в церковных. То, кому в 1959 году исполнилось 100 лет и больше, родились в первой половине XIX века. В это время учет населения в России был и неполон и неточен. Синодский указ от 13 мая 1824 года констатирует, что в Саратовской и других губерниях священники умерших и родившихся записывают не в день рождения или смерти, но на память или с показания семейств. Регистрация населения православных вероисповеданий отличалась еще меньшей точностью, особенно учет женского населения. Исключение составляла Прибалтика, где с давнего времени существовал строгий церковный учет всех.

Когда в прошлом требовалось узнать, сколько же человеку лет, ему или его близким варили на слово. А человек вполне может забыть точную дату своего рождения, особенно если она не совпадает с каким-либо крупным общественным событием, не отмечается и в общем-то никому не нужна. Отсюда — неминуемые ошибки в определении возраста. Статистики обратили внимание на своеобразное «кокетство» тех, кто родился очень давно: они склонны не убавлять, а напротив — приписывать себе годы, а то и десятки лет.

Когда возраст долгожителей проверяется «с пристрастием», число их, как правило, резко снижается. Обычно детальные проверки проходят во время переписей населения. Но во время переписи 1926 года уточнений по ряду обстоятельств провести не удалось. Поэтому в 1959 году, когда и учету подошли строже, долгожителей стало меньше, чем за три десятка лет до этого, — 22 тысячи человек. Таковы издержки точности в статистике. Надо сказать, что первоначально, со слов, число долгожителей в 1959 году тоже было завышено. Когда же ЦСУ СССР провело дополнительную проверку, основанную на изучении первичных документов (если таковые имелись), их стало на 22,5 процента меньше.

Еще раз подчеркнем, что оценка предельного возраста жизни человека должна быть определена геронтологами. Нам же, с позиции демографов, хотелось бы лишь еще раз обратить внимание на необходимость тщательной проверки возраста долгожителя, прежде чем восторженно сообщать о новом рекорде.

А. КВАША,
кандидат экономических наук,
И. КАЛИНЮК

ПЯТНА НА СОЛНЦЕ И ЖАРА НА ЗЕМЛЕ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ МЕЖДУ ЭТИМИ ЯВЛЕНИЯМИ?

СЕЙЧАС немало говорят и пишут о причинах столь необычной жары летом 1972 года, об основах предсказания погоды и о том, почему плохо оправдываются прогнозы. Это и понятно: многие этим летом оказались в условиях не ожидавшейся засушливой, изнуряющей погоды, затруднявшей не только быт, но и работу на производстве.

К сожалению, некоторые трактовки происхождения этой жары оказались односторонними и, как мне кажется, не затрагивающими главной причины аномалий погоды. Эта односторонность заключается главным образом в традиционном, чисто метеорологическом объяснении тех или иных особенностей погоды. Поэтому отрадно, что «ЛГ» в общих чертах познакомила читателей и с другими взглядами на эту проблему (№ 36, 1972). Уже из этого видно, что рассматриваемая проблема носит дискуссионный характер и разговор стоит продолжить.

Почему я обращаюсь с этим предложением в газету, а не в какой-либо специальный журнал? Дело в том, что обсуждение многих дискуссионных вопросов об основах методики прогнозов погоды только среди метеорологов оказалось замкнутым, а о необходимости пересмотра утвердившихся положений современной метеорологии — вообще безрезультатным. Метеорологам нужна помощь научной общественности, которая могла бы объективно оценить трудную ситуацию, сложившуюся в разработке методов прогнозов погоды и теории климата.

Главный вопрос дискуссии, которая идет среди метеорологов, — постоянно ли излучение Солнца или оно меняется со временем? Если да, то как быстро и намного ли? Могут ли эти долгопериодические и короткопериодические изменения излучения Солнца, называемые солнечной активностью, вызывать существенные изменения в нижней атмосфере, где образуются явления погоды? На эти вопросы до недавнего прошлого в метеорологических службах нашей страны и за рубежом отвечали обычно отрицательно, за исключением небольшого числа ученых, последовательно и настойчиво отстаивавших учение о существенном и даже решающем воздействии солнечной активности на погоду и климат. Доказать это было трудно не только из-за сложности самой проблемы, но и из-за преобладания в метеорологии традиционных, нередко ошибочных представлений о развитии атмосферных процессов.

Первым таким укоренившимся представлением было понятие о «солнечной постоянной», о том, что на верхнюю границу атмосферы всегда поступает одно и то же количество лучистой энергии Солнца. Теперь, однако, экспериментально установлено, что колебания «солнечной постоянной» могут достигать двух процентов и более. Эти изменения в свою очередь зависят от солнечной активности, определяемой по числу видимых пятен на Солнце, так называемых чисел Вольфа.

Тем не менее до сих пор еще некоторые ученые отрицают реальность непосредственных связей между погодой и нестационарностью, изменчивостью излучения Солнца. Так, в книге А. С. Монина «Прогноз погоды как задача физики», изданной в 1969 году, мы встречаем утверждения, «...что метеорологи вовсе и не нуждаются в гипотезе о влиянии солнечной активности на погоду», что наличие «связи между земной погодой и колебаниями солнечной активности... было бы для метеорологии почти трагедией, так как оно означало бы... что для прогноза погоды необходимо сначала давать прогноз солнечной активности; это чрезвычайно отдалило бы сроки создания научных методов прогноза погоды».

Так, игнорируя реальное и непосредственное воздействие солнечной активности на погоду, метеорологи оказались в стороне от главного направления научных методов прогноза погоды. В связи с этим уместно напомнить, что еще в 1882 году на эту опасность указывал А. В. Клоссовский. К сожалению, дальнейшее развитие метеорологии пошло по пути полного отрицания влияния солнечной активности на погоду и климат. В результате сложилось весьма странное представление, будто циркуляция в атмосфере происходит только за счет перераспределения внутренней энергии, без внешних импульсов. Однако в такой замкнутой системе, как воздушная оболочка Земли, системе, состоящей из вязкой среды, циркуляция атмосферы должна была бы, как известно, затухать через неделю или две за счет внутреннего и поверхностного трения... Видимо, все-таки понять закономерности «жизни атмосферы» без признания решающего значения солнечной активности в формировании погоды будет трудно, скорее всего невозможно.

Настройка антенны для приема сигналов с метеорологического спутника Земли

Фото Э. ЭТТИНГЕРА (АПН)

СЕЙЧАС определенные надежды на улучшение прогнозирования связываются с проведением «глобальных экспериментов» по исследованию атмосферных процессов. Нет слов, эти мероприятия будут, конечно, полезны для метеорологии и в целом для геофизики. Но... После проведения этих нескорых и дорогостоящих экспериментов, полагает директор Института физики атмосферы АН СССР академик А. Обухов («ЛГ», № 32, 1972), «ситуация настолько прояснится», что «окажется возможным прогнозировать общий ход погоды на всем земном шаре по крайней мере на два-три недели вперед». Прямо скажем, перспектива не очень отрадная: от метеорологов ожидают предвидения погоды на более длительные сроки. И насущная нужда заключается не в увеличении эмпирических данных, а совсем в другом. Разве сегодня нам не ясно, что имеющиеся теоретические схемы общей циркуляции атмосферы несовершенны не столько из-за недостаточности материалов наблюдений, сколько из-за ошибочности их отправных начал?

Выше мы уже говорили о недопустимости игнорирования эффектов солнечной активности при прогнозах погоды и в определении тенденций изменений климата. Но беда теоретической метеорологии этим не ограничивается. Есть и другие заблуждения. Было бы желательно поэтому организовать обсуждение сложившейся ситуации с приглашением физиков, астрономов, математиков и других специалистов, не обремененных прежними традиционными представлениями в метеорологии.

Неудачи в прогнозах погоды волнуют не только метеорологов, причастных к составлению прогнозов погоды, но и миллионы людей, все отрасли промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Отражением этого большого беспокойства служит статья «Солнечный ветер», опубликованная в газете «Сельская жизнь» 10 июня 1972 года. В этой статье речь идет о хорошей оправдываемости долгосрочных прогнозов погоды, составляемых на солнечно-метеорологической станции Горной Шории А. В. Дьяковым, и опять-таки обращается внимание на необходимость использования данных о солнечной активности при составлении прогнозов погоды.

В такой необходимости мы убеждаемся и на собственном опыте прогнозирования тайфунов и ураганов, а также других опасных явлений погоды. Такие опытные прогнозы мы начали создавать в 1967 году. Для этой цели в лаборатории солнечно-земных связей Гидрометцентра СССР ежедневно составляются синоптические карты солнечной активности, которые, как и метеорологические сводки, передаются по радио и телеграфу. В наших опытных прогнозах предсказывались тропические циклоны за несколько дней до их появления, а иногда даже за 20—25 суток вперед. Из числа многих удач отметим прогноз урагана «Агнесс», который был предсказан за четверо суток до его появления на картах облачности, снятых с метеорологических спутников.

НО ВЕРНЕМСЯ к засушливой погоде этого года и рассмотрим необычную активность Солнца в августе и в предшествующие месяцы. В газетах уже была опубликована информация ТАСС о наблюдавшейся в первой неделе августа исключительной активности Солнца, вызвавшей 4—5 августа очень сильную магнитную бурю. Об этом же недавно поступила информация из астрофизической обсерватории Боулдери (США), где сообщается, что в результате, как там говорится, солнечной «диверсии» произошли нарушения на линиях связи и высоковольтных передач. В этой информации сообщается также, что даже птицы в эти дни не могли уверенно ориентироваться в полете.

Очень интенсивная вспышка на Солнце произошла также еще в декабре прошлого года в активной области, которая в тот период находилась на невидимой с Земли стороне Солнца. Вероятно, несмотря на то, что максимум 20-го цикла солнечной активности, охватывающего период с 1964 предположительно до 1975 года, уже миновал, интенсивность солнечной активности остается пока очень значительной.

Для объяснения причин аномалий погоды необходимо, конечно, знать не только общие «климатические» характеристики солнечной активности, но и данные об интенсивности и расположении активных областей на Солнце на каждый день и час, знать их тонкую структуру и состояние межпланетной среды и магнитосферы Земли. В зависимости от того, каковы конкретно эти факторы, эффект воздействия солнечной активности на Землю и ее атмосферу будет сказываться по-разному.

Так, подготовительный процесс к жаркой и засушливой погоде лета 1972 года, по-видимому, начался еще задолго до наступления иссушающей летней жары. Каждый оборот Солнца вокруг его оси, составляющий 27 земных суток, выводил на видимый диск и на центральный меридиан Солнца наиболее возмущенные и горячие участки, которые оставляли свой «след» на Земле. Например, огромная активная область на Солнце с общей площадью более 1,5 миллиарда квадратных километров и локальный источник радиоизлучения с очень высокой яркостной температурой (около 900 тысяч градусов) прошли через центральный меридиан Солнца 4 августа, вызвав различные необычные явления в природе. В этот же период произошло образование тайфунов «Алис», «Целеста» и «Бетси». В момент прохождения этой активной области через центральный меридиан Солнца в предыдущем его обороте, то есть 7—8 июля, образовались очень интенсивные тайфуны «Рита», «Сьюзен» и «Тэсс». А в июне, вскоре после прохождения этой активной области, тогда еще только зародившейся, через центральный меридиан Солнца, образовался знаменитый ураган «Агнесс», причинивший столь большие бедствия восточным штатам США.

Большие энергетические контрасты между пятнами с относительно низкими температурами и областями неподалеку от пятен, где яркостные температуры высоки, определенно благоприятствуют формированию в атмосфере Земли чередующихся между собой очагов относительной прохлады и тепла, относительно влажной и сухой погоды, ориентированных вдоль меридиана. Что касается того факта, что эти очаги жары и сухости нередко «привязаны» к определенным физико-географическим районам, его трудно объяснить без учета некоторых земных факторов. Здесь мы сталкиваемся с еще менее изученным явлением: на атмосферу воздействуют не только поверхностные слои Земли, но и более глубокие ее слои, процессы, происходящие в земной коре и, возможно, глубже. Косвенные признаки такого воздействия уже обнаружены, необходимы дальнейшие исследования этой важной для нас проблемы.

ИТАК, чтобы предвидеть развитие процессов в атмосфере, чтобы ответить на вопрос, какая будет погода и как изменится климат, надо иметь сведения не только о деятельности Солнца, но и о процессах, происходящих в недрах Земли. Попытки же истолковать причины аномалий погоды лишь особенностями циркуляции атмосферы, объяснить обилие дождей их синонимами — циклонами, в сухость — антициклонами не в состоянии вскрыть суть процесса погодообразования. Надежду решить проблему прогноза погоды и изменений климата только на метеорологической основе пора уже оставить.

Р. УСМАНОВ,
старший научный сотрудник лаборатории солнечно-земных связей Гидрометцентра СССР

ОЛИМПИАДА: СПОРТ, ПОЛИТИКА

ЗАКОНЧИЛИСЬ XX летние игры. Взъерошенный Мюнхен, две недели подстегивавшийся олимпийским допингом, вновь приспосабливается к забытому ритму нормальной жизни. Из глухих окрестных селений возвращаются «антиолимпийцы», презревшие суету праздника. Стало пусто в кафе, ресторанах, отелях.

Игры закончились, но комментарии к ним — в разгаре. Пожалуй, ни одни игры не вызывали такого накала страстей на спортивных площадках, на трибунах да и во всем мире.

Ярок был праздник открытия. Незабываемы спортивные состязания. Ошеломляющи рекорды. Красота физического совершенства, притягательность силы и ловкости покорили миллионы телезрителей. XX Олимпийские игры вновь подтвердили важное значение мирного состязания людей в духе взаимопонимания и дружбы между народами.

Пожалуй, никогда прежде на играх не проявлялось такого интереса к спортсменам из социалистических стран и в первую очередь из Советского Союза, как в Мюнхене. Когда я разговаривал на эту тему с немцами, как правило, слышал в ответ: «Наконец-то в Европе стало побеждать доверие друг к другу».

Иной раз это ощущалось почти физически. На трибунах стадиона, на мюнхенских улицах к советским олимпийцам подходили люди и спрашивали: «Кто из вас говорит по-немецки?», задавали многочисленные вопросы.

В Мюнхене ребят из Советского Союза принимали очень неплохо. И на открытии Олимпиады, и во время спортивных выступлений десятки тысяч людей аплодисментами встречали советских атлетов. За нас часто «болели» (если, конечно, своих не было рядом). Такое внимание и интерес были двоякого рода: к нашей стране и к нашему спорту. Многие спортивные обозреватели, отметив лидирующее положение команды СССР на Олимпиаде, сразу же назвали причину этого: всестороннее развитие массовой физической культуры в условиях социализма.

Подчеркивалось и другое обстоятельство — наши атлеты сравнительно ровно выступали в самых разных видах спорта и на состязаниях, защищая спортивную честь Родины, проявляли высокий моральный дух. Многие из них стали героями Олимпиады и любимцами публики. На соревнованиях по гимнастике двенадцать тысяч болельщиков так бурно переживали за Олю Корбут, что журнал «Штерн» назвал реакцию зрителей «настоящим объяснением в любви». Валерий Борзов был объявлен не только «самым быстрым человеком в мире», но и «подлинным сувереном», который побеждал легко, красиво и убеждающе. Мюнхенская газета «Абендцейтунг» писала о «триумфе могучей спортивной нации, которая достигла почти всего, чего можно достичь».

Местная пресса отметила успешные выступления спортсменов стран социализма, которые далеко обошли команды многих ведущих капиталистических государств. По существу, все газеты — даже правые — подчеркнули огромный успех спортсменов ГДР. Команда немецкого социалистического государства заняла прочное третье место на играх после Советского Союза и США. Если учесть, что состязания происходили в Мюнхене, на глазах у всего населения ФРГ (а в эти дни, согласно данным опросов, 98 процентов западных немцев следили за Олимпиадой по телевидению), то этот успех подтверждает не только высокий уровень развития спорта в ГДР, но и его принципиально новое общественное содержание.

В двухнедельном марафонском печатном, радио- и телерепортаже из Мюнхена убедительно звучало торжество олимпийской идеи мира.

Однако в общем мажорном хоре явственно прослушиваются весьма минорные нотки. Причем речь идет не просто о реакции проигравших. Куда сложнее вопрос: с чем связаны порой спортивные победы или поражения?

ЗОЛОТОЙ ИСКУС

В публикуемых здесь газетных статьях, радио- и телеинтервью, в частных беседах часто обсуждается вопрос: какие надежды связывает спортсмен со своей победой, что приносит олимпийская медаль его будущему? При всем различии мнений явственно звучит признание: для многих на Западе олимпийская слава — это прежде всего путь к обеспеченному будущему. Местные обозреватели и не пытаются скрывать, как часто дух предпринимательства, наживы витает под сводами спортивных залов и сооружений.

Американец Марк Спитц «взял» семь золотых медалей. Спору нет, он пловец высокого класса. Но доставляет ли ему удовольствие спорт? Быть может, раньше это и было так. Сейчас вряд ли. Сам он заявил журналистам:

— После Мюнхена бросаю плавание. Это чертовски трудное дело. Цель достигнута, и теперь — баста.

«Когда Марк Спитц вернется домой,— пишет по этому поводу журнал «Спорт-иллюстрирте»,— он обогатится. И очень скоро окажется где-нибудь на кино- или телестудии. В этот момент Марк Спитц и начнет делать из олимпийского золота деньги. Точно так же, как 30 лет назад это делал Джонни Вайсмюллер».

В свое время Вайсмюллер был знаменит еще больше, чем Спитц сейчас. На играх 1924 и 1928 годов он поставил 22 мировых и 5 олимпийских рекордов. После этого он снимался во многих фильмах о Тарзане, выступая в заглавной роли. Теперь очередь за Марком Спитцем.

Плавание было, пожалуй, главным козырем американцев.

«Мы настолько сильны в плавании, что другим и близко не подойти»,— писали американские газеты. Действительно, гимн США чаще других звучал под сводами плавательного бассейна. Пловцы у этой команды отличные. Казалось бы, плавай и радуйся своим победам. Но к чему, в таком случае, допинг? А ведь американец Рик Демон, как известно, был уличен на медицинском контроле после заплыва на 400 метров вольным стилем в том, что прибегал к допингу. В результате пловцу предложили вернуть золотую медаль.

Печальные последствия допинга познал не только Рик Демон, но и голландские велосипедисты, когда за это же прегрешение была дисквалифицирована вся их команда. Ард ван ден Хук, а заодно и трое ни в чем не повинных спортсменов остались без медалей.

— Ребята лишились больших денег. Ведь парней уже брали в профессионалы! — воскликнул по этому поводу с огорчением один голландский журналист.

О деньгах во время игр говорилось не меньше, чем о рекордах. Только успели начаться соревнования по баскетболу, а в газетах и журналах уже подсчитывались будущие заработки американских баскетболистов. «Спорт-иллюстрирте» писал в эти дни:

«Еще ни разу ни одна команда, кроме американской, не выигрывала олимпийский турнир по баскетболу. И на сей раз она фаворит. Американские профессиональные клубы каждые четыре года выуживают лучших любителей из олимпийской команды». И далее следует рассказ о том, как легендарный Вильт Чемберлен из Лос-Анджелеса за два года заработал миллион долларов. Ровно столько же получил Спенсер Хейвуд, звезда олимпийской команды США 1968 года. Такую же сумму пророчат сейчас и Джеймсу Бреверу из Миннесоты. Говорят, что спортсмен уже «закуплен» самым богатым клубом профессионалов «Кливленд Кэвэлирс». Два года назад этот клуб выпустил акций на сумму в 2,25 миллиона долларов. Их расхватали в течение 36 часов. (Правда, буквально в последние секунды заключительной встречи с советскими баскетболистами американцам все же пришлось уступить «золото» нашим ребятам, но тем не менее «долларовый привкус», неизменно сопровождающий звезд заокеанского баскетбола, отнюдь не рассеялся после этого поражения.)

Золотая медаль Олимпиады — самая дорогая и благородная награда спортсмену. И как тускнели у многих честных ребят глаза, когда западные журналисты порой бесцеремонно спрашивали их, сколько она принесет им денег.

«ПОЛИТИКИАДА»

Мюнхену очень хотелось, чтобы состязания на его земле были «веселыми играми». Ради этого не жалели денег. Мюнхену нужно было приобрести новый образ, чтобы заставить своих гостей забыть прошлое баварской столицы. Олимпиада должна была стать визитной карточкой нового, человечного Мюнхена. В своих усилиях одни были искренни, другие думали лишь о политических выгодах. Различия в подходе к этому вопросу как бы растворялись в предпраздничном ажиотаже, но зато обострились в дни происшедшей трагедии.

Трагедия, разыгравшаяся в Олимпийской деревне, сбросила с многих лиц фальшивые маски.

Участники игр были едины в своем порыве к солидарности и единству в борьбе за сохранение мира, за взаимопонимание между спортсменами и народами всех стран.

«Не дадим восторжествовать ненависти — этой разрушительной силе!» Казалось, не должно было быть человека, который не разделял бы этого призыва, стихийно выплеснувшегося на трибуны стадиона. Казалось... Но чья же рука с таким упорством подбрасывала провокационные листовки на встречах делегаций социалистических стран? Кто же так ухищренно регулярно рассовывал антисоветскую стряпню среди спортивных сообщений в правой прессе, делая это специально для тех, кто не читает ничего, кроме спортивной хроники?

Некоторые реакционные политиканы постарались использовать трагические события в Олимпийской деревне для новых яростных нападок на федеральное правительство. Так, шпринговский «Бильд» из номера в номер «подбрасывал» своим читателям одну и ту же мысль: на Олимпиаде, как и во всей стране, нет порядка. Правительство не в состоянии его обеспечить. Значит... надо сменить правительство.

7 сентября «Бильд» опубликовал — огромными черными литерами через всю страницу — «7 вопросов федеральному канцлеру. «Бильд» требует, чтобы канцлер Брандт ответил, почему погибли израильские спортсмены!». Уже в самой постановке вопросов заложено обвинение против правительства, хотя издателям «Бильда» было хорошо известно, что «высшую ответственность» за операцию на аэродроме Фюрстенфельдбрук нес министр внутренних дел Баварии Мерк, представитель партии ХСС. Об этом прямо заявил министр внутренних дел ФРГ Геншер:

— Федеральное правительство не несло никакой ответственности за введение в дело снайперов, оно имело лишь совещательный голос.

Заявление Геншера приведено в мюнхенской газете «ТЦ». Оно известно всей прессе. Но что «Бильду» до всех заявлений?! Передергивая факты, журнал задает канцлеру полный яда вопрос: «Кто отвечает за то, что ночью на аэродроме была открыта стрельба, хотя баварский министр внутренних дел Мерк сам сказал: из-за плохой видимости риск невероятно возрос?».

Так разжигались подозрения, так отравлялась атмосфера, так спекулировали на несчастье некоторые политиканы.

Противники улучшения обстановки в Европе пытались организовать в дни Олимпийских игр свою «политикиаду». И если они не преуспели в своем нечистом начинании, то лишь потому, что идеи мира, взаимопонимания и дружбы между народами пользуются поддержкой бо́льшей части человечества. Верность олимпийским идеалам сплотила в эти дни участников игр.

Я разговаривал с многими немцами. Спортсмены, журналисты, общественные деятели с неодобрением оценивали попытки отравить атмосферу Олимпиады. Они просили передать советским людям, что не разделяют злопыхательства «вечновчерашних», что им дороги первые плоды нормализации положения в Европе, что они выступают за улучшение отношений Федеративной Республики с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Мы верим, что это так: искренность рукоплесканий на Олимпийском стадионе, симпатии зрителей к советским людям были слишком очевидны. И не только для нас, но и для наших недругов.

Владимир ЛОМЕЙКО,
спец. корр. «Литературной газеты» и АПН
МЮНХЕН. (По телефону)

В борьбе побеждает сильнейший...

РАССКАЗАНО В ПРИЕМНОЙ «ЛГ»

ПАКЕТ ИЗ ФАКТОРИИ ТАИМБА

Борис Павлович Шестаков сразу предупредил: он — «инстанция передаточная». Проработал шесть месяцев геодезистом в поисковой экспедиции в эвенкийской тайге и только сегодня вернулся в Москву.

— На аэродроме в Байките — поселке на Подкаменной Тунгуске, — рассказывал в нашей приемной Шестаков, — 18 суток «загорали» — ждали «открытого неба». Там я и познакомился с одним охотником, эвенком Киткочиным. Он летел в Кисловодск, с пересадкой в Москве. «В «Литературную газету», — говорил охотник на аэродроме, — пакет срочно передать обещал. Хорошие люди просили — соседи, в ста километрах живут, на фактории Таимба. Летчикам помогают — погоду записывают. Дело у них, видать, срочное: в газету посылают. В Москве день-другой пропутаешь, пока адрес разыщешь. Глянь — небо опять «запрется». Ну и дал я Киткочину слово доставить эту посылочку и пакет в редакцию.

Раскрываем посылку. Камень какой-то длинный, заостренный.

— Инструмент доисторического человека, — поясняет Шестаков. — Редкая находка. В знак дружбы посылают.

Читаем письмо. Оно написано черной тушью, каллиграфическим почерком, с завитушками на заглавных буквах и двойными-тройными, рейсфедером проведенными линиями, подчеркивающими особо важные слова. Не письмо, а резьба по камню или по дереву:

«Дорогие друзья из редакции! Хотя наша маленькая семья (нас двое) выписывает больше двадцати журналов и газет, но обратиться с просьбой мы решили и вам. И вот почему. Живем мы, можно сказать, на «литературной земле» — на территории Ошарского сельсовета, названного так в честь первого эвенкийского писателя Михаила Ошарова, о романе которого «Большой аргиш» («Большой караван») Горький писал, что сокращать жалко — так хорошо...

Мала наша фактория: пять охотничьих семей, двенадцать человек — все население Таимбы. Только раз в году «большой аргиш» судов, проплыв 865 километров от Енисея по Подкаменной Тунгуске, добирается до близкой к нам Кузюмбы. А в другое время только почтовые самолеты доставляют нам свежие газеты, журналы, книжные новинки, письма. Если лед крепок — самолеты садятся на реку у фактории, нет — сбрасывают груз с борта. Но как ни далеко мы живем, стараемся не отставать от культуры Большой Земли. Мы двое — два метеоролога, жена коренная эвенка и муж — русский, проживший на эвенкийской земле тридцать восемь лет, — увлекаемся искусством. И не только как зрители. Профессиональным артистам до нас не добраться, так мы сами создали эстрадную программу и даже новый жанр придумали — музыкально-политический в я панорама. Она пользуется успехом у нашей аудитории, которая состоит из десяти человек — всего населения фактории. Правда, бывали аудитории побольше, когда мы выезжали на гастроли в райцентр — поселок Байкит. И там у нас всегда «аншлаг».

Теперь мы готовимся к пятидесятилетию образования СССР. Задумали панораму «Великая дружба». И хотим просить вас: помогите получить грампластинки с песнями народов союзных республик. Песни по нашему сценарию должны быть самыми любимыми в своей республике и исполняться на родном языке. Очень просим выполнить нашу просьбу. Посылаем вам нож первобытного охотника, который нашли в тайге. В знак уважения

ВОГОИЧУК
Надежда Ивановна.
ВОРЩЕНКО
Сергей Михайлович».

Подходим с Шестаковым к карте азиатской части Союза. Находим Эвенкию, ее столицу Туру — на Нижней Тунгуске, уже знакомые нам по письму Байкит, Куюмбу — на Подкаменной Тунгуске. Факторию Таимба не указана. Еще бы — таежная чащоба.

— Это отсюда представляется: глухомань, — смеется Шестаков.— А выйдешь из тайги на такую факторию — и покажется она тебе шумным населенным пунктом. Люди, олени, собаки. Радио, газеты, журналы. И даже, читали вот, собственные концерты показывают. Приходилось, видел я на факториях такие представления — с большой выдумкой делаются. И с подъемом — сами чувствуете по письму, как там, в этой «глухомани», стремятся идти в ногу со всей страной.

После ухода Шестакова мы позвонили на Апрелевскую базу Посылторга, рассказали об «Ансамбле из фактории Таимба». Кто же в такой просьбе откажет?

И отправился набор небьющихся пластинок в далекое путешествие. Небьющихся: если самолет у фактории не сумеет приземлиться — можно сбросить посылку с воздуха. Не разобьются, хотя на такие «сбросы» их и не испытывали.

А. ИЛЬИН

ВОРОНЕНОК

Пожилая женщина, болезненно морщась, опустилась в кресло:

— Почти все лето я лежала в клинике 1-го московского медицинского института, на Пироговке...

Она раскрыла сумочку, достала письмо, положила его на стол и продолжала:

— Это от группы больных. Здесь больше двадцати подписей... Впрочем, — сказала она после короткой паузы, — может быть, эта история покажется вам сентиментальной.

— Расскажите, что произошло.

— Однажды, в начале лета, на дальнем конце больничного двора мы увидели хромого вороненка. Птенец забился в кусты сирени, нахохлился и покорился своей участи. Мы взяли его на руки, нашли укромное место, соорудили нечто вроде гнезда и принялись выхаживать. Вороны легко привыкают к людям. Наш птенец был доверчив, общителен и любопытен сверх всякой меры. Его приходилось спасать от кошек и выручать на самых немыслимых передряг. Эти заботы приносили больным утешение, уводили от горьких мыслей. Мы были нужны птенцу, и он тянулся к нам — смешной, неуклюжий и беззащитный.

Помнится, в начале июня он совершил первое большое путешествие: облетел весь больничный двор. Мы страшно волновались. Боялись, улетит совсем, но он вернулся на свою любимую полянку под окна Первой терапевтической клиники.

С той поры он летал, худо-ему вздумается, но всегда возвращался на больничный двор. Здесь был его дом. Вороненок неожиданно появлялся на подоконнике раскрытого окна какой-нибудь палаты, спрыгивал на пол, и начиналась веселая кутерьма. Он все делал смешно. Смешно разглядывал банки и склянки, «читал» газеты, смотрелся в зеркало, воровал карандаши или влезал в больничные тапочки. Но он умел быть посвоему серьезным. Ему нравился звук человеческого голоса. С ним можно было разговаривать, жаловаться на болезни. Вороненок вслушивался в переливы интонаций, поддакивал, кивая головой, и круглые, обычно хитрые глаза застилались поволокой. Возможно, он попросту дремал под наши причитания. Но какое это имеет значение? Никто так охотно не выдает желаемое за действительность, как больные люди.

К середине лета вороненок заметно повзрослел. Он по-прежнему припадал на больную лапку, но теперь это было задиристое, озорное, наивно самоуверенное и на редкость симпатичное существо. Он прогонял печаль, апатию, тоску. Наши мужчины научили его подкрадываться к шахматистам и уносить с доски какую-нибудь фигуру. Мы рассыпали перед ним пригоршни всевозможных яств, но вороненок отходил в сторону и ждал, когда на пиршество слетятся голуби и воробьи, неожиданно большими, сильными прыжками врывался в толпу пернатых и производил страшный переполох. Воробьи и голуби разлетались кто куда, а он победоносно смотрел им вслед.

Его любил весь больничный двор, врачи, сестры. Он мог бесцеремонно чинить разбой на письменном столе академика медицины В. Х. Василенко, и знаменитый врач и ученый припасал в карманах своего халата карамельки в «серебряных» бумажках, потому что вороненок обожал серебро...

Шли дни... И вот однажды мы нашли его мертвым под окнами урологической клиники. Его убили и выбросили в окно. Убили шваброй в коридоре, ибо воронам не положено находиться в помещении...

— Кто убил?

— Дежурный врач...

А. ЛИН

ОТВЕТЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГДР ОТТО ВИНЦЕРА НА ВОПРОСЫ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 8-й СТР.

В настоящее время ГДР поддерживает дипломатические отношения с 31 государством, а консульства и иные официальные представительства имеются у нее еще в 20 государствах. В этих странах живет подавляющее большинство человечества. Новой особенностью последнего времени является то, что всемирное движение за повсеместное международно-правовое признание ГДР ширится и становится все более популярным и в государствах Западной и Северной Европы. Об этом свидетельствует принятое в июне с. г. решение датского парламента, призывающее правительство Дании признать ГДР в соответствии с международноправовыми нормами и установить с ней отношения как в политической и культурной области, так и по линии охраны окружающей среды. Об этом говорит и тот факт, что в Швеции более десяти организаций правящей социал-демократической партии в своих рекомендациях партийному съезду, который состоится в октябре с. г., потребовали немедленного установления дипломатических отношений с ГДР. Жизнь наглядно свидетельствует, что всеобщее международное признание ГДР стоит на повестке дня международной политики.

ВОПРОС. Широкий международный отклик встретили усилия ГДР по разрядке напряженности в центре Европы, в частности, первый межгосударственный договор, заключенный с ФРГ, — по вопросам транспортного сообщения. Как Вы оцениваете перспективы дальнейшего развития отношений между ГДР и ФРГ?

ОТВЕТ. Вы справедливо подчеркиваете значение договора по вопросам транспортного сообщения между ГДР и ФРГ, подписанного 26 мая 1972 года. Ведь это первый межгосударственный договор, заключенный между обоими независимыми друг от друга государствами. При этом речь идет о договоре, отвечающем нормам международного права. В его основе — признание суверенных прав и законных интересов как ГДР, так и ФРГ. Документ убедительно доказывает, что между ГДР и ФРГ могут быть установлены договорные отношения, как это обычно принято в практике суверенных государств.

Предпосылки для заключения договора по вопросам транспортного сообщения и соглашения о транзитном движении между ГДР и ФРГ были созданы благодаря ратификации Московского и Варшавского договоров и вступлению в силу четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Эти договоры свидетельствуют о международноправовом признании ФРГ и ее западными союзниками границы между ГДР и ФРГ, а также территориальной целостности и суверенности Германской Демократической Республики.

Стремление социалистических стран к миру и безопасности отвечает духу Программы мира, провозглашенной XXIV съездом КПСС. Этими же стремлениями продиктованы и усилия ГДР, направленные к установлению с ФРГ отношений, основанных на принципе мирного сосуществования государств с различными социальными системами, и заключению необходимого для нормализации взаимоотношений обеих стран договора, отвечающего нормам международного права.

Установление таких отношений между ГДР и ФРГ в значительной степени способствовало бы дальнейшему смягчению напряженности в Европе. В настоящее время ведутся соответствующие переговоры. Темпы и успех этих переговоров будут определяться позицией правительства ФРГ по отношению к Германской Демократической Республике: готово ли оно, и если да, то в какой мере, считаться с существующими реальностями, готово ли отказаться от иллюзорной надежды связать ГДР некими «внутригерманскими узами». Дальнейшее смягчение напряженности в Европе требует, чтобы ГДР и ФРГ — два государства, расположенные в центральной части континента, по обе стороны рубежа между капитализмом и социализмом,—установили между собой международноправовые отношения, отвечающие принципам мирного сосуществования и добрососедства. ГДР к этому готова, она выступила с соответствующими конструктивными предложениями.

ВОПРОС. Нет сомнений, что интересам мира в Европе и во всем мире отвечало бы быстрейшее принятие как ГДР, так и ФРГ в Организацию Объединенных Наций. Недавно Вы, товарищ министр, имели обмен мнениями с Генеральным секретарем ООН доктором Куртом Вальдхаймом. Какие выводы сделали вы на основании этой беседы?

ОТВЕТ. Обмен мнениями, который я имел в июле с. г. в Женеве с Генеральным секретарем ООН, был обстоятельным, деловым и конструктивным. ГДР всегда относилась позитивно к Организации Объединенных Наций. В ее глазах ООН представляет собой значительное достижение освободительной борьбы народов против гитлеровского фашизма, их важное завоевание, организацию, чья плодотворная деятельность направлена на благо всех миролюбивых людей.

ГДР дала разнообразнейшие доказательства того, что она готова и способна внести свой вклад в осуществление великих задач ООН. В интересах дальнейшего развития процесса разрядки напряженности в Европе совершенно необходимо удовлетворить законные требования ГДР: принять ее в ООН в качестве равноправного члена. Принятие ГДР и ФРГ в Организацию Объединенных Наций облегчило бы также и урегулирование проблем двусторонних взаимоотношений между обоими этими государствами на основе принципов хартии ООН.

Между правительством ГДР и Генеральным секретарем ООН существует полное единодушие относительно необходимости соблюдения принципа универсальности Организации Объединенных Наций.

Беседа с г-ном д-ром Вальдхаймом показала, что мы оба придерживаемся одной и той же точки зрения: принятие в Организацию Объединенных Наций ГДР и ФРГ — двух высокоразвитых индустриальных государств, расположенных в центре Европы, обладающих большими потенциями и способных содействовать международному сотрудничеству, есть настоятельное веление времени. Я заверил Генерального секретаря ООН: ГДР сделает все от нее зависящее, чтобы добиться удовлетворения этого давно назревшего требования.

В самой всемирной организации крепнет убеждение, что ГДР и ФРГ должны стать членами ООН. В значительной мере это убеждение обусловлено конструктивной позицией, которую занимает ГДР, когда речь идет о мирном урегулировании важных проблем в Европе и других областях земного шара. Именно такая позиция внушает членам этой всемирной организации уверенность в том, что ГДР в качестве равноправного члена ООН внесет существенный вклад в укрепление международной безопасности, будет содействовать разрядке напряженности и активно участвовать в осуществлении задач ООН.

ВОПРОС. И в заключение разрешите задать вопрос личного характера. Вы, товарищ Винцер, еще в 1919 году стали членом Коммунистической партии Германии; с 1947 года Вы — член ЦК СЕПГ. В Вашей многолетней деятельности на посту министра иностранных дел ГДР Вы всегда подчеркивали, что дружба с Советским Союзом является основным элементом внешней политики Германской Демократической Республики. С нашей страной Вас связывают и личные воспоминания: во времена господства в Германии нацизма Вы находились в Москве в эмиграции. Какие черты советской внешней политики были все годы особенно притягательны для Вас как коммуниста и министра иностранных дел ГДР?

ОТВЕТ. Важнейшим событием, ознаменовавшим начало моей сознательной жизни, было воззвание Ленина и призыв Октябрьской революции к народам мира прекратить империалистическую бойню и добиться демократического мира. Эти призывы воодушевляли меня в январе 1918 года, когда я убеждал молодых рабочих и учеников предприятия, где я проходил обучение, принять участие в так называемой январской забастовке за хлеб и мир. С тех пор Советская власть и ее политика мира — путеводная звезда всей моей политической деятельности, ибо, как сказал Ленин, «вопрос о мире есть жгучий вопрос... современности».

При этом наиболее глубокое впечатление производит тот факт, что начиная с Октябрьской революции и по сей день неуклонное стремление к миру, характеризующее советскую внешнюю политику, неотделимо от принципа пролетарского интернационализма. В соответствии с этим и строится политика, направленная к устранению любого национального и колониального гнета, к последовательной поддержке национально-освободительного движения народов и сплочению всех революционных сил.

Я, как, вероятно, и все зарубежные коммунисты, был глубоко потрясен, когда в 1922 году на Генуэзской конференции Советская страна первой из великих держав мира внесла предложение о всеобщем сокращении вооружений. Она выразила готовность поддержать любое начинание, направленное к снижению бремени милитаризма и сокращению армий всех государств, и предложила внести в правила ведения войны дополнения о полном запрещении наиболее варварских ее форм: воздушной войны, применения ядовитых газов и в особенности средств разрушения, направленных против мирного населения. Это была ленинская программа политики мира и разоружения, проводимая Советской властью. В наше время она была обновлена и получила всестороннее развитие в Программе мира XXIV съезда КПСС. КПСС, Советский Союз и его правительство, как ни одна партия и ни одно правительство в мире, могут по праву гордиться тем, что на протяжении полустолетия они последовательно и с учетом новейших достижений военной техники проводили свою политику мира, свою политику разоружения, ограничения вооружений, запрещения средств массового уничтожения.

В эти десятилетия внешняя политика Советского Союза неизменно отличалась и отличается поныне одной необычайно впечатляющей особенностью: опираясь на свою растущую экономическую, научно-техническую и военную мощь, СССР своими конструктивными инициативами способствовал упрочению европейской и международной безопасности в интересах всех народов. Наиболее ярким примером этой политики является выдвинутая на XXIV съезде КПСС Генеральным секретарем ЦК партии Леонидом Ильичом Брежневым Программа мира, которая стала внешнеполитической программой не только для стран социалистического содружества, но и для всех международных сил мира и прогресса. Для немецких коммунистов нерушимое, верная дружба с СССР и КПСС всегда служила пробным камнем, на котором проверялась правильность их марксистско-ленинских позиций. Так было и в тяжкую годину нелегальной борьбы против гитлеровского режиме и развязанной им разбойничьей войны; тогда Советский Союз, невзирая на все преступления гитлеровских орд, чем только мог помогал немцам освободиться от фашистского ига. Наша вечная благодарность за это КПСС и Советскому Союзу.

Это чувство, как и общность внешнеполитического курса, как и сотрудничество в области экономики, науки, техники и культуры, получившее всестороннее развитие на базе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, — одна из важнейших причин, в силу которых дружба с Советским Союзом есть и будет основой внешней политики социалистической Германской Демократической Республики

Горняки Чили требуют годовщину со дня национализации правительством медных рудников и обогатительных фабрик. Фото из газеты «Нойес Дойчланд»

Херлуф Бидструп комментирует события в Северной Ирландии

НАШ ДРУГ БИДСТРУП

Исполнилось шестьдесят лет датскому художнику-коммунисту, лауреату международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Херлуфу Бидструпу.

Каждое утро, открывая газету коммунистов «Ланд ог фольк», датчане встречаются с Бидструпом — его острым политическим комментарием к событиям внешним и внутренним, злой сатирой на пороки буржуазного общества, смешной или грустной зарисовкой, рассказывающей о буднях его современников. «В Дании много художников, но Бидструп — один. С его блокнота ежедневно улетают в мир рисунки, помогая изменять мир», — говорит о нем писатель Ханс Шерфиг.

Бидструпа, убежденного борца против фашизма и милитаризма, против классовой несправедливости, знают и любят далеко за пределами его родины. Альбомы с его рисунками издаются в ГДР, Венгрии, Чехословакии и других странах. В Советском Союзе они изданы свыше двадцати раз. Херлуф Бидструп — верный друг советского народа.

Общественность Москвы тепло отметила шестидесятилетие со дня рождения художника. Этой дате был посвящен вечер, состоявшийся в Доме дружбы. Указом Президиума Верховного Совета СССР Бидструп награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Георгий КУБЛИЦКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ТОРИ, ЛЕЙБОРИСТЫ, ТРЕД-ЮНИОНЫ...

НА ДНЯХ В БРАЙТОНЕ ЗАКОНЧИЛСЯ ЕЖЕГОДНЫЙ СЪЕЗД БРИТАНСКОГО КОНГРЕССА ТРЕД-ЮНИОНОВ, СОБРАВШИЙСЯ В АТМОСФЕРЕ ОБОСТРЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ. ПУБЛИКУЕМАЯ НИЖЕ СТАТЬЯ РАССКАЗЫВАЕТ О НАСТРОЕНИЯХ В КРУГАХ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ОППОЗИЦИИ И ПРОФСОЮЗНЫХ АКТИВИСТОВ.

«ТОРИ ОСТАЮТСЯ ПАРТИЕЙ МОНОПОЛИЙ»

Вот как знакомый шведский журналист определил природу антирабочей политики английских консерваторов:

— Тори сохранили надменно-хозяйское отношение к рабочему классу. Такое, каким оно было у фабрикантов, скажем, в начале века. Но сегодня это политический атавизм. Это вызов всем, кто трудится. Вызов, который не может остаться без ответа.

В самом деле, классовые схватки, то затихающие, то вновь разрастающиеся в общенациональные битвы, стали типичными для бывшей «доброй, старой Англии». Тори действуют с непреклонностью хозяина, привыкшего смирять непокорных «черными списками» и массовыми локаутами. Это годилось в двадцатые годы, но дает осечку в семидесятые. Тори атакуют и в ответ получают мощные контрудары. Вспомним: «в тугой полицейской слоновости» был брошен вызов — арестованы пятеро профсоюзных активистов-портовиков. Последовал ответ: забастовка докеров. А дальше — цепная реакция: полицейские отряды против пикетчиков в портах—подготовка строителями национальной забастовки в знак солидарности с докерами — чрезвычайное положение — угроза всеобщей стачки...

Введение правительством чрезвычайного положения парламент одобрил без голосования. Парламентариев ждали летние каникулы: под своды Вестминстера они соберутся вновь лишь в пору нудных октябрьских дождей.

Мы побывали в парламенте до каникул, в самый разгар словесных баталий между консерваторами и лейбористской оппозицией. У главного входа разноязычно галдели туристы. «Только для лордов» — строго предупреждала табличка возле стоянки машин.

В дверях мы столкнулись с седовласым загорелым человеком. Прижимая к себе толстую папку и раздувшийся желтый портфель, он с юношеской подвижностью скользил среди зевак. Мы узнали Майкла Фута, представителя левых лейбористов, который весной едва не стал заместителем лидера партии.

Общеизвестно, что лейбористы не монолитны: есть правое крыло, есть левое. В правительстве Гарольда Вильсона преобладали правые. Реформы в условиях смешанной, то есть частной и государственной, экономики, «справедливое распределение доходов» — главным образом путем социально направленного налогообложения, не подрывающего, однако, основ частного предпринимательства, — такова в общих чертах половинчатая программа лейбористов во внутренней политике. При всем при том наступление на жизненный уровень населения началось именно при лейбористах, попытку ограничения прав профсоюзов предприняли они же.

Став лидером оппозиции, Вильсон заявлял, что лейбористы отменили бы проведенный тори закон «Об отношениях в промышленности», но тут же оговаривался, что плохие законы, как и хорошие, надо соблюдать. Не бороться против них, как это делает передовая часть рабочего класса, а соблюдать...

Итак, мы у входа в парламент. Поскольку Вестминстер описан тысячекратно и редко кто не знает о мешке с шерстью, на котором в палате лордов должен восседать лорд-канцлер, или о том, что ораторов правительства и оппозиции традиционно разделяет расстояние, не позволяющее прервать речь оппонента ударом рыцарской пики, перейдем прямо к сути дела.

Взгляды лидеров лейбористской партии как правого, так и левого толка достаточно известны. В кулуарах парламента нам предстоит сегодня встреча с представительницей «среднего звена». О члене парламента г-же Рени Шорт нам сказали, что в лейбористской партии она почти четверть века, примыкает к левому крылу, в 1970 году избрана членом национального исполкома.

Ждем в комнате со старинным камином. В сторонке медленно прохаживается полицейский. Но вот появляется и сама г-жа Шорт в синем брючном костюме, с сумкой, достаточно большой, чтобы заменить портфель.

— Что такое сегодняшние тори? Ничего нового в главном: тори остаются партией монополий. Не новы даже их способы перекладывания всех тягот на плечи трудящихся.

Рени Шорт рубит фразы хорошо поставленным голосом. Умение говорить высоко ценится в парламенте. Блестящий оратор, как считают, имеет вдвое больше шансов преуспеть в Вестминстере, нежели глубокий, но косноязычный знаток дела.

Приход тори к власти, их политика, говорит наша собеседница, активизировали рабочий класс, побудили его к решительным действиям. В какой-то мере это изменило умонастроения верхушки лейбористской партии. Но было бы нереалистичным забывать о натянутых отношениях между лейбористским руководством и Британским конгрессом тред-юнионов после попытки лейбористского правительства провести законопроект об ограничении прав профсоюзов. Холодок все еще остается.

Наша собеседница напоминает о результатах весенних муниципальных выборов, когда консерваторы потеряли свыше 800 мест, а лейбористы получили около тысячи плюс большинство в городских управлениях нескольких крупных городов. С тех пор, надо полагать, настроение еще заметнее изменилось в пользу лейбористов.

Г-жа Шорт — сторонница совещания по европейской безопасности. Она работает также в межпарламентской группе, занятой вопросами торговли между Востоком и Западом. Она — за улучшение англо-советских отношений. Эти отношения, конечно, могли бы быть лучше, но при нынешних обстоятельствах они могли бы сложиться и хуже. Предстоит вдумчивая терпеливая работа.

— Госпожа Шорт, а чем все-таки закончилась история с яхтой?

— О-о! Так вы слышали об этом!

В Англии остро не хватает детских садов. Это живо волнует даже тех отцов, матерей, дедушек, бабушек, которые обычно мало интересуются политикой. Были составлены петиции с множеством подписей, и одну отвезли в Букингемский дворец королеве. Около двух тысяч матерей направились тем временем к парламенту и вручили другую министру просвещения. Под ней было свыше 360 тысяч подписей. Наконец дети в матросских костюмчиках появились на Даунинг-стрит, 10, возле резиденции премьер-министра. Вместе с петицией они привезли подарок — построенную детворой большую модель яхты: ведь известно, что м-р Хит—заядлый яхтсмен.

— Представляете, собралось несколько сот малышей и, конечно, не меньше матерей и бабушек. И что же? Хит вышел, рассеянно взглянул на ребятишек, сел в машину и укатил. Были разочарованы не только дети. Но мистер Хит разочаровал уже стольких..

«ОЧЕНЬ МНОГО ПЛОХОГО ДЛЯ ТРУДЯЩИХСЯ»

Мы пришли за несколько минут до обусловленного срока. Ричард Бригиншоу — на вид ему около шестидесяти — в вельветовом пиджаке и синей рубашке просматривал оттиски очередного номера газеты своего профсоюза.

— Одну минуту, прошу вас. Не хочу задерживать типографию.

В просторном кабинете кое-что принадлежит истории. В рамке — первая листовка лейбористских печатников. Это 1889 год, призыв к забастовке, к борьбе за сокращение рабочей недели: «Наши уважаемые христианские наниматели не поместят своих собак и кошек туда, где мы вынуждены проводить долгие годы. У нас круглые сутки газовый свет вместо дневного, тяжелый, нездоровый воздух...». Печатники забастовали, и тогда же возник профсоюз, в национальной штаб-квартире которого мы сейчас находимся. Как явствует из полного названия, он объединяет печатников, графиков и работников массовых средств информации.

У нас много писали о крупных профсоюзах шахтеров, судостроителей, железнодорожников, докеров. Поэтому мы выбрали относительно небольшой, но сплоченный и влиятельный тред-юнион. Ричард Бригиншоу, возглавляющий его, принадлежит к старшему поколению профсоюзных лидеров. Он член Генерального совета тред-юнионов Великобритании.

Покончив с оттисками, м-р Бригиншоу подсел к нам:

— Да, первая листовка... Рабочие вожаки встречались тогда в кафе «Красная звезда». Это недалеко от дома, где жил Маркс. Но, вероятно, вас интересует не только история? К вашим услугам.

— Что означают два года правления тори для трудящихся? Для членов вашего профсоюза?

— Если совсем коротко, это два года непрерывного натиска на права тех, кто трудится.

Наш собеседник называет все тот же закон «Об отношениях в промышленности», открыто антидемократический, антирабочий, урезающий то, что тред-юнионы завоевали долголетней упорной борьбой. Он принят в такое время, когда сама жизнь вынуждает рабочих к борьбе, и еще раз к борьбе. В самом деле, экономическая политика консерваторов ведет к инфляции, к непрерывному росту цен. Инфляция — орудие ограбления трудящихся. Ведя наступление на рабочий класс, тори одновременно ставят заграждение против контратак — закон, ограничивающий право трудящихся на забастовки.

— Почтенные тори хорошо защищены. Но давайте представим на минуту конфронтацию где-нибудь в центре Лондона. С одной стороны — джентльмены в котелках и с зонтиками, с другой, — скажем, сто тысяч докеров, железнодорожников, печатников, машиностроителей. Без зонтов, только с голыми кулаками...

Признаться, нам не удалось вызвать в воображении подобную картину. Как-то, проезжая через центр Лондона, мы были поражены обилием полицейских автомобилей, расставленных вдоль тротуара. «Бобби» в черных касках поглядывали из машин на прохожих, играли в карты, пили кофе из термосов. Между тем на улицах не было заметно ничего такого, что вызвало бы необходимость столь мощного профилактического сосредоточения полицейских сил. Прошла колонна школьников, да молодые последователи учения Будды по обыкновению приплясывали у входа в универмаг «Маркс и Спенсер».

Но, оказывается, именно в связи с предполагавшейся на Трафальгарской площади демонстрацией учащихся средних школ Лондона и были стянуты полицейские машины. Школьники требовали отмены физических наказаний и участия в работе школьных советов. Не бог весть какое потрясение основ. А уж если бы джентльменам в котелках и с зонтами угрожала конфронтация с кулаками докеров...

— Да, два года правления тори — это очень много плохого для трудящихся.

Тори экономят на образовании, даже на питании школьников, на медицинском обслуживании, но они еще увеличили военный бюджет.

— Безработица — вот острейшая проблема. Придя к власти, тори объявили классовую войну. Они считают, что безработица сделает трудящихся более уступчивыми. Они ошиблись. Первыми им особенно убедительно доказали это шахтеры. Но, верьте, консерваторы готовятся к реваншу. Тори — мстительные люди. Возможно, что, основываясь на опыте прошлого — например, двадцатых годов,— они постараются нанести сильный удар шахтерам или докерам, чтобы потом разделаться с другими отрядами рабочего класса. И мы говорим: берегитесь мстительных консерваторов, крепите рабочую солидарность!

Ричард Бригиншоу в рабочем движении с шестнадцати лет. Без перерыва, если не считать войны. Вот уже 21 год возглавляет профсоюз печатников — его неизменно переизбирают каждые три года.

Он рассказывает, как профсоюз помогал шахтерам и судостроителям. Было отправлено несколько грузовиков с продовольствием в поселки бастующих. Печатники послали 7 тысяч фунтов стерлингов в помощь братьям по классу.

— Это была и наша борьба.

Руководитель профсоюза печатников возвращается к взаимоотношениям тред-юнионов и правительства консерваторов:

— Очень важно понять вот что. Вы знаете, что английская пропаганда стоит, быть может, на первом месте в мире по изощренности и тонкости. Тут накоплен огромный опыт. И вот теперь пропаганда тори изо дня в день внушает людям: профсоюзы чрезмерно усилились. Им нет дела до общих интересов нации. Смотрите, говорит пропаганда, вы сегодня должны были добираться целых три часа до работы потому, что железнодорожники, бастуя, хотят урвать для себя несколько лишних фунтов. Шахтеры получили прибавку, а вам ради этого приходится сидеть без света. Так говорят тори. Они хотят подточить, расшатать нашу солидарность.

Здесь, видимо, уместно напомнить читателю кое-что об английских тред-юнионах вообще. Порой их называют «пятой державой», подразумевая под четырьмя остальными правительство, парламент, государственную администрацию и крупный бизнес. Британский конгресс тред-юнионов объединяет свыше 10 миллионов рабочих и служащих. Профсоюзы располагают довольно крупными средствами и традиционно финансируют лейбористов.

Но крайней мере половина членов профсоюзов состоит в лейбористской партии. Однако есть тред-юнионы, где некоторые руководящие посты занимают консерваторы. Мы слышали от одного деятеля консервативной партии: «За нас голосуют не меньше 200—300 тысяч членов профсоюзов». Это не так много, но все же... Профсоюзный лидер-лейборист на вопрос о том, как ему удается работать с заместителем-консерватором, ответил: «В общем мы ладим».

Было бы неверно недооценивать силу английского профсоюзного движения. Было бы также неверно забывать его слабые стороны. Между боевитостью шопстюардов, цеховых старост и духом компромисса, господствующим среди правых лидеров, — дистанция огромного размера. Однако, судя по сообщениям английской печати, недавний съезд Британского конгресса тред-юнионов означает общий сдвиг влево в профсоюзном движении страны.

— Внешняя политика тори реакционна. — Ричард Бригиншоу не дожидается наших вопросов, говорит о том, что наболело. — Она антисоветская и она антинародная. Тори потеряли способность управлять внутренними делами, а их внешнеполитическая линия унаследована от времен имперского величия. Возьмите их политику в Ольстере. Пятьдесят лет назад там уже лилась кровь, велись уличные бои с участием английских войск. И еще один острый вопрос: все более очевидные, все более открытые антидемократические тенденции. Вот вам пример. Закон «Об отношениях в промышленности» касается всего рабочего класса Великобритании. А ведь некоторые важные особенности его практического применения попросту даже не обсуждались парламентом. Еще пример. Ясно, что большинство людей против вступления нашей страны в «Общий рынок». Но народу лишь пообещали, что будут считаться с его мнением. Правительство и те, кто за его спиной, все решают сами. Однако закон требует от тред-юнионов, чтобы перед объявлением забастовки мы проводили референдум: кто «за», кто «против»? Так неужели вопрос о будущем страны менее важен и не требует выяснения, что думает, чего хочет народ: «за» он или «против»?

...С тех пор, как мы разговаривали с Ричардом Бригиншоу, волна забастовочного движения снова высоко вздымала гребень, и профсоюз печатников, в числе прочих, делом доказал силу рабочей солидарности. Сегодня как будто наступило некоторое затишье. Надолго ли? Мы уже привыкли к двум словам, периодически повторяющимся в телеграммах из Лондона: «Положение обостряется». Эти два слова сопровождают сообщения из британской столицы, из Ольстера, из портовых городов и даже из британского казначейства, потому что все связано в этом мире, и фунт стерлингов, словно чувствительный сейсмограф, отмечает как взрывы на улицах Белфаста, так и растущее сопротивление трудящихся Англии антирабочей политике тори.

ЛОНДОН—МОСКВА

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

СТРУГА-72

НА ЮГЕ Македонии, возле самой границы с Албанией, у древней церкви святого Неуме врывается в Охридское озеро зеленоводный Дрим — река по-своему уникальная. Стрелою пронзив голубые воды озера, оставляя позади вспугнутых чаек, Дрим с таким же шумом вырывается на северном берегу из голубого плена и опять устремляется к скалам, точа новое русло. В этом месте и находится городок Струга. А там, где похожий на устье исток Дрима разделяют два берега, переброшен мост, которому, волею поэзии, суждено было стать символом дружбы народов.

Вот уже одиннадцатый год Стружские вечера поэзии собирают представителей многих стран мира, чтобы здесь, на мосту Дружбы, августовским вечером при стечении народа, стоящего в свете прожекторов по обоим берегам Дрима, слушать иноязычную поэтическую речь.

В программу Стружских вечеров входит не только этот апофеоз, который так и называется — «Мосты». С 1966 года проходит международный симпозиум. Критики и поэты проводят дискуссии по темам общего характера.

Стружские вечера набирали силу постепенно. Начало им положили внутримакедонские фестивали поэзии, потом они стали общеюгославскими и наконец — международными.

Председатель комиссии по культуре и просвещению Скупщины Социалистической Республики Македонии товарищ Драги Тозия сказал мне:

— Мы счастливы, что здесь могут встретиться поэты стольких флагов. — И Тозия показал на освещенные флаги наций, участвующих в Струге. На этот раз их — двадцать два.

Субсидируют мероприятия в Струге 34 общественные организации и предприятия. Не будет преувеличением сказать, что вся страна гордится размахом своего культурного начинания. В просторном, современных форм здании Дома поэзии проходят чтения. На этот раз были представлены поэтические страницы из македонской и словенской поэзии в исполнении артистов театров Скопле и Любляны.

А в воскресенье в конце дня состоялся вечер советской поэзии, прошедший с большим успехом. В год 50-летия многонационального Советского государства наша представительная делегация продемонстрировала богатство красок и высокую гражданственность советской поэзии. Вечер открыл руководитель делегации, секретарь правления Союза писателей СССР Михаил Луконин. Поэты М. Нагнибеда, М. Танк, Д. Вааранди, П. Боцу, Ю. Марцинкявичюс, В. Леднев читали свои стихи на родном языке и в русских переводах. О советской поэзии рассказал критик Л. Лавлинский.

А в просторном холле Дома поэзии развернулась книжная выставка «Поэзия народов СССР». На ней экспонировалось более пятисот книг современных поэтов, в основном издания последних двух лет. Выставка пользовалась большим успехом. У стендов с гербами советских республик всегда людно. Посетители с похвалой отзывались о работе наших художников книги — О. Верейского, молодого иллюстратора В. Медведева. Совет Стружских вечеров под руководством председателя Общества писателей Македонии, генерального секретаря Союза писателей СФРЮ Симона Дракула много сделал для того, чтобы советская часть вечеров 1972 года оказалась весомой и значительной.

— Нам приятно, что первый «кирпич» в здание библиотеки мировой поэзии, которую мы решили создать в Струге, был заложен даром Союза писателей СССР, — сказал мне Симон Дракул.

В диспуте на тему «Возвращение поэзии», который проходил под почетным председательством Виктора Шкловского, выступили: Эдмон Юмо (Франция), Джон Монтегю (Ирландия), Антони Рудолф (Англия), Оскар Давичо (СФРЮ), Збигнев Беньковский (Польша), Жоржетта Хородинка (Румыния), ряд югославских поэтов, а с советской стороны — Виктор Шкловский, Михаил Луконин и автор этих строк.

Вопреки отдельным выступлениям (например, американца Чарльза Симика), пытавшимся свести разговор к проблемам самоценности поэзии, культу «мига», на симпозиуме явно победила идея веры в жизнестроительные силы искусства, в сердце и разум свободного человека. И М. Луконин, и ирландец Д. Монтегю, и югославские товарищи с гневом говорили о варварской войне США во Вьетнаме, о невозможности поэта уйти «в красивые уюты» эгоизма и эстетизма.

...С самолета видно, что Дрим и в Охридском озере не теряет своего зеленого цвета. Национальная поэзия развивается, только выйдя в мировой океан. Но, усиленная и обогащенная общим опытом прогрессивного искусства, продолжает свой неповторимый путь. Об этом тоже говорилось на митинге, посвященном итогам Стружских вечеров 1972 года. На мосту зачитывается список наград. «Золотой венец» — главный приз фестиваля — будет вручен Пабло Неруде. Специальные призы вручаются за лучшую книгу македонских стихов, за лучший перевод. Вручается также ряд премий общественных организаций — за лучшую детскую книгу, за лучший дебют и другие.

Стружские вечера поэзии закончились большим интернациональным выступлением в Скопле, чему предшествовали поэтические встречи в разных городах Македонии. Советская делегация несколько раз выступала в столице Югославии Белграде. С большим успехом прошли лекции о советской литературе Виктора Шкловского.

Владимир ОГНЕВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ОХРИД—БЕЛГРАД
(По телефону)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР

НОВЕЛЛЫ МАХЕЕКА

Одного из крупнейших представителей современной польской прозы Владислава Махеека справедливо называют певцом своего поколения, которое перенесло все тяготы и горести минувшей войны, прошло суровую школу борьбы с фашизмом. Герои лучших книг писателя — сильные, мужественные люди, верные своему общественному и гражданскому долгу, патриоты-интернационалисты. И в последнем своем сборнике рассказов «Левушки и парни», вышедшем недавно в издательстве «Шленск» (Катовице), оживают страницы польского Сопротивления, показаны самобытные характеры героев, на которых всей своей тяжестью навалилась война, но не смогла нравственно и морально одолеть их.

Кроме рассказов о войне, писатель включил в сборник и небольшие новеллы о своих путешествиях по странам мира, встречах с интересными людьми. В этих новеллах проявляется острая публицистичность Махеека, который гневно обличает угнетение, эксплуатацию, человеконенавистничество, аполитичность. Именно эта целенаправленность роднит цикл зарубежных рассказов Махеека с его лучшими произведениями на военные темы.

СТИХИ СКВОЗЬ РЕШЕТКУ

Пять раз он был арестован и в общей сложности провел в гробницах мрачных тюрем и концентрационных лагерей более двадцати одного года. Четыре раза бежал, «рождался снова», как выразился он сам, чтобы сразу же занять свое место в рядах борцов в самых суровых условиях подполья. Каждый раз подвергаемый зверским пыткам, этот человек возвеличивался над палачами и выигрывал сражение. Постоянно безжалостно преследуемый, после того как в 1932 году он вступил в ряды коммунистов, этот человек целиком всю свою жизнь посвятил борьбе с тиранией, угнетающей его народ.

Таков Франсишку Мигел Дуарти, один из руководителей Коммунистической партии Португалии, живой пример несгибаемого революционного упорства, которое не смогли сломить никакие испытания и годы.

Он автор простых стихов, похожих на народные португальские песни. Такой он и человек, цельный и последовательный. Он борется и негодует, он беспощаден к угнетателям своего народа. И в то же самое время он позволяет своему вечно юному сердцу переполняться словами искреннего восхищения и нежности перед красотой природы, солнца, цветов, детей, женщин и мужчин, своих братьев и товарищей. Вырвавшаяся из глубин невыразимого страдания, из вынужденного одиночества, из нечеловеческого ужаса тюрьмы, радость жизни непреодолимо переполняет его стихи, простые, как чистая вода. Они характеризуют не только поэта, но и человека. Они служат залогом окончательной победы того дела, которому он посвятил все свои силы.

Жоржи ВИЕИРА,
член Центрального Комитета Коммунистической партии Португалии

Франсишку Мигел ДУАРТИ

Пейзаж

Семь часов. Начинается
день.
И опять сквозь решетку
я вижу,
Как стоит у стены
неподвижно
Часового угрюмая тень.

Только взглядом коснуться
могу
Крыши церкви, туманом
обвитой,
Лодок, ищущих на берегу
От коварного моря
защиты.

А за городом, в синей
дали,
Перечеркнутые решеткой,
Горы гребни свои
вознесли,
Обрисованы линией четкой.

И как будто по просьбе
моей,
Вдруг меняя цвета
на картине,
Солнце огненной кистью
своей
Красной краской проводит
по синей.

О, какой ослепительный
день
Обещает земле утро это...
Будто горя нет больше
нигде,
Будто злоба не бродит
по свету...

Там — легко и свободно
взвилась
Стая птиц вслед за ветром
зовущим...
Здесь — глухая стена,
разлучившая нас
С настоящим,
но не с грядущим!

Крепость Кашиас

В одиночке

Мои печальные раздумья
прерывая,
Влетают голуби
в тюремный двор.
Как посланная кем-то
весть живая,
Всем стражам и замкам
наперекор.
Объятый нежностью,
гляжу на голубей,
В окно бросаю крошки
хлеба...
Мне птицы сделались еще
милей
С тех пор, как разлучен я
с синим небом.

Сюда, где стены душные
темны,
Где невиновных ждут
страданье,
Врывается бодрящий луч
весны.

Вот эти голуби,
свободные созданья,
И я, высоко голову
подняв,
С уверенностью твердой
восклицаю:
Сегодня счастье
отвернулось от меня,
Но завтра улыбнется мне,
я знаю!

Одиночная камера
в тюрьме Алжуби

21 год в тюрьме

Что может быть
страшней тюрьмы!
Но если дух силен,
Тюрьму, как пытку,
стерпим мы
Мученья все снесем.

Закован в цепи — но стою
Спокойно и надежно.
Сломить уверенность мою!
Нет. Это невозможно.

Победы свет горит во мгле
Хоть далеко, но зримо...
Моя уверенность —
как крепость на скале,
Она несокрушима!

Перевела
Лидия НЕКРАСОВА

А. ЧЕРНЫШЕВ, В. ПРОНИН

ИСКУССТВО В РАКУРСЕ ОБРЕЧЕННОСТИ

БУРЖУАЗНАЯ ЭСТЕТИКА: ТУПИКИ И ЛАБИРИНТЫ

Глубокий духовный кризис, который охватывает капиталистический мир, находит выражение в широко распространенных на Западе теориях, возвещающих смерть искусства и литературы.

В публикуемой сегодня статье критически рассматриваются новые работы буржуазных пророков культурного нигилизма.

НЕДАВНЯЯ дискуссия о том, жив ли роман, угасла довольно быстро. Однако реквием по роману временами звучит вновь, и сегодня уже появляются более радикальные теоретики, которые предвещают смерть не только этому жанру, но и литературе в целом, провозглашая полное исчезновение словесного и образного искусства. Они предрекают супермодерновое искусство, где не будет ни слов, ни нот, ни красок, а их место займут жест, поступок, некая ритуальная пантомима.

Экстремистская эстетика саморазрушения искусства привлекает на Западе людей разной ориентации: критиков-формалистов, сюрреалистов, реставрирующих застарелые кошмары, левацких бунтарей, чью риторику иногда поддерживает академическая профессура. Но объединяет их всех давно старый тезис о своеволии художника и независимости искусства от жизни.

ДАЛЬШЕ — ТИШИНА!

Американский профессор Джордж Стейнер — знаток немецкой, французской, русской литератур, посвятивший монографии историн жанра трагедии и сравнительному анализу Толстого и Достоевского. Однако в новых своих очерках Стейнер одержим навязчивой идеей, что слово постепенно и неотвратимо исчезает, художественная литература изживает себя. Этой надуманной проблеме он посвятил большое исследование «Язык и молчание». Говоря о неизбежности разрушения мировой культуры, Стейнер задался вопросом: «Вначале было слово. Что будет в конце?» И решил: молчание, тишина.

Лично пережив в Европе трагедию фашизма, он пришел к горькой мысли, что после газовых камер Освенцима существование поэтических искусств невозможно, слишком велики потрясения, и речь перед ними немеет. Эта мысль принадлежит, собственно, не Стейнеру, а современному немецкому философу Теодору Адорно, но вся книга американского профессора посвящена ее доказательству. Стейнер не верит, что слово обладает силой сопротивления, возбуждает протест, укрепляет мужество. Социальные и эстетические предпосылки романа как жанра, говорит Стейнер, безвозвратно отошли в прошлое, и их нельзя искусственно возродить. Возможность новаторского развития литературы в наши дни он отрицает.

Характерно, что если в первые послевоенные годы Стейнер обвинял в убийстве культуры фашизм, который, как он писал, не только физически уничтожал людей, но и извращал смысл благородных слов и высоких понятий, то теперь американский исследователь ставит вопрос более широко: культура профанируется всеми условиями антигуманного существования. В лживом буржуазном обществе, исполненном официального розового оптимизма, где человеческая личность сконцентрирована на потребительстве, подлинное искусство немыслимо. Когда мы умрем, о нас будут судить по тому, что мы успели купить, а не по тому, что мы успели совершить. Стейнер нарекает современное общество полуграмотным. Теоретик молчания скорбит и по поводу утраты культуры чтения. Чтение прежде было процессом сосредоточенным, медлительным, уединенным. Сегодня, говорит Стейнер, книжку заглатывают на ходу, на людях, в метро, между делом, следя за занимательным, отвлекающим сюжетом, чтобы не утруждать себя собственными мыслями.

В мире, где живет Стейнер, слово скомпрометировано официальной пропагандой, коммерческой культурой, рекламой. Профессор отбрасывает мысль, что может существовать искусство социальных злободневных проблем. Единственной альтернативой вульгарной «массовой культуре» он считает традиционный побег в обетованную землю «чистого» искусства.

Стейнер понимает утопичность подобного маршрута. Замкнутость в «чистом» искусстве обрекает художника на философскую и словесную нищету. Выход из созданного конфликта автор книги «Язык и молчание» видит в том, что в будущем словесные искусства заменят каким-то новым видом безмолвного театрализованного зрелища. Слово будет вытеснено действием, поступком. Они, дескать, более впечатляющи, более доходчивы. Венчает рассуждения Стейнера совсем странный образец искусства будущего. «Мне довелось услышать, — пишет он, — лишь об одном поэтическом явлении, которое кажется мне действительно оригинальным. Студент королевского колледжа искусств выбрал точку в пространстве — дорожный указатель на Голландском мосту — и точное мгновение времени, скажем, 4 часа 30 минут пополудни, в какой-то конкретный день. Определив эти единственные, неповторимые координаты, он договорился с другим человеком, своим приятелем, встретиться в точном скрещении этих двух стрел времени и пространства. Он назвал эту встречу «произведением искусства», она должна включить их двоих в акт совместного творчества».

Апология подобного «творчества» объясняется не только тем, что Стейнер пасует перед действительностью, что он оглушен грохотом пустопорожнего безмыслия «массовой культуры», но и тем, что он обходит в своих рассуждениях вопрос о назначении искусства, о том, какие обязанности имеет оно перед обществом. Вот поэтому он и предлагает простенькую ситуацию, удивительно похожую на арифметическую задачку с двумя пешеходами, рассматривать как идеал искусства.

КАТАЛИЗАТОР ОТЧАЯНИЯ

К той же мысли об умирании литературы приходят, хотя иным путем, и теоретики «нового левого» толка. Для них искусство — массовая разрушительная акция, шумный уличный аншлаг. Книга с этой точки зрения превращается в анахронизм. Процесс создания и восприятия произведений искусства отныне должен стать коллективным и анонимным (кстати, этой концепции симпатизирует и Стейнер). Стихи создаются и декламируются всеми сразу, хором, ором и скандируются на площади.

Эти взгляды пропагандируются в вышедшей в 1971 году книге «Иллюзия» молодого доктора философии англичанина Дэвида Коута, который несколько лет преподавал в американских университетах. В новой работе он стремится сформулировать отличия последнего поколения «левых» от всех предшественников. Прежним были присущи «реализм, рационализм, связанный с Просвещением и обычными традициями XIX века, новые же динамичны, не чураются грязи, физически шумны, экспрессивны, инстинктивны». Они не верят, что человек по природе своей добр, а злым его делает только несправедливый общественный строй. Нет, злоба, агрессивность будто бы заложены в самой человеческой натуре.

Коут по-ницшеански враждебен к народу, который якобы давно утратил революционность. Хотя автор «Иллюзии» нигде не упоминает «великого кормчего», его глубоко реакционные левацкие идеи явно перекликаются с цитатником.

Эта софистика Коута направлена против реалистической литературы, которая, отражая сложную диалектику истории, художественно исследует законы действительности. Английский ученый прежде всего выступает против пафоса познания, которым пронизано искусство реализма, против его благородных воспитательных задач.

При всей своей словесной эквилибристике Коут, по сути дела, лишь повторяет давнюю теорию дегуманизации искусства. Изгнав человека из литературы, он лишает ее предмета исследования и познания мира. На пьедестал современного искусства Коут водружает модернизм, который выражает типическое мироощущение разочарованного интеллигента. Он так формулирует свое понимание модернизма: «Преобладание инстинкта над разумом, воли над мыслью, подсознания над сознанием. Знания? Они субъективны. История? Хаос, провал, серия повторяющихся бурь. Свобода? Человек свободен, как раб, который ползет к востоку по палубе корабля, плывущего на запад. Отчуждение? Оно в самой природе человека».

Дэвид Коут заявляет себя революционером, а самыми нужными революции книгами он считает книги отчаявшихся модернистов. Они привлекают его тотальным пафосом отрицания. Воплощая абсурд и безнадежность, они внушают юному интеллигентному читателю, что мир жалеть незачем, что его надо скорее сломать или взорвать.

Но толпа одиночек, начитавшихся Сэмуэля Беккета, в революцию только играет. Революционный акт у них превращен в камерное театральное представление, где режиссируют художники-модернисты, и до такой революции нет никакого дела борющимся массам.

ПРИГЛАШЕНИЕ К САМОУБИЙСТВУ

Наиболее радикальный нигилизм, отрицающий жизнеспособность искусства, доходит до мысли, что подлинным шедевром смелого «левого» художника должно стать... его самоубийство. В прошлом кончали с собой отдельные творцы, но в перспективе — самоубийство всего искусства в целом. Такой прогноз делает А. Альварец в вышедшей в конце прошлого года в Англии книге «Дикий бог».

Альварец перечисляет драматические истории писателей и художников, покончивших жизнь самоубийством, и тех, чья жизнь оборвалась безумием или в катастрофе. Он рассказывает о ранней смерти многих немецких романтиков, вспоминает французских сюрреалистов, которые пятьдесят лет назад устраивали симпозиумы: является ли самоубийство выходом? В ракурсе обреченности он рассматривает также судьбу и творчество Артюра Рембо, Модильяни, Ван Гога, Кафки, Дилана Томаса, Поллока, Камю и Хемингуэя. Это лишь малая часть имен. Альварец представляет дело так, что трагедия — закономерный исход пути любого подлинного художника. Автор книги «Дикий бог» стремится доказать, что путь к самоуничтожению, к гибели — некий главный, до него незамеченный принцип искусства. Искусство якобы неотвратимо движется к изживанию самого себя.

На нынешнем этапе искусство охвачено эпидемией экспериментов. Уже сюрреалисты предлагали публике насилие, депрессию, психопатический шок. Тенденция к абсолютному отрицанию, по Альварецу, была подхвачена художниками следующих поколений и направлений. «Ничто», хаос, пустота, вакуум стали главным предметом творчества. Из-за этого и возникла небрежная, дерзкая, вызывающая манера в живописи, в литературе, в театре. Поскольку «ничто» передать невозможно и бессмысленно, то участь художника такая же, как и изобретателя «вечного двигателя», — он весь в экспериментах, но ни один из них никогда не даст результата. Искусство, одержимое созданием изломанных эстетических форм, обречено.

Так же как у Джорджа Стейнера и Дэвида Коута, в книге «Дикий бог» ставится знак тождества между произведением искусства и «жестом, поступком, поведением художника». Альварец трактует все вышеназванные трагические биографии художников как произведения искусства.

Заданность роковой развязки — в самой природе художника, считает Альварец. Отношения художника с обществом рассматриваются как извечный антагонизм, возможности иных отношений автор не ведает.

Что же такое «дикий бог», почему так названа книга? «Дикий бог» — это современная цивилизация, антигуманная культура, замешенная на крови, жестокости, это искусство, которое усвоило насилие. Лишенное гармонии, красоты, оно призвано лишь пугать и отталкивать. Художник и общество, по Альварецу, объединены общей тягой к смерти.

КОНЦЕПЦИИ отмирания романа, обреченности литературы, разрушения искусства становятся расхожими идеями буржуазной литературной публицистики. Ни Стейнер, ни Коут, ни тем более Альварец не являются оригинальными философами и теоретиками. Они лишь выражают, каждый на свой лад, те мучительно кризисные формы, какие принимают сегодня эстетические искания на Западе, пытаясь возвести в ранг мирового закона тяготы искусства буржуазного мира.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР

ХЕМИНГУЭЙ В ПАРИЖЕ

«Париж, который был вчера», новая книга Жанет Флэннер, много лет работавшей корреспондентом американского журнала «Нью-Йоркер» во Франции, вышла в августе нынешнего года в издательстве «Викинг». В довоенные годы Париж, как пишет Флэннер, был своеобразной Меккой для многих писателей и художников по ту сторону океана, и они жили там годами. Среди ее друзей был Эрнест Хемингуэй, в то время начинающий литератор, а в годы второй мировой войны, как и Флэннер, военный корреспондент одной из американских газет.

Писательница тепло вспоминает о том, как за столиком в кафе «Де Маго» они вели с Эрнестом долгие споры о поэзии и он прочел ей свою поэму о любви, посвященную Мэри, которая позже стала его женой.

На этом впервые публикуемом снимке — Эрнест Хемингуэй и Жанет Флэннер в Париже в августа 1944 года.

Фото из журнала «Лайф»

Марсель МАРСО:

«НЕСТИ ЛЮДЯМ СВЕТ»

Английская газета «Гардиан» опубликовала интервью с Марселем Марсо. Прославленный французский мим поделился с корреспондентом газеты Джоном Холлом своими мыслями об искусстве и задачах художника. Мы печатаем выдержки из этой беседы.

— Жизнь нельзя показывать правдиво лишь как цепь больших событий, — говорит Марсо. — Ведь в ней происходят и обыденные вещи. Все в жизни переплетается, и надо уметь находить главное. Вот почему в одной и той же пантомиме я показываю и как Бип поскользнулся на банановой корке, и «сотворение мира». Бип — маленький человек, сражающийся с ветряными мельницами, и хотя он не в силах решать большие проблемы, это не значит, что тревожащие его мелочи не имеют значения.

Мимы знали пору подъема и упадка. Когда искусство пантомимы служило человечеству, людям, борющимся за добро, оно неизменно выживало. Но когда мимы скатывались до фарса и вульгарности, их искусство было обречено и погибало. Эта тенденция, конечно, характерна для любого вида искусства. Пантомима девятнадцатого века, пантомима Дебюро достигла вершин потому, что продолжала традиции Фран-

цузской революции: Пьеро уже не был больше слугой, получающим пинки. Он давал сдачу. Королем же была публика, народ. Народ приходил в театр, чтобы увидеть свое, народное искусство.

Некоторые мимические сцены отражают особенности второй половины двадцатого века, другие остаются общими и для нашего времени, я для девятнадцатого и даже восемнадцатого веков. Бип-солдат показывает и войну 1914—1918 гг., и современного несчастного солдата в грязной войне. Война вообще величайшая бессмыслица нашего века.

Мы стали частью огромного мира, и молодое поколение интересуется уже не только тем, что было в двадцатые годы, но и тем, что произойдет в восьмидесятых и девяностых. Молодежь заботят проблемы экологии, загрязнения природы. Если я покажу им беды человека в технологический век, покажу человека, сражающегося с роботами, человека, летящего в космос, — это затронет молодых людей. Но я буду показывать эти большие проблемы, не прибегая к большим символам, а через обыденное и повседневное. Мим может показать их иносказательно.

Я связан с прогрессом, с борьбой за мир, с просвещением нашей планеты. Нет, я не хочу просто развлекать зрителей.

Мое искусство должно нести людям свет, как искусство художника, который хочет говорить о своем обществе так, как это делали Гойя и Домье. Не прибегая к словам, я хотел бы выразить свое мироощущение.

Лев КОРСУНСКИЙ

УБОРЩИЦА

Работал я в то время простым научным сотрудником. Считал там чего-то целыми днями, вычислял, а зачем все это — непонятно. Да и зарплата не удовлетворяла мои возрастающие потребности: я ведь записался тогда на машину, а никаких нетрудовых доходов у меня, естественно, не было.

Узнал я, что нашему институту нужна уборщица, и пошел в отдел кадров устраиваться по совместительству уборщицей. Удивились в отделе кадров, внимательно изучили мои документы, подумали и сказали, что моя кандидатура их устраивает.

Так и пошло с тех пор: еле досиживал я от нетерпения до конца рабочего дня, потом задерживался как бы по делам и, когда все расходились, снимал пиджак, галстук и начинал хлопотать: принимался мыть пол, скрести стены, пыль вытирать. С удовольствием занимался я этим нехитрым делом. Легко и радостно становилось на душе, как только я брал тряпку в руки и отжимал ее.

А утром, бывало, прибегу в институт раньше всех, приберусь, наведу чистоту и с легким сердцем принимаюсь за свою унылую научную работу. Сижу и все на часы посматриваю: когда же, наконец, рабочий день кончится и можно будет любимым делом заняться.

Вывесили у нас как-то новую Доску почета. Все сотрудники сбежались к ней, ну и я подошел. И увидел на доске свою фотографию с надписью: «Уборщица В. Н. Серегин». Все, конечно, развеселились. Ну, а мне, с одной стороны, лестно, что оценили по достоинству мой нелегкий труд, а с другой — несколько обидно, я ведь еще и научный работник. У меня разносторонние интересы. Осудили меня товарищи по работе. «Не пристало, — сказали они, — ученому уборщицей работать». А уборщице ученым? Забыли они, вероятно, что у нас любой труд почетен. Ну, я им напомнил об этом, они и притихли.

Вызвал меня к себе через некоторое время директор и сказал:

— Мы тебя, Серегин, увольняем по сокращению штатов. Ты совершенно бесперспективный научный работник. Никакого от тебя толку нет.

— Да как же, Петр Петрович, — сказал я, — у меня ведь и благодарность есть, и на Доске почета висю.

— Ты висишь там как уборщица. Как уборщицу тебя все уважают, а как научного работника — шиш. Как уборщице тебе давали путевку в дом отдыха, грамотой награждали. В уборщицах и тебя с удовольствием оставим.

На следующее утро пришел я, как обычно, в институт спозаранку, только взялся пол мыть, смотрю: чьи-то ноги по коридору идут, обутые в грязные, перепачканные в глине ботинки. Разогнулся я — директорские ноги. Не сдержался я и закричал на директора:

— Ты чего ж это тут натоптал, для тебя я, что ли, пол мыл!

— Извините, пожалуйста, — смутился директор, — я забыл ноги вытереть.

— Дома-то, небось, не забываешь. А пришел на работу и забывать начал, — разволновался я, — дома-то жена заставила бы самого убирать.

— Я больше не буду, — пробормотал директор и скрылся в своем кабинете.

Зашел я в обеденный перерыв к нему в кабинет прибраться. И что же я увидел: на полу бумажки валяются, окурки из цветочных горшков торчат. Опять разнервничался я.

— Ты почему не уважаешь труд уборщицы? — закричал я. — Для тебя специально пепельницу поставили. Так чего ж ты в горшки окурки сунул? Зачем бумажки на пол бросаешь, в корзину попасть не можешь?

Застыдился директор:

— У нас совещание тут было...

— Знаю я ваши совещания. Никакой управы на вас нет. В следующий раз самих заставлю убирать!

Промямлил что-то директор и выскочил в коридор.

На другой день опять мою пол и вижу: директорские ноги идут. Ну что ж, не такие грязные, как вчера, но все-таки и не совсем чистые.

— Опять наследил? — улыбнулся я иронически.

— Слякоть на улице, — оправдывался директор.

— Ты дома в тапочках ходишь? — поинтересовался я.

— В тапочках.

— Ну вот и здесь ходи в тапочках.

Стал директор с тапочками на работу ходить, как школьник. Переодевается в гардеробе в тапочки и грязь не натаскивает. А другие сотрудники продолжали безобразничать: и бумажки на пол бросали, и курили, где не положено. Измучился я с ними.

Пожаловался я на свою судьбу гардеробщице Ирине Леопольдовне.

— Да ведь они же [illegible], — объяснила мне Ирина Леопольдовна.

Прошел тут мимо нас директор, бросил свой окурок в урну, да промахнулся. Оборвалось во мне что-то, метнулся я к нему, замахнулся тряпкой и заорал:

— Подбери окурок!

Вздрогнул директор, подобрал окурок и юркнул к себе в кабинет. Раздались оттуда всхлипы, а потом сдавленные рыдания.

— Ничего, ничего,— как бы успокоила его Ирина Леопольдовна, — вести себя по-людски надо.

А через некоторое время выглянул из кабинета заплаканный директор и сказал мне:

— Вольдемар Иванович, я беру вас научным работником, только из уборщиц уходите.

— Еще чего! — возмутился я. — Я только чуть-чуть себя почувствовал.

Снова заперся у себя директор и долго не вылезал. А о чем он там думал — не знаю.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ» Мих. ШУР

ДВА + ТРИ = ПЯТЬ

ОТО ВСЕЙ ДУШИ

Растроганный аплодисментами, поэт сказал сквозь слезы: «Товарищи, да на моем месте любой из вас мог бы написать так же...»

РЕШАЮЩЕЕ МНЕНИЕ

— Я прочел вашу рукопись, прочел. Понравилась она мне или нет, я буду знать через несколько дней. Позвоните мне в четверг или в пятницу, хорошо?

НЕПОКОРЕННЫЙ

Только раскрыл книгу — аннотация угрожает, что повесть писательницы Л. покорит читателя. Читаю, читаю, дохожу до последней страницы и остаюсь непокоренным.

ВСТРЕЧА

— У, сколько лет, сколько зим! Дай я тебя поцелую! Щечку. Другую. Лоб. Глаза. Так, так. Ну? Счастлива?

— Счастлива.

— Он-то как? Не пьет, собака?

— Да что вы! Откуда вы взяли?

— Ну, молодец. Так я побегу. Дай поцелую. Щечку. Другую. Лобик. Глазки. Ну, иди Иди, милая, а то я опаздываю на коллегию. Ну, дай поцелую. Щечку. Другую Иди... Не пьет, собака?

— Да что вы!

— Ну, иди. А то опаздываю. Дай поцелую. Щечку Другую. Лобик. Глазки. Иди милая...

КАМПАНЕЙЩИНА

— Обязательно: как выпущу новый роман, так критики сразу же начинают шуметь насчет серости. Вот я и говорю: эта кампанейщина в нашей критике хуже всего.

Николай ЕЛИН, Владимир КАШАЕВ

ЗАГЛЯНУТЬ В ДУШУ...

Иван Кириллович Палкин при смерти находился. Уже и врачи от него отказались.

— Ничего, — заявляют, — нельзя сделать. Чудеса только в спортлото бывают.

И руки стали умывать. Пришли сослуживцы к Палкину проститься. Сам директор Андресюк пожаловал.

— Прощай,—говорит,—дорогой Иван Кириллович. Хороший ты человек был, жалко только, что квартальный отчет не успел закончить. А ведь мы должны были его еще две недели назад сдать. Очень ты нас подвел, но мы тебя прощаем...

А Палкин лежит себе, не реагирует.

Ну, поцеловались с ним сослуживцы, уходить собрались, но тут вбегает Дериков, которого только недавно на работу приняли.

— Что, — удивляется, — вы уже уходите? Чего спешить-то? Посидим, чайку попьем. Когда еще удастся вот так, по-семейному собраться?

— Тихо ты! — на него шикнули. — Не до того сейчас!

— А что, — Дериков спрашивает, — неужели дело так плохо?

— Врачи считают, что безнадежно...

— Ну, врачи тоже ошибаться могут! — Дериков возразил. — Как это безнадежно?

— Да говорят же тебе, что ничего уже сделать нельзя!

Дерикова такие слова за живое задели.

— Это мы еще посмотрим! Врачи только лекарства свои знают, а чтоб в душу человеку заглянуть — так этого от них не жди. А ведь если в душе как следует покопаться, такие резервы можно там у каждого найти, что любую болезнь на вирусы разложат и в порошок сотрут.

— Какие еще резервы! — сослуживцы не верят. — Чего там у Палкина в душе можно найти! Там и зацепиться-то не за что...

— А все-таки попробовать стоит, — не унимается Дериков. — Я Ивана Кирилловича еще по прежней работе знаю. Хороший человек, хотя и не очень. Сейчас он обессилел, конечно, но это дело поправимое.

Подсаживается он к постели умирающего, а у того уже пульс кончается и сердце работать перестает.

— Слышь, Иван Кириллыч, — Дериков говорит, — новости-то какие! Васькина с работы сняли.

Палкин порозовел немножко.

— Да, — Дериков продолжает, — так и написали в приказе: «За развал работы и моральное разложение...»

Палкин задышал глубже, и пульс у него ровнее стал.

— А от Денисова жена ушла. Сбежала и записки не оставила...

Иван Кириллович приоткрыл один глаз и слабо улыбнулся.

Дериков принялся выкладывать подробности:

— И ладно бы еще сама ушла, а то ведь все вещи забрала. Денисов домой приходит, а квартира пустая.

Палкин открыл другой глаз и приподнялся с подушки.

— А у Муркина двести рублей украли, — вспомнил Дериков. — Вытащили из кармана бумажник, а там и ключи, и документы...

Иван Кириллович сел в постели и подпер лицо рукой.

— Пришлось Муркину в местком заявление писать на безвозвратную ссуду.

Палкин снова побледнел и откинулся на подушку.

— Не дали, не дали ссуду! — замахал руками Дериков.

— Разве можно так волновать больного?! — сердито шепнул ему врач. — Скорее поднимайте тонус, вы же видите: кризисное состояние.

— М-м-м... — Дериков лихорадочно вспоминал что-нибудь подходящее к случаю. — Ага, есть! У Жорина сын в институт не прошел. Засыпался! А Поваров машину свою разбил. Нет у него больше машины! А Валерьянкину ордер на квартиру не дали...

Палкин свесил ноги с кровати, надел шлепанцы и задушевно сказал:

— Погоди рассказывать, пойду чайку поставлю. Что ж мы так-то сидим? В кои-то веки собрались...

Он взял чайник и направился в кухню...

ЧУДАКИ

А. НЕКРАСОВ

Г. ЮЗБАШЬЯНЦ

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

А может быть, и нет!

Николай ГЛАЗКОВ

Олейникову Вене
Примерно тридцать лет.
Он плевал в океане.
А может быть, и нет!

А Ивановой Оле,
Наверно, двадцать лет.
Она в вечерней школе
Преподает предмет.
А может быть, и нет!

Денек весенний светел
И солнышком согрет —
И Веня Олю встретил,
А может быть, и нет!

В Москве или в Сибири
Они в одну из сред
Друг друга полюбили.
А может быть, и нет!

Так сочинил отличные
Стихи Глазков поэт.
Стихи оптимистичные,
А может быть, и нет!

ЛАВКА БУКИНИСТА Мих. БУЛГАКОВ

ТРИЛЛИОНЕР

В конце сентября 1921 года М. Булгаков приехал в Москву, и уже в январе 1922 года в его литературной работе обозначились новая тема и новый жанр. 13 января 1922 года он пишет своей сестре в Киев: «Предложи меня в качестве столичного корреспондента по каким угодно... вопросам или же для подвального художественного фельетона...» Посланная вместе с письмом первая дошедшая до нас авторская рукопись писателя «Торговый ренессанс (Москва в начале 1922 года)» положила начало целой серии фельетонов, в которых предметом уничтожающе саркастического отношения автора становятся нэпманский быт и нравы тогдашней литературной богемы.

Отправился я к знакомым нэпманам. Надоело мне бывать у писателей. Богема хороша только у Мюрже — красное вино, барышни... Московская же литературная богема стонет.

Придешь и — или посидеть негде на стуле, а в ванной дамские гвозди, или чаю нет, или чай есть, но сахару нет, или в соседней комнате хозяйка квартиры ведет скандал и туда шмыгают какие-то люди с распухшими лицами, и сидишь как на иголках, потому что боишься, что придут распухших арестовывать и тебя захватят, или (хуже всего) молодые поэты начнут свои стихи читать. Один, потом другой, потом третий... Словом, нестерпимая обстановка.

У нэпманов оказалось до чрезвычайности здорово. Чай, лимон, печенье, горничная, всюду пахнет духами, серебряные ложки (примечание для испуганного иностранца: эстетическое удовольствие), на пианино дочь играет «Молитву девы», диван, «не хотите ли со сливками», никто стихов не читает и т. д.

Единственное неудобство: в зеркальных отражениях маленькая дыра на таких штанах превращается в высшую величину с чайное блюдечко, и приходится прикрывать ее ладонью, а чай мешать левой рукой. А хозяйка, очаровательно улыбаясь, говорит:

— Вы очень милый и интересный, но почему вы не купите себе новые брюки? А на одно я шляпу...

После этого «входное» я подавился чаем и [illegible] «Молитва девы» показалась мне данс-макабром.

Но прозвучал звонок и спас меня.

Вошел некто, перед которым все побледнели, и даже серебряные ложки смешались и сделались похожими на подержанные фраки.

На пальце у вошедшего сияло что-то, напоминающее крест на храме Христа Спасителя на закате.

— Каратов двадцать... не знаю, как он его с вороны снял, — шепнул мне мой сосед, поэт, человек, воспевавший в стихах драгоценные камни, но по своей жестокой бедности не имевший понятия о том, что такое карат.

По камню, от которого [illegible] цветные лучи, по тому, как на плечах у толстой дамы [illegible], по тому, как у вошедшего прямо бегали глаза, я догадался, что передо мной [illegible] нэпман, да еще, вероятно, из треста.

Хозяйка вспыхнула, [illegible], кинулась навстречу, что-то [illegible], и [illegible] на самом почетном месте.

Затем началось [illegible] чаепитие, причем нэпман был в центре внимания.

Я почему-то обиделся (ну что ж из того, что он нэпман... Я разве не человек?) и решил завязать разговор. И завязал его удачно.

— Сколько вы получаете жалованья? — спросил я у обладателя сокровища.

Тут же с двух сторон под столом мне наступили на ногу. На правой ноге я почуял сапог поэта (кривой, стоптанный каблук), на левой — носок хозяйки (французский острый каблук).

И мгновенно меня сняли с репертуара. Защебетала хозяйка, но благодаря моему блестящему почину разговор так и увял в лимонном болоте.

Во-первых, поэт всплеснул руками и простонал:

— Двадцать лимонов! Ай-яй-яй! (Он брился последний раз в июне.)

Во-вторых, сама хозяйка ляпнула что-то несуразно малое насчет оборотов в тресте.

Нэпман понял, что он находится в компании денежных младенцев, и решил поставить нас на место.

— Приходит ко мне в трест неизвестный человек, — начал он, поблескивая черными глазами, — и говорит: «Возьму у вас товару на 200 миллиардов. Плачу векселями». Позвольте, — отвечаю я, — вы — лицо частное... я... какая же гарантия, что ваши уважаемые векселя... «А пожалуйста», — отвечает тот. И вынул книжку своего текущего счета. — И как вы думаете, — нэпман победоносно обвел глазами сидящих за столом, — сколько у него оказалось на текущем счету?

— 300 миллиардов? —крикнул поэт (этот проклятый санкюлот не держал в руках больше пятидесяти лимонов).

— Восемьсот, — сказала хозяйка.

— Девятьсот сорок, — робко пискнул я, убрав ноги под стол.

Нэпман артистически выдержал паузу и сказал:

— Тридцать три триллиона.

Тут я упал в обморок, и что было дальше, не знаю.

Но богач не обиделся. Напротив, мой вопрос ему польстил почему-то.

Он остановил на мне глаза на секунду, причем тут только я разглядел, что они похожи на две десятки одесской работы.

— М... м... как вам сказать... я... пустяки. Два-три миллиарда, — ответил он, посылая мне с пальца снопы света.

— А сколько стоит ваше бри?.. — начал я и взвизгнул от боли...

— ...бритье?! — выкрикнул я, не помня себя, вместо «бриллиантовое кольцо».

— Бритье стоит 20 лимонов, — изумленно ответил нэпман, а хозяйка сделала ему глазами: «Не обращайте внимания. Он идиот».

Примечание для иностранцев: триллионом в московских трестах называют тысячу миллиардов. Тридцать три триллиона пишут так: 33 000 000 000 000.

МОСКВА. 9 января 1923 г.

Публикация М. ЧУДАКОВОЙ

ФРАЗЫ

● *Не пишите гениально! Что вы, лучше других?*

● *Уровень воды в некоторых реках падает потому, что в них исчезла рыба.*

● *Парадокс: больше всего хлопот у человека без определенных занятий.*

Г. КОСТОВЕЦКИЙ, О. ПОПОВ

КИЕВ

● *Скупой, но рыцарь.*

● *«Что-то я сегодня не в форме», — сказало содержание.*

● *Весной они поженились и прожили в мире и согласии до глубокой осени.*

Б. БРАЙНИН

● *«А был ли мальчик?» — спросил голый король.*

Вл. ВЛАДИН

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА РОГА И КОПЫТА

КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ

З. Лазукин часто навещает родственников и знакомых, подолгу сидит у них, пьет чай и беседует на разные темы. «Наш каменный гость», — называют его друзья.

КОПЕЙКИ РУБЛЬ БЕРЕГУТ

Приобретя автомашину, З. Сысин установил в ней счетчик и за каждый километр пути выплачивает себе 10 копеек, не считая посадочных и чаевых. Половину стоимости машины он уже окупил.

СТАРОСТЬ НЕ РАДОСТЬ

Кладовщик Л. Дядькин постоянно выносит через проходную продукцию с территории завода.

— Годы уже не те, чтобы через забор сигать, — грустно признался он вахтеру.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Городской мясокомбинат принимает от населения колбасу и сосиски в неограниченном количестве.

ЕСТЬ НОВЫЙ РЕКОРД!

Василий Дугин просмотрел фильм «Неуловимые мстители» 647 раз в течение одного года.

Василий работает киномехаником в клубе «Текстильщик».

НОВОСТИ ИСКУССТВА

Сегодня на международном конкурсе музыкантов-исполнителей день доигрывания.

ПЕРЕВОДЫ PRZEKŁADY Януш ОСЕНКА

ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА ПЛОЩАДИ ЛА РУЛЕТТ

— Так, так, — произнес инспектор Питу, глядя на труп Клары де Селиньяк, обнаруженный два часа назад ее горничной.

Прибывший на место происшествия врач установил, что покойная была убита тупым предметом между часом и четвертью второго дня. Орудие убийства — окровавленный топор лежал на кровати рядом с трупом.

— Ничего не подозревая, я вошла в комнату, и тут...— горничная разразилась плачем.

— Пошел! — прикрикнул Питу на разгуливавшего по комнате терьера. Затем добавил: — Так, так...

Клара де Селиньяк жила на площади Ла Рулетт. После себя оставила значительное состояние, полностью перешедшее к единственному родственнику — племяннику Марселю де Селиньяку. Сейчас он, бледный, но собранный, сидел на софе в комнате убитой.

— Где вы были вчера между часом и четвертью второго дня? — спросил инспектор, краем глаза наблюдая, не дрожат ли у Марселя какие-нибудь части тела. Но у того ничего не дрожало.

— Вчера между часом и четвертью второго дня я был в Шанели, на ферме у родителей моего друга. Это все могут подтвердить. Только сегодня утром горничная позвонила мне и сообщила страшную новость.

— Так, так, — пробормотал Питу, после чего задал еще один вопрос: — А что вы делали позавчера?

— Ездил на рыбалку.

Инспектор занялся осмотром квартиры. В кладовой он задержался:

— У вас, я вижу, большой запас окорока.

— Тетка обожала окорок, — объяснил юноша, закрывая лицо руками.

— Прошу прощения, если своими вопросами причинил вам боль. Служба. На сегодня, пожалуй, хватит. До свидания.

Выходя, сыщик любезно уступил дорогу носилкам с трупом Клары де Селиньяк.

— Так, так, — пробормотал он, спускаясь по лестнице.

Когда через две недели Питу нанес визит Марселю де Селиньяку, тот принял его в изящной гостиной на площади Ла Рулетт. Точно подавленный великолепием и роскошью обстановки, инспектор скромно присел на краешек кресла. Рядом примостились поношенная шляпа и перевязанный шпагатом небольшой пакет. На пушистом ковре играл маленький терьер.

— Я к вашим услугам, инспектор, — сказал молодой человек.

— Так, так, — неуверенно произнес Питу, словно не зная, с чего начать.

Тем временем терьер обнюхал сначала шляпу, затем — пакет и вдруг жадно набросился на него, грызя и проглатывая шпагат.

— Пошел! — прикрикнул на собаку Марсель, гневно хмуря брови.

— Вы арестованы! По обвинению в убийстве Клары де Селиньяк! — В голосе инспектора звенел металл. На руках убийцы щелкнули наручники.

— Его выдала собака, — рассказывал потом в кругу друзей знаменитый сыщик.— Преступление было задумано хитро. Родственничек покупает несколько окороков, снимает с них шпагат, одним концом привязывает его к высунутой в окно удочке, на которой подвешен кирпич, а другим — к ручке закрепленного над головой спящей тетки топора. Сам же, чтобы обеспечить себе алиби, уезжает на ферму к родителям своего приятеля, предварительно посадив под натянутым между топором и удочкой шпагатом терьера. Негодяй верно рассчитал, что собака, привлеченная запахом окорока, начнет грызть шпагат, а когда перегрызет его, топор упадет спящей на голову. Удочка с подвешенным кирпичом выпадет в окно, остатки же привязанного к топору шпагата голодная собака, не дождавшись хозяина, наверняка съест и тем самым уничтожит все следы дьявольского замысла. Так и случилось. Но мне сразу показался подозрительным окорок без шпагата в кладовой убитой. Не нашел я в квартире и удочки, хотя Марсель был заядлым рыболовом... — добавил инспектор. — Так, так, — пробормотал он спустя некоторое время. — Когда-нибудь, возможно, прояснится история загадочной смерти прохожего, на голову которого упал кирпич, привязанный к удочке.

Перевел с польского А. КЛАПОУХ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ 103654 ГСП Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А — 06079 Типография «Литературной газеты» Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 560 ИНДЕКС 50067